

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ,
ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

ЦЕНТР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

**XV Свято-Троицкие ежегодные
международные академические чтения в Санкт-Петербурге
27–30 мая 2015 г.**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

проф. Д. К. Богатырёв (*председатель*), д. ф. н. Л. С. Астахова (Казань),
член-кор. РАН В. Е. Багно, д. ф. н. Г. В. Вдовина (Москва),
проф. Х. А. Гарсиа Куадрадо (Памплона, Испания), проф. С. А. Гончаров,
проф. А. Ю. Григоренко, проф. Г. И. Григорьев, проф. С. И. Дудник, к. ф. н. В. Г. Иванов,
монс. М. Инглот (Рим, Италия), проф. Я. Красицкий (Вроцлав, Польша),
д-р теологии В. А. Мартинович (Минск, Белоруссия), прот. А. Пелин,
проф. М. Пизери (Аоста, Италия), проф. Р. В. Светлов, монс. П. Скалини,
д. с. н. М. Ю. Смирнов, д. и. н. Е. С. Токарева (Москва), прот. В. Хулап,
прот. В. Шмалий (Москва), проф. Д. В. Шмонин (*зам. председателя*)

ОРГКОМИТЕТ ЧТЕНИЙ

Д. В. Шмонин (*председатель*), Т. Н. Архипова, И. А. Вахрушева,
В. А. Егоров (*отв. секретарь*), А. А. Ермичев, И. О. Загашев,
О. Е. Иванов, С. М. Капилупи, В. Ю. Климов, Д. В. Кузютин,
Е. Ю. Молодцова, О. Г. Оленчук, А. Н. Поликаров, А. М. Прилуцкий,
А. Ю. Рахманин, Т. Н. Рейзвих, П. А. Сапронов, И. Л. Солодовник,
О. Л. Фетисенко, М. Н. Цветаева, В. А. Щученко

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА И ДОКТОРАНТУРА
ИМ. СВВ. РАВНОАП. КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ
АДМИНИСТРАЦИИ ГУБЕРНАТОРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XV СВЯТО-ТРОИЦКИХ ЕЖЕГОДНЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
27–30 мая 2015 г.**

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2015

*Представлено к печати оргкомитетом
XV Свято-Троицких ежегодных международных
академических чтений в Санкт-Петербурге*

*Материалы аннотаций публикуются
без издательского редактирования*

Отв. за выпуск Д. В. Шмонин

Издание подготовил В. А. Егоров

**Сборник материалов XV Свято-Троицких ежегодных между-
народных академических чтений в Санкт-Петербурге. 27–30 мая
С23 2015 г. / Отв. ред. Д. В. Шмонин. — СПб.: РХГА, 2015. — 303 с.**

ISBN 978-5-88812-711-7

Свято-Троицкие чтения — ежегодный форум, который включает в себя научно-теоретические и практические мероприятия, направленные на осмысление истории и современных проблем религии, культуры и образования в ценностно-гуманитарной перспективе. За пятнадцать лет Чтения стали заметным событием в богословской, философско-культурологической, религиоведческой научно-педагогической жизни Санкт-Петербурга и Северо-Запада России, приобрели не только межрегиональный, но и международный статус. В настоящее время Чтения являются признанным местом общения представителей религии, философии и науки, академической площадкой для научного, межрелигиозного, межконфессионального, а также общественно-конфессионального взаимодействия в образовательной среде.

ББК 86.2

ISBN 978-5-88812-711-7

© Коллектив авторов, 2015
© Русская христианская
гуманитарная академия, 2015

**ФИЛОСОФИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ**

А. Р. Фокин

*(Доктор философских наук, заведующий кафедрой богословия
Общecerковной аспирантуры и докторантуры им. свв. Кирилла и Мефодия,
старший научный сотрудник Института философии РАН; al-fokin@yandex.ru)*

ЗРИТЕЛЬНЫЙ АКТ КАК АНАЛОГИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УМА ОТ ЕДИНОГО У ПЛОТИНА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА ОТ ОТЦА У МАРИЯ ВИКТОРИНА И АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Зрительный акт является важной аналогией для описания происхождения Ума от Единого в метафизической системе Плотина. Это означает, что формирование мирового Ума достигается в процессе умственного созерцания первого принципа, Единого, происходящего по аналогии со зрительным восприятием, в результате чего Ум получает свое самостоятельное существование в качестве отдельной Божественной ипостаси. Впоследствии это учение было переосмыслено двумя латинскими христианскими платониками — Марием Викторином и Аврелием Августином, и использовано ими для того, чтобы объяснить, каким образом Сын и Святой Дух происходят от Бога Отца. У Викторина Сын рождается от Отца как чистого Бытия (*esse*) в качестве Его первичного движения, или Жизни (*vita*), что соответствует акту умственного созерцания, еще не воспринявшего свой объект (т. е. Бытие); в то время как Святой Дух представляет собой возвращение этого созерцания обратно к Отцу в виде Божественного Мышления (*intelligentia*), или Самосознания (*cognoscentia*). С другой стороны, Августин рассматривает самого Сына в качестве акта умственного созерцания Отца, возникающего в процессе Божественного самосознания как «внутреннее Слово» (*verbum interius*), или «Знание» Отца о Самом Себе (*notitiasui*), в то время как Святой Дух представляет собой Божественную Волю, которая побуждает Отца к самопознанию и рождению Своего внутреннего Слова («Знания о Самом Себе»), а затем соединяет Бога Отца с порожденным Им Божественным Самосознанием, т. е. с Сыном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brachtendorf J.* Die Struktur des menschlichen Geistes nach Augustinus. Selbstreflexion und Erkenntnis Gottes in «De Trinitate». Hamburg, 2000.

А. М. Гагинский

(Кандидат философских наук, Институт философии РАН;
algaginsky@gmail.com)

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ УЧЕНИЯ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЯХ В АНТИЧНОСТИ: ДООРИСТОТЕЛЕВСКИЙ ПЕРИОД*

В западной научной литературе о трансценденталиях в Средних веках написано достаточно много, чего нельзя сказать о литературе отечественной. При этом даже в западных исследованиях вопрос об идеях, которые послужили отправными точками в процессе развития трансцендентальной парадигмы сводится в основном к рассмотрению взглядов Аристотеля, тогда как о философии его предшественников практически ничего не говорится. В настоящем докладе будет предпринята попытка рассмотреть наиболее ранние, доаристотелевские предпосылки развития учения о трансценденталиях.

В докладе будут рассмотрены (насколько это возможно сделать в форме краткого устного доклада) наиболее важные представления — в рамках учения о трансценденталиях — таких авторов, как Ксенофан (бог), Парменид (единое, бытие, истина), Гераклит (обратимость, бытие, единое, многое), Зенон (единое, многое, сущее), Филолай (число, мышление), Горгий (бытие, единое) и Платон (бытие, единое, благо). Будет показано, что ко времени Аристотеля были созданы все необходимые условия для фиксации первого учения о трансценденталиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Die Fragmenteder Vorsokratiker / Hrsg. H. Diels, W. Kranz. Berlin, 1951–1952⁶. Bd. 1 (рус. пер.: Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подгот. А. В. Лебедев. М., 1989. Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики).

* Доклад подготовлен в рамках реализации проекта № МК-4660.2015.6 «Трансценденталии: от Античности к позднему Средневековью» по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

2. *Platonis opera* / Ed. J. Burnet. Oxford, 1900–1907. 5 vol.
3. *Stokes M.* One and Many in Presocratic Philosophy. Washington, 1971.
4. *Barnes J.* The Presocratic Philosophers. London; New York, 1982.
5. *Kahn Ch.* Essays on Being. Oxford, 2009.
6. *Burnet J.* Early Greek Philosophy. London, 1908.
7. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
8. *Gracia J.* The Transcendentals in the Middle Ages: An Introduction // *Topoi*, 11. 1992. P. 113–120.

К. В. Карпов
(Кандидат философских наук,
Институт философии РАН;
kirill.karpov@gmail.com)

“НЕРАЗДЕЛЬНОСТЬ” ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЙ: ОТ ФИЛИППА КАНЦЛЕРА К БОНАВЕНТУРЕ*

Понятие «нераздельности» (*indivisio*) является ключевым в анализе Филиппом Канцлером (1160–1236) трансценденталий — понятий «сущее», «единое», «истинное», «благое». Негативное понятие предпочитается Филиппом положительному в силу того, что определение трансценденталии «единое» (*unim*) как «нераздельного сущего» (*ensindivisum*) используется им как образец для определения иных первых понятий [3] (Филипп заимствует эту модель из IV книги «Метафизики» Аристотеля). Смысл этого подхода следующий. Первым простым понятием является «сущее». Все познаваемое человеком познается именно как сущее, ведь даже, чтобы понять, что нечто является несущим, необходимо знать то, что отрицается, т. е. сущее. Единое добавляет к сущему некую характеристику, при этом ограничений понятий «сущего» и «единого» не происходит. Именно так, по мысли Филиппа, возможна обратимость этих понятий: поскольку оба этих понятия можно приложить к одному предмету (то, что является сущим, является и благим, и наоборот), но при этом эти понятия не тождественны друг другу, постольку они должны отличаться между собой негативно. Позже понятие «нераздельности» стало отличительной чертой анализа трансценденталий, принятого среди францисканских авторов. Ее мы обнаруживаем и в «Сумме», приписываемой Александру Гэльскому [1], и затем в работах Бонавентуры

* Доклад подготовлен в рамках реализации проекта № МК-4660.2015.6 «Трансценденталии: от Античности к позднему Средневековью» по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

(прежде всего в «Бревилоквиуме») [2]. В философии Бонавентуры находят свое завершение и два аспекта анализа трансценденталий, которые были свойственны «францисканскому» подходу: теологический контекст и параллелизм онтологии и гносеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alexander Halensis*. Summa theologica. Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1924–1948. P. 140.
2. *Bonaventura*. Breviloquium / Bonaventura. Opera Omnia. T. 5. Quaracchi: Ad Claras Aquas: Typ. Coll. S. Bonaventurae, 1891. P. 215.
3. *Philippus Cancellarius Parisiensis*. Summa de bono. Ed. By N. Wicki. Berne: Francke, 1985. P. 19.

Р. В. Савинов

(Кандидат философских наук, Санкт-Петербургская
государственная академия ветеринарной медицины;
savrodion@yandex.ru)

ФЕНОМЕН АВЕРРОИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ И СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Аверроизм представляет собой своеобразное интеллектуальное течение, которое возникло под влиянием открытия Аристотеля в XIII в. и его арабских и еврейских комментаторов. Достигнув известности в Сорбонне, благодаря деятельности т. н. «латинских аверроистов», оно подверглось критике со стороны как консервативно настроенных церковных кругов, так и «новых богословов» из числа францисканских и доминиканских теологов — Бонавентуры, Аквината, Луллия. Конец этому направлению положили два решения парижского епископата по запрещению деятельности преподавателей-аверроистов, которые завершились гибелью основных представителей этого направления и блокированием влияния их учеников.

В тоже время, история аверроизма на этом не закончилась — развитие этого направления представляет любопытную историю поиска этим течением своей ниши в образовательной и социальной системе позднесредневекового общества. Данный процесс прошел ряд стадий, являющихся откликами на события XIV–XVI вв. Ключевыми событиями в этом процессе были (а) пандемия «Черной смерти» (сер. XIV в.), возвратившая Аверроэса в круг широких интересов как автора медицинской системы, и тем самым закрепившая аверроистов на медицинских факультетах как интерпретаторов его наследия, (б) полемика о достоинстве латинской экзегетической традиции (сер. XV в.), в которой аверроисты заняли консервативную сторону и отказались признавать достоинство греческих источников, противопоставив себя европейскому ученому

сообществу, (в) *полемика о статусе логики* (сер. XVI в.), где аверроизм (И Бальдуино) попытался утвердить себя как метафизический базис всякой методологии.

Данные события в истории аверроизма имели большое значение в интеллектуальной истории раннего Нового времени, и оказали влияние как на схоластический мир, так и на силы, выступавшие его критиками и противниками.

А. Е. Беляев

(Соискатель, Балтийский государственный
технический университет им. Д. Ф. Устинова «Военмех»;
bel76alex@yandex.ru)

Л. А. ТИХОМИРОВ И И. Л. СОЛОНЕВИЧ О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ В САМОДЕРЖАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Очевидно, что либеральные реформы по выстраиванию политической системы самобытного Российского государства по лекалам западно-европейской политической и философской мысли привели к многоаспектному кризису.

В свете этого вызывает интерес воззрений на систему организации подлинного народного представительства двух мыслителей русского консерватизма — Льва Александровича Тихомирова и Ивана Лукьяновича Солоневича.

Л. А. Тихомиров был резким критиком политической системы Российской Империи, сложившейся после реформ 1905 года. В 1912 году Тихомиров тщетно пытался достучаться до разума политической элиты и всего русского народа: «в современном строе жить очень опасно и вредно для нации». Тихомиров обращает внимание на кодификационные несовершенства узаконений 1906 года, он указывает на «умственную лень» и «политическую неразвитость» подражателей, разрабатывавших Основной Закон РИ образца 1906 года и создавших институт «выборных людей» в Государственной Думе и Государственном Совете. Тихомиров полагал, что название «Государственная дума» не соответствует ее деятельности требует переименования в более подходящее — Народную Думу.

Основная аксиологическая составляющая учения И. Л. Солоневича — это выявление эффективного взаимодействия народного представительства и Самодержавной монархии. Данная проблематика рассматривается

в многочисленных его статьях и работах. Модель будущего представительного органа и его роль в политической системе России подробно разработана Солоневичем. Народное представительство складывается из комбинации и территориального (области, земства, города) и корпоративного (научные, инженерные, рабочие и прочие профессиональные организации) представительства с неперменным участием всех признанных в России церковью при главенстве Православной церкви.

Я. В. Дербенева

(Студент,

Русская христианская гуманитарная академия;

jana.derbeneva@yandex.ru)

РЕЛИГИЯ КАК СВОБОДА ДУХА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ И. А. ИЛЬИНА «АКСИОМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА»)

Известный русский мыслитель определяет дух как «высшую силу личного самоутверждения и способность к самоотверженному служению». Дух, согласно Ильину, — «есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы».

Функция религии, пишет философ, в духовном связывании Бога и человека. От Бога исходит Откровение. От человека же — свободное и искреннее приятие этого Откровения в виде молитвы и активной «предметной», т. е. духовной деятельности. Этот таинственный процесс Ильин называет «синергией». Однако это сакральное взаимодействие зависит и от самого верующего.

Мыслитель предлагает выделять два вида свободы: свободу приятия и свободу отвержения. Свобода приятия — это та глубина, с которой человек принимает Откровение Божие (посредством молитвы, чтения Священного Писания, исполнения церковных догматов, участия в таинствах и т. д.).

Свобода отвержения — право человека не признавать и не примыкать к какому-либо верованию. «Отвергнуть», считает Ильин, ни в коем случае не следует понимать как право гонения верующего за его веру. Такое поведение безнравственно и невежественно, так как происходит отрицание личной свободы вообще.

Поэтому, духовно сильный, желающий помочь духовно слабому, должен не давить своим «авторитетом», не стращать загробными карами, а найти ключ к человеческому сердцу, сообщить ему импульс любви и сострадания,

чтобы тот искренне пожелал разорвать расстояние, возникшее между собой и Богом. Ибо религия без этого — всего лишь пустая система религиозных правил и обязанностей.

Слова Ильина актуальны и в наши дни, когда требуется уважение верующих разных конфессий друг к другу и когда остро стоит вопрос о борьбе против религиозного фундаментализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И. А.* Аксиомы религиозного опыта. Минск. 2006.

А. И. Прохоров

(Студент,

Русская христианская гуманитарная академия;

eisensarg@mail.ru)

ТОПОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ КАК МЕТОД ГЕРМЕНЕВТИКИ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Гуссерль в «Картезианских размышлениях» описывает состояние внешней задачи построения универсальной науки в отношении к его, удалившемуся в пустыню методологического солипсизма, как «неопределённая всеобщность» [1]. Эта неопределённая всеобщность выступает как сферическое поле напряжённости, центром которого является точка чистого его. Его, будучи зафиксированным центром, может реализовать своё смысловое движение только равномерно разрастаясь и заполняя собой пространство сферы, либо втягивая сферу в себя, по мере сжатия провоцируя нарастание её концентрации, что означает движение от *разряженной неопределённости* через *концентрированную неопределённость* к единичной конкретности и от безразличной всеобщности к осознанному, схваченному в акте мышления всеединству.

Точечное его есть «дырка» или «просвет бытия» [2], через который в пространство феноменов вступает нечто, под действием внешней смысловой гравитации принимающее очертания человеческого существа. В этой точке заключена вся пустота категории бытия [3] — управляемый смысловой вакуум. Усиление этого вакуума в терминах, описывающих мышление в повседневном языке, означает «углубление». Противоположный ему процесс должен быть назван «конкретизацией» — нечто конкретизирует себя в человеческое существо через ослабление бытийственного вакуума и переход в специфический модус бытия Dasein. Если Гегель в «Феноменологии духа» выбирает путь ослабления смыслового вакуума, ведущего к расширению точки его и заполнения ею всего смыслового

пространства до совпадения с абсолютной целью — Духом, — то первый шаг Гуссерля, напротив, предполагает «углубление»: внешняя сфера сжимается до конкретизации идеальной науки в гомогенное поле конкретных наук, единственно различимым смыслом которых на этом этапе является «притяжение» на содержание в себе идеи подлинной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Издание 2-е, стереотипное. — СПб.: «Наука». 2006 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Е Линь

*(Доктор, доцент русской литературы,
декан факультета русского языка,
Сианьский университет Цзяотун (Китай); yeyil@163.com)*

К ВОПРОСУ О БУНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ «ЧАШИ ЖИЗНИ»

В рассказе «Чаша жизни» И. Бунин, описав разные типы человеческого поведения, судьбу четверых главных героев, связанных между собой общностью быта и разной степенью причастности к религиозным поискам, демонстрировал разнообразие бытия человека — бытие-соперничество, бытие-существование и бытие-наслаждение долголетием. Композиция включает 12 глав, словно символизируя собой полный цикл года — человеческого бытия. Перед читателем последовательно разворачиваются события молодости, старости, мечтаний героев, их философия жизни и в заключение — смерть или приближение к ней. Каждому предстоит испить свою «чашу жизни» до дна.

Бунин через четверых главных героев с их значимыми именами, многозначительным религиозным и античным подтекстом [1] подчеркивает мысль о том, что они должны иметь высокое предназначение. Но герои всю жизнь тратили либо на соперничество в достижении известности, достатка и почета, или на увеличение благосостояния и на наслаждение жизнью. Их бытие ограничено узким пространством существования. В соотношении земного и небесного, жизни и смерти, вечности и памяти Бунин демонстрировал бессмысленность жизни с потерей духовного возвышенного предназначения, дарованного от рода.

Повествование сосредоточено на предсмертных чувствах героев, их воспоминаниях о молодости, которые занимают 11 глав рассказа. Смерть в рассказе, как и в других бунинских произведениях, служит критерием оценки духовного смысла жизни человека. Связь смерти героев с большими православными праздниками (Великопостный вечер, святая пасхальная четырехдесятница и т. д.) придает бунинской «Чаше жизни» яркий религиозно-культурный колорит.

И. П. Литвина
(Доцент, Санкт-Петербургский государственный
университет технологии и дизайна;
litvina_2011@mail.ru)

ПИСАРРО — ГРАФИК И ПЕДАГОГ

Писсарро, — это яркий мастер, старейшина общины художников-импрессионистов. Его творчество отличают: мировоззренческая полнота, демократизм, дерзость и независимость почерка, — качества, равно присущие тем, кто работал вместе с художником и учился у него.

Метод работы мастера заслуживает отдельного рассмотрения. Часто образ у него рождался во время пленэрной работы прямо на холсте. Но до нас дошли рисунки, наброски, офорты, литографии, пастели, гуаши, акварели и монотипии Писсарро, которые в полной мере заслуживают заинтересованного внимания. Это не только «кухня» художника, это и часть его творчества. Исследуя развитие художественного замысла в графике Писсарро, автор ставит задачу понять механизм его творчества, изучить методы и приемы художника. Потрясенное открытиями импрессионизма и ожидавшее новых чудес от бурно развивавшейся науки, по темпам даже опережавшей искусство, оно довольно спокойно приняло отражавшие перемены в его сознании неоимпрессионизм и постимпрессионизм, которые, один за другим, последовательно подготовили в искусстве откат с позиций формы. Обратимся к высказыванию Освальда Шпенглера, который для рассмотрения этого вопроса осмыслил высказывание Канта: «Пространство есть априорная форма созерцания». Формула Канта по своей емкости казалась ему программой исторического развития реалистической живописи — еще с Леонардо да Винчи. В панораме этого развития импрессионизму он отвел роль изнанки ощущения, «всеобъемлющего выражения конкретного мироощущения», направления, силящегося «как можно дальше отойти от языка пластики и приблизиться к языку музыки». Политические взгляды художника характеризуют рисунки серии «Turpitudes Sociales», в которых сочетаются глубокий сатирический сарказм и величайший гуманизм Камилля Писсарро.

А. И. Булахова
(Аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия;
spelled01@ya.ru)

МЕДИАГЕРОЙ

В медиаэпоху героев, воплощавших возвышенный идеал прохождения через множество опасностей для совершения грандиозного подвига, сменили герои другого порядка. Это герои уорхоловских 15 минут славы, которые обретают сверхчеловеческие качества, попадая в объектив видео или фотокамеры. Новую перспективу во взаимоотношениях общества со своими героями задал подъем киноиндустрии. Кинематограф установил особую разновидность интимной связи индивидов с кумирами, а камера стала необходимым условием новой близости.

С расцветом таких медиа как радио, кино и телевидение происходит раскол между понятием «герой» и понятием «знаменитость», но проследивая эту дихотомию многие исследователи приходят к выводу, что в современной культуре герой уже не может возникнуть без поддержки медиа, а следовательно, ему необходимо сперва стать знаменитостью. Только медиа могут придать силу событию.

Виктор Савчук пишет о стирании различий «между творческой деятельностью, имевшей целью создание произведения искусства, и работой по созданию массмедиального образа». Медиаобраз становится самоцелью.

Любой подвиг подтверждается только в поле медиареальности и этот механизм постепенно сводит саму суть героизма к тому, чтобы стать популярным, то есть попасть в поле зрения медиа и суметь удержать их внимание — сотворить такого героя, который будет жить как можно дольше, оставаясь юным и прекрасным. По существу это и является современной разновидностью подвига.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
2. *Meyrowitz J.* The Life and Death of Media Friends: New Genres of Intimacy and Mourning // *American Heroes in a Media age* / edited by Susan J. Drucker, Robert S. Cathcart. Hampton Press, Inc., 1994. 330 с.
3. *Steyerl Hito.* The Wretched of the Screen. Sternberg Press, 2012. 198 с.

П. А. Щуплов

(Аспирант, Русская христианская гуманитарная академия;
paschupa@gmail.com)

ПРОБЛЕМА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ И ОБЩИХ ПРАВИЛ

Миф, так же как и религия, имеет своей подосновой праздничность, трансцендентно-вечную, скрашивающую трагедийность бытия (неполнота, незавершенность бытия, романтические поиски *подлинности*). Этимологически слово «гоголь» «происходит от др.-русск. гоголь (СПИ), ср.: укр. го́голь, чешск. собств. Hohol, польск. gogoł «Clangula glaucion», др.-польск. gogolica «fuligula». Ср. также: др.-прусск. gegalis «мелкий нырок», латышск. gegals «нырок» наряду с лит. gaigalas «селезень», латышск. gaigala «порода чайки», др.-исл. gagl «снежный гусь», голл. gagelen «гоготать», так же является синонимом глагола «нырять». Основным принципом игры в крестики-нолики является поочередность ходов. Игра детерминирована социально: чем сильнее игровая детерминация, тем больше возникает проблем связанных с исключительностью. Слово «блатной» происходит от существительного «блат», далее от польск. blat «укрыватель» из идишск. blat «посвященный, согласный». Законотворчество стимулируется извне, ибо «не существует универсально удовлетворительных правил создания организационных структур, а стало быть, государственно-общественное администрирование — это, скорее, искусство, нежели наука», а стало быть, и нет предела для закона: «Кому на роду написано ярмо носить — тот есть бык. Быку — кнут. А кто по натуре своей свободу любит — тому и за забором свобода. Там на воле — закон ментовской, а здесь — наш — воровской!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гостев И. Беспредел, Мосфильм, 1989.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, Москва «Прогресс», 1986.
3. Фукуяма Ф. Сильное государство, «АСТ МОСКВА», 2009.

О. В. Сахарова
(Соискатель,
Московский государственный
областной университет;
oksana-sakharova0@rambler.ru)

СТИХОТВОРЕНИЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МОЙ ДЕМОН» (1830–31): ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОГО КОММЕНТАРИЯ

По сравнению с редакцией стихотворения «Мой демон» 1829 г., в редакции 1830–31 гг. поэт, значительно расширяя «человеческий характер образа» демона и объем стихотворения, не только «усиливает личностное звучание темы», но и вскрывает философско-психологические корни демонизма. В стихотворении Лермонтова «Мой демон» (1830–31) изгнанник рая являет черты не только характерного романтического скитальца, отвергнутого землей и небесами, но и вполне конкретного духа зла. В художественном контексте произведения для создания образа демона акцентируется inferнальная семантика холода и тьмы, вербализованная через слова «бледный», «пасмурный», «туман», «бледная луна»: «Он любит пасмурные ночи, / Туманы, бледную луну...». Образ Демона заставляет людей «сомневаться в истинах веры», настраивает на разрушение любви и творчества, внушая жестокость и зло. Эпитет «дикий», используемый автором в составе оксюморона, в религиозном сознании ассоциативно связан с представлениями о нечистой силе: «Дикой — леший, черт, сатана...». Гордый демон «глотает жадно дым сраженья» и приступает к человеку «с насмешкою суровой», желая соблазнить и погубить Божье творение. В поздней редакции усиливается отрицательная коннотация демона. Романтические коннотации в изображении падшего духа сменяются духовным реализмом: характеристики лермонтовского демона совпадают со святоотеческими представлениями о падшем духе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власова М.* Русские суеверия. СПб. 2000.
2. *Голованова Т.П.* «Мой демон» (1830–31) // *Лермонтовская энциклопедия* М.: Сов. Энцикл., 1981.
3. *Лермонтов М. Ю.* Мой демон // *Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т.* — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 1. — 1954.
4. Св. прав. Иоанн Кронштадский. Живой колос. М.-Спб., 1998.

БОККАЧЧО В МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л. Н. Полубояринова
(Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
LarPolub@hotmail.com)

«ГДЕ "СОКОЛ" ЗАРЫТ»: ДИСКУССИЯ О МАЛЫХ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ЖАНРАХ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В докладе рассматривается рецепция новеллистической традиции Боккаччо немецкой повествовательной прозой XIX века. В начале века в рамках литературы веймарского классицизма и романтизма появляется теоретическая рефлексия о жанре новеллы. Таким образом возникает теория «неслыханного происшествия» (И. В. Гете) и «неожиданного поворота» (Л. Тик). В 1871 г. П. Гейзе, противопоставляя новеллу и роман, выдвигает т. н. «соколиную теорию», в соответствии с которой новелла, вслед за Боккаччо, должна обладать «четким силуэтом» и «соколом» — образом, воплощающим главный конфликт в символической форме. В 1895 г. в дискуссии Гейзе и австрийской писательницы-реалиста М. фон Эбнер-Эшенбах, наряду с новеллой и романом, в оборот вводится также термин «повесть», знаменующий новый поворот в немецкой жанровой дискуссии. Тем самым акцентируется специфика австрийской тенденции развития повествовательной прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боккаччо. Декамерон / Пер. с итал. — М.: Гослитиздат, 1955.
2. Михайлов А. В. Варианты эпического стиля в литературах Австрии и Германии // Михайлов А. В. Языки культуры. Пособие по культурологии. — М.: Языки русской культуры, 1997.

3. Михайлов А. В. Роман и стиль // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. — М.: Наука, 1982.

4. Полубояринова Л. Н. «Бедный музыкант» Ф. Грильпарцера // Немецкая литература между романтизмом и реализмом (1830–1870). Тексты и интерпретации / Сост. Й. Шмидт и А. Березина. — СПб.: Бельведер, 2003.

И. И. Бурова

*(Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет;
irinaburova@hotmail.com)*

«ТРИТАМЕРОН» Р. ГРИНА:
АНГЛИЙСКИЙ ПОТОМОК
«ДЕКАМЕРОНА» ДЖ. БОККАЧЧО

Доклад посвящен анализу «Морандо, или Тритамерона о любви» елизаветинского прозаика и драматурга Роберта Грина, оцениваемому как произведение, в котором влияние «Декамерона» Боккаччо проявилось на уровнях паратекста, топики и поэтики. Уникальность «Тритамерона» раскрывается в контексте рецепции итальянской ренессансной новеллы такими писателями тюдоровской эпохи, как У. Пейнтер (сборник «Дворец удовольствия»), Дж. Петти («Малый дворец удовольствия») и Дж. Фентон («Некоторые трагические повествования»). Сочинение Грина, сочетающее в себе черты гуманистического диалога и новеллистического сборника, представляет собой убедительное доказательство глубокого понимания автором художественного своеобразия «Декамерона» и является примером творческого использования достижений Боккаччо задолго до появления первого англоязычного перевода его знаменитого сборника новелл, опубликованного в 1620 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. «Кентерберийские рассказы» и «Декамерон» // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. — 1941. — Т. 41.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.

3. *Бурова И. И.* Взаимодействие европейской и национальной традиций в английской новеллистике эпохи Тюдоров // Синтез культурных традиций в художественном произведении / Отв. ред. О. Л. Мощанская. — Н. Новгород: НГПУ, 1996.

4. *Бурова И. И.* Экспериментальная поэзия Эдмунда Спенсера. — СПб.: Комильфо, 2009.

Ф. В. Фуртай

(Доктор искусствоведения, доцент,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина;
ira_oza@msn.com)

КИНЕМАТОГРАФ ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

Как все великие произведения литературы «Декамерон» не мог не привлечь внимания молодого искусства кино. Однако, в первые десятилетия существования кинематографа ренессансный радостный оптимизм в отношении человеческой телесности находился в существенном диссонансе с эстетикой, как модерна, так и экспрессионизма. Возрастание интереса к сюжетам из «Декамерона» наблюдается с 60-х годов XX столетия — времени выхода на авансцену социальной жизни молодёжных субкультур и сексуальной революции.

В докладе делается попытка проследить историю присутствия боккаччианских сюжетов и экранизаций главного произведения Джованни Боккаччо «Декамерон» в европейском кинематографе. Анализируются также эстетические и художественные особенности киноязыка экранизаций Боккаччо в их отношении к различным периодам развития кино с учётом стилевых тенденций и ментальных подвижек в социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жизнь замечательных людей. Джованни Боккаччо.
2. *Мандельштам О. Э.* Разговор О Данте / Данте Алигьери: pro et contra / Сост., вступ. статья М. С. Самарина, И. Ю. Шауб, коммент. М. С. Самарина, В. В. Андерсен, К. С. Ланда, И. Ю. Шауб. — СПб.: РХГА, 2011 — (Русский путь).
3. Encyclopediae Channel. № 266, 2009 г.

А. Ю. Миролюбова
(Кандидат филологических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет;
amirol31@mail.ru)

«О ТЕОДОРО!», ИЛИ ОДИН СЛУЧАЙ РЕНЕССАНСНОГО ИНТЕРТЕКСТА

В докладе рассматривается пример интертекстуальной вставки: новелла Боккаччо в устах героя комедии Лопе де Веги «Собака на сене», искаженная и приспособленная для нужд драматического действия. Проводится сравнительный анализ новеллы и ее пересказа, выявляется ее связь с композицией и общим замыслом пьесы. Если в новелле Боккаччо, несмотря на традиционную схему анагнозиса, четко прослеживается связь с реальным временем и пространством, то в пьесе Лопе анагнозис ложный, а выдуманное пространство выстраивается с помощью искусственно сконструированного языка. Высказывается предположение, что Лопе де Вега, чьи пьесы часто организуются вокруг частицы чужого текста, чаще фольклорного, в данном случае использует новеллу Боккаччо в качестве ядра своей сюжетной схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боккаччо Дж.* Декамерон. Перевод А. Н. Веселовского. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Испанская новелла Золотого века / Сост. З. И. Плавскина; Вступ. ст. А. Миролюбовой. Л.: Худож. лит., 1989.
3. *Плавский З. И.* Литература Испании. Т. 1: IX–XVIII вв. СПб: Издательство СПбГУ, 2005.
4. *Шайтанов И. О.* Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2010.

С. М. Капилуни
(Кандидат философских наук, доцент,
Римский университет «Ла Сапьенца»,
Русская христианская гуманитарная академия)

БОККАЧЧО В ТВОРЧЕСТВЕ МАКИАВЕЛЛИ И ПРОБЛЕМА КОМИЧЕСКОГО В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная статья трактует проблему комического в итальянской культуре в свете прямого наследия Боккаччо в творчестве Макиавелли и, в частности, по примеру данного наследия в «Мандрагоре», что хорошо изучено современными итальянскими исследователями. Весь универсум комических героев и сюжетов от Боккаччо и Макиавелли приведет в итоге к созерцанию комического духа, пронзающего итальянскую культуру через Комедию дель арте, Луиджи Пиранделло и Эдуардо Де Филиппо до конца XX века. После Второй мировой войны итальянское кино открыло сначала прекрасные новые надежды на духовное развитие итальянского и мирового сознания. Развивалась также прекрасная «комедия по-итальянски», доходя до ее завершения к концу 70-х годов. Далеко не всегда герои этой «комедии», однако, стали продуктивными вдохновителями для критического мышления итальянской публики. Некоторые из них, на самом деле, прямо и тонко наслаждаются своей моральной низостью и становятся образцом «среднего итальянца», сначала довольного экономическим развитием «made in Italy», впоследствии оказавшегося главным актером и жертвой социального и политического кризиса последних двадцатых лет. Боккаччо и Макиавелли к чему-то другому и весьма глубокому учили читателей: смотреть на человеческую слабость с метафизической точки зрения, то есть с «небесным» равнодушием: они не судят и не одобряют своих героев, а лишь наблюдают на них, без морализма, да, но также без малейшего

сализма или самонаслаждения. Возникает, таким путем, иная надежда, обоснованная на более глубокое понимание мира, которое не скрывает его противоречия, но также не замыкает ворота для проявления высшего света в душе внимательного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Luciano Bottoni, La Messinscena del Rinascimento II. Il segreto del diavolo e «La Mandragola», Milano: Franco Angeli, 2006*

А. А. Салтыков
(Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
andrsalt@hotmail.com)

ДВА ВОПЛОЩЕНИЯ ОДНОГО СЮЖЕТА:
ПЯТАЯ НОВЕЛЛА ЧЕТВЕРТОГО ДНЯ
«ДЕКАМЕРОНА» ДЖ. БОККАЧЧО
И СКАЗКА «ЭЛЬФ РОЗОВОГО КУСТА»
Х. К. АНДЕРСЕНА

Более пяти столетий разделяют художественные искания двух выдающихся писателей — итальянца Джованни Боккаччо (1313–1375) и датчанина Ханса Кристиана Андерсена (1805–1875). Каждый из них является символом литературного творчества в своей стране. В представленной работе предпринята попытка рассмотреть, каким образом средневековый итальянский фольклорный сюжет реализуется в одной из новелл «Декамерона» и в датской литературной сказке эпохи романтизма. Основное внимание фокусируется на сопоставлении жанровых, стилистических, сюжетных особенностей двух произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен Ханс Кристиан. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки. М.: Наука, 1983.
2. Боккаччо Дж. Декамерон. М.: ГИХЛ, 1955.
3. H. C. Andersens eventyr, Bind 7. København: C. A. Reitzels Forlag, 1990.
4. H. C. Andersens Dagbøger. Bind 6. København: G. E. C. Gad, 1971–77.

О. А. Светлакова
(Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
nerdane163@rambler.ru)

ПЕТРАРКИСТСКИЙ СОНЕТ И НОВЕЛЛА БОККАЧЧО В РЕНЕССАНСНОМ ЖАНРОВОМ ПОИСКЕ: СЕРВАНТЕСОВСКИЕ РЕШЕНИЯ

Доклад освящает сервантесовскую позицию в отношении работы в жанре новеллы и сонета. Функционирование одного и того же персонажа как совокупности художественных смыслов в разных жанрах у одного и того же писателя, именно у Сервантеса, рассматриваются с целью выявления закономерностей жанрового поиска. художественный потенциал рассматриваемого образа имеет социо-исторические и даже автобиографические коннотации, как почти всегда у Сервантеса, пародийные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cervantes Saavedra M.* Obra completa. TT. 1–3 / ed. de Florencio Sevilla Arroyo y Antonio Rey Hazas/ Centro de estudios cervantinos/ Alcalà de Henares, 1995.
2. *Сервантес М.* Наиздательные новеллы // Сервантес М. Сочинения: В 5-ти тт.— Т. 4. М., 1961.
3. *Cervantes M.* Obras menores/prol. de Givanel Mas. Barcelona, 1905.
4. *Pabst W.* La novela corta en la teoría y en la creación literaria.— Madrid: Gredos, D.L., 1972.

К. С. Ланда

(Докторант, Болонский университет;
allodolakri@gmail.com)

БОККАЧЧО И ДАНТЕ: ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БОККАЧЧО

В докладе анализируется эволюция отношения Боккаччо к личности и творчеству Данте в контексте темы поэта и поэзии в различных его произведениях. Всю жизнь Боккаччо чтит Данте как своего учителя и стремился приблизить его к народу, как через жизнеописание, так и через истолкование его поэмы. В то же время, он глубоко уважал Петрарку, который создал модель «элитарной поэзии» и не поощрял стремление Боккаччо «вульгаризовать» Данте. Между этими двумя полюсами — «народная поэзия» Данте и «поэзия для избранных» Петрарки — и рождалась драма творчества Боккаччо, пытавшегося следовать за обоими предшественниками одновременно. Через анализ отношения Боккаччо к Данте, на наш взгляд, раскрываются важные аспекты его отношения к поэзии и самой природы его таланта посредника между гением и народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Boccaccio G.* Esposizioni sopra la Comedia di Dante. A cura di G. Padoan. — Milano: Mondadori, 1994. — 1076 с.
2. *Boccaccio G.* Trattatello in laude di Dante. Introduzione, prefazione e note di L. Sasso. — Milano: Garzanti, 2009. — 135 с.
3. *Battaglia Ricci L.* Il culto per Dante, l'amicizia con Petrarca: Giovanni Boccaccio // Dante e Boccaccio. *Lectura Dantis Scaligera*. 2004–2005, a cura di E. Sandal. — Roma-Padova: Antenore, 2006. — С. 21–54.
4. *Curtius E. R.* Letteratura europea e Medio Evo latino. A cura di R. Antonelli. — Firenze: La Nuova Italia, 1992. — 610 с.

И. В. Соболева
(Старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет;
irsoboleva@yandex.ru)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. БОККАЧЧО В РУССКИХ ПЕРЕСКАЗАХ И ПЕРЕВОДАХ XVIII–XX вв.

Доклад посвящен истории знакомства русскоязычного читателя с творчеством Боккаччо с XVIII века до наших дней. Выделены основные этапы этого знакомства: упоминание — пересказ с иноязычных (польских, немецких, французских) источников — пересказ отдельных новелл — перевод отдельных новелл — полный перевод «Декамерона» — перевод малых произведений. Показано, как с течением времени меняется восприятие творчества великого итальянца, сначала считавшегося автором исключительно развлекательной литературы, интерес к которому был связан с некоторой скандальностью его сюжетов, а потом, благодаря переводам и исследованиям таких литераторов, как К. Батюшков и А. Веселовский, признанным гением эпохи Возрождения. Дается сравнительный анализ некоторых переводов, их сравнительная оценка. Дается обзор основных публикаций Дж. Боккаччо на русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977.
2. Боккаччо Дж. Декамерон (перевод с итальянского А. Н. Веселовского). М, ГИХЛ, 1955 (воспроизведение текста перевода по изданию 1896 г.)
3. Бранка В. Боккаччо средневековый, М., 1983
4. Горбов М. А. Божественной комедии часть вторая: С объясн. и примеч. М., 1898.
5. Итальянская поэзия в переводах Евгения Солоновича». М., 2000.

К. И. Смирнова
(Ассистент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
xenia.smirnova88@gmail.com)

ВКУС СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В «ДЕКАМЕРОНЕ» БОККАЧЧО

Гастрономическая культура Средневековья и Раннего Возрождения нашла своё отражение в «Декамероне» Боккаччо. В докладе рассмотрены новеллы сборника, в которых особенно ярко проявляются такие важные для данного периода дихотомии как голод и изобилие, постная и праздничная еда, крестьяне и знать, а также описан типичный для Средних веков и Возрождения философский взгляд на еду. Символика еды очень часто оказывается определяющей для понимания содержания новеллы, а знание особенностей средневекового восприятия еды позволяет открыть новые смысловые грани той или иной новеллы. Также в «Декамероне» живо и ярко воссоздана повседневная жизнь середины XIV в., поэтому помимо огромной литературной ценности, сборник новелл остаётся ценнейшим источником знаний для историков и культурологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benporat C. Feste e banchetti. Convivialità italiana fra tre e quattrocento, Firenze, Olschki, 2001.
2. Le Goff J. Il Basso Medioevo. Milano, 1967.
3. Montanari M. La fame e l'abbondanza. Bari, 2010.
4. Mouchet V. Il cibo nelle novella medievali tra realtà, simbolo e narrazione // La sapida elo-quenza. Retorica del cibo e cibo retorico. A cura di C. Spila. Roma, 2004.

М. С. Петрова
(Ассистент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mariapetrovaspb1@rambler.ru)

**К. Н. БАТЮШКОВ
КАК ПЕРЕВОДЧИК БОККАЧЧО:
«НОВЕЛЛА О ГРИЗЕЛЬДЕ»**

Доклад посвящен переводу на русский язык одной из самых известных новелл «Декамерона» Дж. Боккаччо — так называемой «Новеллы о Гризельде» (10-я новелла X дня). Перевод новеллы был выполнен выдающимся русским поэтом и писателем К. Н. Батюшковым и напечатан в его сборнике «Опыты в стихах и прозе» в 1817 году. Это была первая попытка перевода указанной новеллы на русский язык. В данной статье проводится сравнительный анализ оригинального итальянского текста и русского перевода, рассматриваются особенности литературного стиля переводчика. Вопрос о характеристике стиливой принадлежности поэтических и прозаических произведений К. Н. Батюшкова до сих пор относится к разряду дискуссионных. Проведённый в статье сравнительный анализ вводит новые, прежде не использованные, данные в изучение этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батюшков К. Н.* Нечто о поэте и поэзии / Сост., вступ. статья и коммент. В. А. Кошелева. — М.: Современник, 1985.
2. *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. — М.: Наука, 1977.
3. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). — СПб.: Наука, 1994.
4. *Махов А. Е.* Предромантизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — М., 2001.

В. В. Андерсен

(Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет;

vlad.andersen@gmail.com)

ФРАНЦУЗСКИЕ ОТЗВУКИ «ДЕКАМЕРОНА»

Доклад посвящен рассмотрению мало изученной в отечественной науке проблемы рецепции Боккаччо во французской культуре XV–XVI вв. Рассматривая ранние переводы «Декамерона» на французский язык (Лорана де Премьерфе и Антуана ле Масона), а также «Гептамерон» Маргариты Наваррской, автор приходит к выводу, что популярность сюжетов Боккаччо во французской литературе была тесно связана с возможностью их морального толкования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсен В. В. История Абеяра и Элоизы в литературе итальянского Ренессанса // Вопросы истории и культурологии // Научные труды. — М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2014.
2. Bremond C, Le Goff J, Schmitt J-C. L'«Exemplum». Typologie des sources du Moyen Âge occidental. — Turnhout: Brepols, 1982.
3. Diffley P. B. From Translation to Imitation and beyond: A Reassessment of Boccaccio's Role in Marguerite de Navarre's "Heptaméron" // The Modern Language Review. — Vol. 90. — No. 2. — P. 345–362.
4. Di Stefano G. Il Trecento. Il Boccaccio nella cultura francese. — Firenze: Leo Olschki; 1971. — P. 1–48.

СЕКТА: ОБЩЕСТВЕННЫЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

В. А. Егоров
(Преподаватель,
Русская христианская гуманитарная академия;
egorov1@mail.ru)

РЕЛИГИОЗНАЯ ЭТИКА В НРД

Религиозная этика — термин, использующийся для обозначения комплекса моральных представлений и предписаний о поведении человека на основании текстов (устных, письменных) той или иной религиозной организации или духовного учения. Кроме отношения к трансцендентному (Богу. Абсолюту, богам и пр.) религиозная этика устанавливает нормы поведения в этом, имманентном мире, как вне, так и внутри общины, группы.

Религиозные организации в современной России представлены как религиями имеющими вековую историю, так и новыми, с небольшой историей пребывания в стране, к которым мы и относим Новые религиозные движения (НРД).

Саентология, Сахаджа Йога, Фиолетовое пламя, Брахма Кумарис, Церковь последнего завета, Церковь Божьей Матери Державной и др. появились совсем недавно и еще не стали чем-то привычным, вписанным в общественное пространство.

В основном религиозная этика НРД совпадает с моральными принципами привычными современному человеку, который усваивает их в различных социальных институтах: семье, школе, церкви.

В докладе будет рассмотрена религиозная этика Церкви Саентологии, что появилась в России в начале 80-х годов прошлого века, на основании текстов Рона Хаббарда, которые принимаются в Сантологии как священные.

В. А. Курилов

(Аспирант,

Русская христианская гуманитарная академия)

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И БАПТИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Воздействие советского государства на деятельность религиозных объединений заслуживает пристального изучения в связи с наметившейся тенденцией заметного присутствия так называемого «антикультизма» в административно-правовой деятельности государственных органов РФ. Для раскрытия логики и внутреннего механизма политики государства по отношению к НРД и «сектам» необходимо исследовать советскую практику проведения партийно-государственных решений по отношению к религиозным объединениям через Совет по делам религий при СМ СССР (далее Совет) и его уполномоченных на местах. Ценный материал, проливающий свет на понимание явления «антикультизма», содержит переписка Совета с его уполномоченным по Ленинграду и Ленинградской обл. Для раскрытия данной темы крайне поучительна история отношения советского государства к протестантским церквям и создание ВСЕХБ, а также отколовшегося от этого объединения церковью СЦЕХБ. Как известно в Советском Союзе религиозным объединениям было запрещено вести внекультовую, в том числе и миссионерскую деятельность. По меткому замечанию крупного специалиста по истории баптизма академика РАН Л. Н. Митрохина: *«Предписать старшим пресвитерам “сдерживать нездоровые миссионерские явления” — примерно то же самое, что обязать папских нунциев вести антирелигиозную работу»* [1]. Изучение документов связанных с деятельностью Уполномоченного Совета поможет раскрыть сущность подобной административно-правовой практики и будет способствовать изживанию идеологических предрассудков по отношению к религиозным объединениям в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки).— СПб.: РХГИ, 1997.— 480 с. С. 414.
2. *Иваненко С. И.* Вторжение антикультизма в государственно-конфессиональные отношения в современной России.— СПб.: Дерево жизни, 2012.— 52 с. С. 22.

М. В. Колмакова

(Аспирант,

Русская христианская гуманитарная академия,
сотрудник Библиотеки Российской академии наук;
kolmakovamv@yandex.ru)

ТЕРМИН «СЕКТА»
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ
«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»
И «НАУКА И РЕЛИГИЯ»
в 60-е гг. XX в.

Освещение деятельности религиозных организации на страницах весьма влиятельных периодических изданий таких как: «Вопросы философии» и «Наука и религия» — представляет особенный интерес для исследователей, выявляющих специфику изучения религии советскими учеными. В докладе будут представлены основные векторы изучения такого сложного, но требующего анализа, явления как сектантство, которые возможно проследить в работах, опубликованных в указанных изданиях в 60-е годы XX века.

Показательна история создания интересующих нас печатных изданий. Первый выпуск «Вопросов философии» увидел свет в середине 1947 года. Журнал с самого начала являлся исключительно научным и академическим изданием. Журнал «Наука и религия» был основан в 1959 году. Направление его работы массовая научно-популярная литература. Исходя из некоторой разницы направлений журналов, представляется важным фиксировать подходы изучения и оценки печатных текстов, что мы постараемся показать в рамках настоящего доклада. Середина XX века в истории отечественной мысли о религии — весьма непростой период, который еще предстоит тщательно изучить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы философии.— 1960–1969.— 1–12.
2. Наука и религия.— 1960–1969.— 1–12.
3. Научный атеизм, религия и современность / отв. ред. А. Т. Москаленко.— Новосибирск, 1987.— 333, [3] с.
4. Лекторский В. А. «Вопросам философии» 60 лет // Вопросы философии.— 2007.— № 7.— С. 3–4.

А. В. Катаева
(Аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия;
alevtinakat@mail.ru)

«СЕКТА» КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Если обратиться к истории человеческой культуры, то можно увидеть, что практически во все времена существовали религиозные сообщества, часто в литературе именуемые «сектами», которые в той или иной степени противопоставляли себя традиционным религиям. Энциклопедический словарь дает понятие слова секта в его происхождении от латинского «secta» — что значит учение, направление, школа, религиозная группа, община, отколовшаяся от господствующей церкви. В переносном смысле — группа лиц, замкнувшихся в своих узких интересах. «Но многие НРД из тех, кого сейчас называют сектами, ни от кого не отделялись — ни от Церкви, ни даже от другой секты. Эти религиозные движения возникли как бы на ровном месте благодаря деятельности своих основателей, провозгласивших новое учение и собравших вокруг себя последователей» [1]. Многие из так называемых сект не имеют признаков, характерных для классических сект, о которых писали Трельч и другие ученые. Сейчас слово секта вызывает неоднозначные ассоциации. «Название “секта” служит в данном случае просто обличительным ярлыком, как это издавна было в ходу при конфронтации новых религиозных движений с официально признанными церквами (сектантами при этом называли отступников-сепаратистов, отпавших от лоно матери-церкви)» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения: учебное пособие / Е. Э. Эгильский, А. В. Матецкая, С. И. Самыгин.— М.: КНОРУС, 2011.— 224 с.
2. Балагушкин Е. Т. Критика современных нетрадиционных религий (истoki, сущность, влияние на молодежь Запада). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 263.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Э. В. Онищенко

(Доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; eleonoraon@mail.ru)

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПЕДАГОГА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Начало XXI века оценивается сегодня как период масштабных реформ во всех сферах, в том числе в сфере образования. Новый век в России связан с активным решением проблем повышения качества отечественной образовательной системы. Подобная деятельность детерминирована идеей о том, что возникает потребность в повышении уровня профессионализма каждого педагога, развитии его способности к реализации новых ФГОС. Одновременно существует потребность в активном обсуждении, а затем и внедрении нового проекта «Профессионального стандарта педагога».

Современные нормативные документы подчеркивают тот факт, что именно педагог представляет собой ключевую фигуру в процессе совершенствования отечественного образования. Именно поэтому в рамках мобильно развивающихся образовательных учреждений современные исследователи отмечают, что особое место занимает готовность учителя (воспитателя, преподавателя) к постоянным переменам, мобильность, способность принятия нестандартных трудовых действий, ответственность и самостоятельность в принятии решений (Ю. П. Азаров, В. С. Библер, М. С. Каган, Б. Т. Лихачев, А. П. Ситник, В. А. Сластенин и др.). Данные профессиональные качества следует рассматривать как ведущие характеристики деятельности успешного педагога и истинного профессионала, т.е. «сущность культуры следует понимать как определенную форму сосредоточения духовной энергии человечества в единстве с совокупностью идеально-практических способов и результатов освоения и преобразования мира».

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект «Профессиональный стандарт педагога».
2. Каган М. С. Философия культуры. — СПб, 1996.

Н. В. Белкина

*(Кандидат педагогических наук, доцент
Русская христианская гуманитарная академия;
bel_nat@mail.ru)*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЕКТ КАК СРЕДСТВО ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В основе нового ФГОС лежат следующие требования к качествам современного человека: высокий уровень общего развития; критическое мышление; умение принимать самостоятельные адекватные решения; желание и умение приобретать новые знания, способность к овладению новыми методами работы; умение работать в группе; способность к проектированию, анализу и целеполаганию.

Все эти умения, необходимые в любой сфере деятельности, мы можем сформировать у учащихся, вовлекая их в проектную деятельность. Такой общешкольный проект был реализован в ГБОУ № 84 и в год 70-ти летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне получил название «Неизвестные герои войны».

В рамках проекта проведено множество как классных, так и внеклассных мероприятий, в числе которых инновационные уроки, круглые столы, научная конференция школьников и научная конференция педагогов.

Междисциплинарный проект, обогащает когнитивный опыт школьника, стимулирует его интеллектуальный личностный рост, обеспечивает формирование необходимого набора компетенций: проектно-исследовательской, коммуникативной, информационной, рефлексивной, социальной, личностной.

Технология внедрения инноваций в рамках междисциплинарного проекта направлена на обеспечение условий для самовыражения талантливых учителей, роста их профессионального мастерства, а также распространения педагогического опыта через различные информационные источники.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гатилова З. Н.* Междисциплинарный образовательный проект как современная форма интеллектуального воспитания школьников. автореф. дисс канд. пед наук, Томск, 2010
2. *Шигаева Н. В.* Моделирование и внедрение инновационной образовательной технологии, преодолевающей недостатки современного образования // Современная педагогика. 2014. №

Т. Н. Рейзвих

(Аспирант,

Русская христианская гуманитарная академия)

ПРИНЦИПЫ ПРИЗНАНИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ключевой тезис «от обучения на всю жизнь к обучению через всю жизнь» сформулированный Международной комиссией ЮНЕСКО по образованию для XXI века реализуется сегодня в России. В докладе Общественной палаты РФ «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?» обозначен приоритет российской образовательной политики: образование в течение всей жизни человека. Сегодня наблюдается институализация различных видов образования, направленных на развитие и разнообразие образовательных услуг, в этой связи в систему образования вводится и закрепляется новая терминология: формальное, неформальное и информальное образование.

Неформальное образование в конце XX в. стало одной из приоритетных тем европейской политики. Европейскими странами согласован ряд позиций по вопросу признания неформального образования, соответствующий документ об общих европейских принципах признания неформального образования был принят еще в 2004 году.

В 2007 году Европейским центром развития профессионального образования проводилось масштабное исследование с целью оценить уровень внедрения в практику предложенных принципов и методов признания результатов неформального образования. По результатам исследования были выделены три группы стран, к нашему сожалению, Россия ни в одну группу стран не попала. Естественно, что предложенные принципы носили и носят рекомендательный характер и каждая страна имеет возможность соотнести их с национальными традициями и адаптировать в соответствии со своими потребностями. Хочется надеяться, что вскоре

и Россия будет следовать этому процессу, как минимум для того, чтобы обеспечить своим гражданам равные возможности и конкурентоспособность на общеевропейском рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вермейчик Г.* Неформальное образование в зеркале европейской образовательной политики.
2. *Еремеева Н. В.* Неформальное образование взрослых: истоки, традиции, инновации. Зарубежный и отечественный опыт.

А. Е. Рябчук

(Аспирант,

Русская христианская гуманитарная академия)

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Образование в России постоянно развивается. В информационном обществе предполагается новый тип взаимодействия в процессе передачи и усвоения информации, и происходит формирование и развитие информационно-коммуникативной культуры в процессе интерактивного взаимодействия, которое формирует новый тип мышления (М. А. Горюнова, М. Б. Лебедева, Т. В. Семенова, О. Н. Шилова).

На сегодняшний день актуален вопрос улучшения профессиональной работы педагога в организации дошкольного образования, способность применять инновационные информационные и коммуникативные технологии в собственной работе.

В данной ситуации насущной становится потребность системной и последовательной работе по формированию информационно-коммуникативной культуры, распознавать подлинное содержание педагогических систем, технологий, методик, видеть за внешними проявлениями их внутреннюю сущность, глубинные механизмы реализации, определять их возможности и границы.

Работа предполагает теоретико-методологическое обоснование и практическую апробацию комплекса организационно-педагогических условий интерактивного взаимодействия как средств формирования информационно-коммуникативной культуры воспитателя.

Для развития информационно-коммуникативной культуры воспитателя необходимо обеспечить следующие организационно-педагогические условия:

- обеспечение целенаправленного и последовательного развития основных компонентов информационно-коммуникативной культуры (аксиологического, гносеологического, рефлексивного);

- разработка адекватного механизма развития информационно-коммуникативной культуры с учетом выполняемых воспитателем профессиональных функций;

- учет специфики организации общения с различными субъектами профессиональной деятельности (коллегами, администрацией, родителями, воспитанниками) за счет создания интерактивной и актуальной для них информационно-коммуникативной среды.

Что и будет представлено в нашем исследовании.

Л. А. Храмцова
(Студент,
Институт детства Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена;
milagrossa@mail.ru)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В условиях вступления в силу нового Закона «Об образовании» внедрение процедуры оценки в школах на различных уровнях и с привлечением разнообразных способов и методик является одним из актуальных направлений развития системы образования в целом [1]. При этом особое внимание сегодня уделяется анализу не только процессу оценки, но и изучению самооценки собственной учебной деятельности младшими школьниками. Именно поэтому можно говорить о том, что анализ способов организации процедуры самооценки, а также изучение особенностей её формирования и развития является важной составной частью научного проблемного поля. Одновременно можно констатировать, что при организации самооценки младшими школьниками собственной образовательной деятельности в школе следует выделять общие черты, которые характерны для всех видов и типов современных общеобразовательных учреждений. Например, то, что в современной начальной школе используются средства оценки работы учащихся и недостаточно внимания уделяется необходимости обучения самих школьников адекватной самооценке. Самооценка (как один из компонентов аналитической деятельности) связана не с выставлением себе отметок, а с освоением собственно процедуры оценивания.

В докладе предполагается провести теоретико-методологическое обоснование и практическую апробацию комплекса организационно-педагогических условий организации процедуры самооценки младших школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ
2. *Ларина А. Б.* Формирование познавательной самооценки учащихся в начальной школе: методическое пособие.— Калининград: КОИРО, 2011—56 с.

Е. И. ЗАМЯТИН: PRO ET CONTRA

М. Ю. Любимова
(Доктор культурологии,
ведущий научный сотрудник Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки)

Е. И. ЗАМЯТИН: PRO ET CONTRA. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Статья посвящена выпущенной в свет издательством РХГА антологии «Е. И. Замятин: pro et contra». В издание включены статьи авторитетных отечественных и зарубежных литературоведов, философов, социологов, искусствоведов. Это наиболее полный корпус критических текстов (46 статей, созданных в последние три десятилетия), отражающих разные грани личности и творчества Евгения Замятина. Автор статьи подчеркивает многофункциональность антологии, определяет место этого научно-издательского проекта в современном замятиноведении.

Этот коллективный труд может служить учебным пособием. Научные открытия изложены авторами статей в доступной школьникам и студентам манере.

Антология представила читателю панораму «изученного» Замятина; и в этой панораме стали еще заметнее «белые пятна» — темы, которые по-прежнему остаются вне поля зрения и российских и зарубежных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. И. Замятин: pro et contra. Личность и творчество Евгения Замятина в оценке отечественных и зарубежных исследователей: Антология / Сост. О. В. Богдановой, М. Ю. Любимовой, вступ. статья Е. Б. Скороспеловой. СПб.: НП «МОПО «Апостольский город — Невская перспектива»», 2014. 974 с. (Русский Путь).

Л. В. Полякова

*(Доктор филологических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина;
ruslit09@rambler.ru)*

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПОЭТИКА РАССКАЗА Е. ЗАМЯТИНА «ПЕЩЕРА»

«Отдельными, случайными образами я пользуюсь редко, они — только искры, они живут одну секунду — и тухнут, забываются..., — писал Замятин в «Закулисах». В небольшом рассказе образ может стать интегральным — распространиться на всю вещь от начала до конца...». Образ пещеры в рассказе отнесен автором к разряду «интегральных».

Свето-цвето-звуковые атрибуты поэтики создают эмоционально-психологический и художественный эффект. Рефрен «Ножом по стеклу» готовит появление безжизненного существа. Но и с исчезнувшим стимулом к жизни в героях живут двойники, продолжается внутренняя борьба за сохранение света в памяти и душе.

Именно с Машей и Мартином связан «интегральный» образ пещеры, и они являются существенной деталью этого гигантского художественного обобщения. Рефрен «Туже узел, еще туже!» созвучен и общему самочувствию героев, и темпу развития сюжета в направлении развязки. Рефрен предопределяет неотвратимость однозначного финала. На протяжении всего рассказа происходит интенсивное движение сюжета, времени, места действия, настроений и эмоций, ритма повествования, но это движение по линии сужения пространства рассказа, пространства жизни героев. Ориентир на сужение, на «пещерность» дан уже на первой странице: зима — город — дом — квартира — спальня. И лишь в финальной картине перед Мартином разверзнется вселенная, природная стихия, природный простор, но и он будет воспринят простившимся с Машей Мартином как «одна огромная, тихая пещера» с ее апокалиптически «багрово-освещенными дырами».

Одного, но по-замятински яркого и точного штриха достаточно, чтобы высветить в человеческом типе главное. Но этот штрих должен пройти через все произведение и взять на себя функции интегрирующей детали-лейтмотива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятин Е. И.* Сочинения. М., 1988.

Т. Т. Давыдова
(Доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет печати
им. Ивана Федорова;
t.t.davydova@gmail.com)

О КОНЦЕПЦИИ ЗАМЯТИНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Научная основа общей персональной энциклопедии Е. И. Замятина — концепция, представляющая его *писателем-философом*, который отразил ряд тенденций развития русской литературы 1900–1930-х гг.

Замятин с 1905 г. по 1910 г. — член РСДРП (б), интерес к работам К. Маркса и Ф. Ницше способствовал формированию у начинающего писателя в 1908–1916 гг. атеизма и богоборчества.

В повести «*Уездное*» открыт герой с положительной и отрицательной органикой; сформировался сказово-орнаментальный стиль. В повестях «*На куличках*», «*Алатырь*» зародились связь замятинской прозы с философией, комизм и фантастичность.

На *втором этапе творчества* (1917–1930) Замятин — теоретик и выдающийся писатель-неореалист, чья художественная философия основана на атеизме и сциентистском мифотворчестве. Он переосмыслил сформулированные Р. Ю. Майером законы сохранения и превращения энергии и энтропии и энергетические идеи В. Оствальда, а также теорию аполлонического и дионисийского Ф. Ницше и ее интерпретацию у В. И. Иванова [1].

Художественная философия Замятина повлияла и на его политические взгляды. Критически изобразив в романе «*Мы*» реалии послереволюционных лет [2], он создал философский образ бесконечной революции.

На зарубежном этапе творчества (1931–1937) Замятин рисует «закат Европы» в неоконченном романе «*Бич Божий*» в русле идей Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов Вяч. И.* Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. СПб., 1904. № 1. С. 126, 113; Иванов Вяч. И. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
2. *Кашин А.* Художник и человек // Замятин Е. И. Сочинения: В 4 т. Мюнхен: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1970. Т. 1.
3. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., 1993. Т. 1: Гештальт и действительность.

М. А. Хатямова
(Доктор филологических наук, профессор,
Томский государственный педагогический университет;
Khatyamova@mail.ru)

ТВОРЧЕСТВО Е. И. ЗАМЯТИНА: ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОСТИ И САМОРЕФЛЕКСИИ ПРОЗЫ

Литературность — особое свойство эстетического сознания, актуализирующееся в ситуации эпистемологического кризиса и смены культурно-исторических парадигм, направленное на сохранение литературы как особой семиотической системы, оформляется в поэтике того или иного писателя как на уровне текста, так и возникающей за ним художественной реальности и представляет форму саморефлексии литературы [1].

Наследие Е. И. Замятина представляет собой наиболее полный образец саморефлексии литературы своего времени. Публицистика, критические статьи и лекции писателя образуют вариант риторической рефлексии, сопровождающей художественное творчество. Проза Замятина имплицитно рефлексировала по поводу собственной повествовательной организации; способами такой рефлексии становятся литературоцентричные формы орнаментального сказа, стилизации, персонального повествования, «романа о романе», «обеспечивающие» мифологический модернистский сюжет.

Наличие избыточно «литературных» повествовательных форм в художественной системе Замятина свидетельствует о становлении метахудожественного повествования, в котором «сюжет о жизни» неизменно проецируется на «сюжет о творчестве». Два экспериментальных романа писателя («Мы» и «Бич Божий») являются и метароманами, определяющими становление метапрозы в XX веке. Всесильности природного закона превращения энергии в энтропию Замятин противопоставляет

неразрывность диалогической культурной цепи: герои его романов в катастрофических обстоятельствах создают свои тексты об истории, которые ее «переживут».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хатямова М. А.* Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Н. Н. Комлик

*(Доктор филологических наук, профессор,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина;
nkomlik@rambler.ru)*

НАРОДНО-ПРАВОСЛАВНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ РАССКАЗА Е. ЗАМЯТИНА «О ТОМ, КАК ИСЦЕЛЕН БЫЛ ИНОК ЕРАЗМ»

Именно такое мирочувствование доминирует в художественной структуре рассказа Замятина «О том, как исцелен был инок Еразм». Стилизованная под христианский миф история о чудесном исцелении отрока Еразма искрится детской жизнерадостностью, солнечной веселостью и непосредственностью, что всегда составляло основу народного отношения к жизни. Эти свойства народной души, приглушенные в официальных сферах жизни с введением христианства, не исчезли вовсе, но давали о себе знать в творчестве народа, в «яркой расцветке утвари, в сказочно-игрушечном <...> смеющемся стиле изразцов и резьбы, в задних планах икон, где цветы, светила небесные и сказочные звери создают удивительный фон, излучающий трогательно чистую, пантеистическую любовь к миру» [1].

Такой «удивительный фон» присутствует и в рассказе Замятина. Находясь на втором плане, он вносит существенные коррективы в смысл «агиографического» сюжета, отразившего не «антитеизм» Замятина, а особенности народной двоеверной культуры, под непосредственным воздействием которой и сформировался художественный дар писателя. Восхищаясь и поклоняясь высоким образцам духовно-аскетического служения Христу, народная среда вместе с тем культивировала и поощряла чувственную любовь к миру. Душа народа всегда пленялась звуками, красками, теплотой и запахами земли, неодолимо влекущей эмоциональным притяжением. Но эта плотская любовь к миру в народном сознании была

всегда неразделима с всеобъемлющим ощущением присутствия во всем высшего, надмирного, божественного начала, которое является определяющим в эстетическом восприятии жизни Е. Замятиным. В творчестве художника явно ощутимо присутствие Творца, но не того Бога, который открылся во Христе, а древнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев Д.Л.* Роза мира.— М., 1993.

Л. И. Шишкина

*(Кандидат филологических наук, профессор,
Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при президенте РФ, Санкт-Петербург;
lidia_shishkina@mail.ru)*

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ САТИРЕ Е. ЗАМЯТИНА

Многие исследователи считают сатиру глубинной основой творчества Замятина.

Сатириком «по преимуществу» он проявил себя в прозаических миниатюрах, впоследствии собранных в цикле «Сказки».

Фольклор всегда был индикатором социальных изменений, поэтому не случайно обращение писателя к жанру сказки в революционную эпоху. Сказка, по определению И. Ильина, — «дорелигиозная жизненная философия народа», в которой он «пытался распутать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение»; она выражает идею высшей справедливости и отвечает коллективному нравственному чувству (А. Синявский), в эпохи исторических сломов сказка «является в роли социальной утопии» (Е. Трубецкой). Сказка помогала понять события современности, когда большевистские идеологемы были восприняты народным сознанием в духе крестьянского мифа об «ином царстве».

Используя форму сказки, выражавшей утопические народные ожидания, Замятин вкладывал в нее антиутопическое содержание. Доказывая чуждость новой власти самим основам народной жизни, писатель соотносил провозглашенный социальный идеал и конкретные политические факты с некоей «нормой» — исторически сложившимся укладом и нравственными ценностями, освященными вековым опытом народа, обнажая

их несоответствие. Для этого он обращался к традиции народной смеховой культуры, ибо смех всегда был протестной реакцией народа на ужас и нелепость существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6., кн. 2. — М., — 1997.
2. Синявский А. Д. Иван-дурак // Очерки русской культуры. — Париж. — 1991. — С. 18.
3. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. — 1990. — № 2.

**РОЛЬ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ПЕРИОД КРИЗИСА
ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

Л. Е. Артамошкина
(Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет;
le.artsph@gmail.ru)

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В докладе раскрывается историко-культурный контекст формирования поколения “молчаливых”. Генеративный подход к аналитике культуры дает основания для рассмотрения концепта культурной памяти в его теоретическом, культурфилософском, культурологическом аспектах. Соотнесение ситуаций рубежа веков, переживаемых Россией в начале XX и в начале XXI вв., позволяет увидеть характер связи коллективной памяти (воплощаемой единством поколения) и культурной памяти (в сохранении, формировании и трансляции которой участвует поколение).

Процессы, происходящие на социальном, политическом, культурном уровне в современной России, геокультурная ситуация делают необходимыми обращение к истокам появления, формирования в культуре второй половины XX века способов сохранения непрерывности культурной памяти в ситуации социокультурного сдвига. В докладе дается обоснование такого рассмотрения биографии поколения, которое выражает единство судьбы поколения в культуре и истории, его роли в сохранении культурной памяти. Проблема памяти на рубеже XX и XXI вв. приобретает особенную остроту, выражая состояние исторического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах и древности / Я. Ассман. — М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. Бахтин М. М. К философии поступка / Михаил Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985.— М.: Наука, 1986.
3. Винокур Г. О. Биография и культура; Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур; авт. вступ. статей Г. М. Цейтлин, С. М. Кузьмина.— М.: Рус. словари, 1997.
4. Время — история — память. Историческое сознание в пространстве культуры: сб. ст. / под ред. Л. П. Репиной.— М.: ИВИ, 2007.

М. Н. Цветаева

*(Доктор культурологии, профессор, Институт философии
Санкт-Петербургского государственного университета)*

«РУССКИЕ ВОПРОСЫ» В ИСКУССТВЕ 19 — нач. 20 века: АКТУАЛЬНОСТЬ ВЕЧНОГО

«Русские вопросы» в изобразительном искусстве определяются фундаментальным значением христианской онтологии и антропологии в строении визуального образа, воздействием на его семантическую и семиотическую природу. При этом особое значение имеют категории «целостности» и «развоплощения». На современном этапе необходим комплексный междисциплинарный подход, учитывающий духовно-эстетические основания национальной культуры. Анализ памятников ведется на фоне широкой исторической перспективы, связывающей искусство Древнего Египта, древнерусскую иконопись с искусством XVIII–XX века. Эволюция художественного сознания отражает религиозно-философские поиски эпохи, историю духовной жизни народа — от язычества и христианства до неоязычества и постмодернизма. Философия художественного образа, сюжета, цветосветовая и пространственная символика, законы иерархии и гармонии рассматриваются на примере таких выдающихся мастеров, как Иванов, Репин, Суриков, Врубель, Филонов, Петров-Водкин. Таким образом, история русской культуры приоткрывает тайну жизни, основанную и на молитвенно-аскетическом опыте, и на эмоционально-чувственном мировосприятии — движение «от» Духа и «к» Духу через раскрытие многогранности, множественности, неисчерпаемости миров. «Символ веры» художника определяет строение и масштаб героев, их характер, историю и психологию. В каждом стиле были заданы «свои» кардинальные вопросы, отражающие мировоззрение, преодолена эмпирическая реальность, но особое стремление к Богопознанию и богоборчеству отличает русский авангард.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. М., 1996–2000.
2. Лепахин В. Икона и иконичность. СПб., 2002.
3. Цветаева М. Н. Христианский взгляд на русское искусство: от иконы до авангарда. СПб., 2012.

Д. Н. Козырев
(Кандидат философских наук, доцент,
Северо-западный филиал
Российской Правовой Академии МЮ РФ;
gwen7@list.ru)

ТЕХНОКРАТИЗМ И ПРАВОСЛАВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ (О. КЛЕМАН О БУДУЩЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ)

Эпоха невиданной технической экспансии вновь возвращает философов к древней проблеме смысла истории. Современный православный мыслитель Оливье Клеман рассматривает её в духовной («новозаветной») перспективе, соединяя в своём творчестве наследие русской антропокосмической философии с западноевропейской персоналистической традицией.

Предшественником французского мыслителя является творец «философии хозяйства» С. Н. Булгаков, полагавший, что подобно Зигфриду, ведущему борьбу с тёмными силами мирового фатума, демиург (субъект мирового хозяйства), должен нести в себе светлый огонь жизни, зажжённый не в этом мире; «в природе он должен быть сверхприроден». Клеман также убеждён в том, что подлинный смысл реальности («пламень вещей») коренится в её трансцендентном, глубинном измерении. Однако он видит и тревожные знаки истории: под воздействием «технического потопа» происходят антропологические деформации. Возникает новый тип человека, чисто мозговая рассудочность которого сменяется бездумной чувственной релаксацией; такой человек погружается в пустоту («в необозначенность») и лишается открытости к тайне.

Сон разума угрожает будущему; Клеман признаёт справедливость упреков в насилии над землёй и находит возвышенно-проphetическое решение. Между «технизированным человечеством» и его планетой должен быть заключён завет жизни. Можно заметить в этом призыве не только отзвуки тейардистской надежды, но и параллель с императивом «этики

отказа от власти» Ж. Эллюля. Она следует из формулировки стратегической дилеммы, стоящей перед демиургом: «эксплуатация, ведущая к бесплодию, или уважение, даже любовь». Христианское действие для Клемана неотделимо от задачи изгнания зла. Он призывает к «творческому экзорцизму», понимая под этим не только отказ от тоталитарно-технократических тенденций, но и «сдержанную и последовательную майевтику смысла».

Л. П. Морина
(Доктор философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
mlp207@yandex.ru)

СИМВОЛ: КОНФЛИКТ ИНТЕПРЕТАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Сегодня духовная культура России существует в ситуации тройного парадигмального конфликта: три парадигмы (Традиция, Модерна и Постмодерн) сталкиваются в одном культурном пространстве, отстаивая свои аксиоматические принципы. Сакральность изгнана Модерном и осмеяна Постмодерном, поскольку она принадлежит «народной» культуре Традиции. Однако Россия, несмотря на усилия модернизации и веяния постмодернизации, сохранила и традиционное ядро своей культуры.

Символ в системе Традиции играет роль транслятора культурного кода в силу присущей ему мнемонической функции. Религиозный символ онтологичен и являет собой модель *церофании*, в которой происходит *реальное* соединение бесконечного/вечного и конечного/временного. На языке семиотики образ есть единство прообраза и изображения. Отсюда и «*Животворящий Кресте Господень*», «*сим победиши*» и т. д.

Художественный символ, утвержденный Модерном, не претендует на онтологичность — автор сам создает уникальную реальность, запуская ассоциативные связи, реминисценции, благодаря наличию в образе (явных или скрытых) референций. Но вольные интерпретации религиозных символов в обществе с наличием традиционной ментальности служат фактором социальной напряженности.

В современной культуре символ «политизирован», он проявляет свойства и «провокатора» идеологических коллизий, и выразителя их природы. Конфликт интерпретаций символа — столкновение различных культурных миров по поводу своих базисных принципов — является, таким образом, феноменологией имплицитного парадигмального конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А. Г. В поисках темного логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический Проект. 2013.
2. Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ. 1994.
3. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: "Александра". 1992.

С. В. Московская

(Кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; moskov_sveta@mail.ru)

ШКОЛА СИДЛИНА И ШКОЛА «ХРАМОВАЯ СТЕНА»: ТРАДИЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Художник Юрий Алексеевич Нашивочников (р. 1922) — ученик одного из самых значительных и, пожалуй, самых загадочных мастеров XX века — Осипа Абрамовича Сидлина (1909–1972), своеобразного педагога-философа, сумевшего привить своим ученикам не только сумму приемов ремесла, но живопись как философию или, точнее, пластическую философию бытия. Будучи учеником Академии художеств О. А. Сидлин учился у таких мастеров русского классического авангарда как Александр Савинов, Кузьма Петров-Водкин, Александр Осмеркин, Казимир Малевич. В результате Сидлин создал свою собственную художественную Школу, в какой-то мере свой стиль. Сидлин требовал проявления картинной плоскости. При таком проявлении плоскости за счет цвета все цветовые глубины пространства картины возникают одновременно и автоматически, а цвет изображенных предметов оказывается на соответствующей им глубине. Это означает, что такое произведение имеет дело с образами сознания, а не с образами, получаемыми от имитации предметов на картинной плоскости. Это явилось ключевым моментом возникновения Школы Сидлина. После смерти учителя Ю. А. Нашивочников собрал вокруг себя молодых художников, которые сформировали новую школу, названную им Школой «Храмовая Стена». Художники Школы «Храмовая Стена» выводят Школу из сплава станковой картины с монументальной на монументальное искусство, усмотрев в этом главную тенденцию Школы Сидлина. Художественно-эстетические принципы произведений Школы «Храмовая Стена» восходят к традициям византийского и древнерусского монументального настенного искусства, выявляя тем самым актуальность сопряжения современного и вечного. Многообразные творческие поиски Ю. А. Нашивочникова и его учеников представляют собой лабораторию новейшей эстетики.

О. И. Котина
(Студент,
Санкт-Петербургский государственный университет;
okotina7@mail.ru)

КОНЦЕПЦИЯ ВИРТУАЛЬНОГО МУЗЕЯ Н. С. ГУМИЛЁВА

«Всегда живой, всегда могучий, влюблённый в чары красоты...» эти строки, написанные около 1903–1905 гг. справедливы — поэтическое наследие Гумилёва продолжает завораживать читателя.

Наследие Н. С. Гумилёва стало изучаться сравнительно недавно. По этой причине некоторые факты из его биографии оказались погребёнными под песками ушедшего времени. Первый биограф Гумилёва — Павел Лукницкий попытался по крупицам собрать все разнородные факты жизни поэта. Завершить это дело и издать книгу выпала миссия жене биографа — Вере Лукницкой. Взгляд Гумилёва на мир — это взгляд воина, путешественника, искателя приключений, таким предстаёт нам поэт в мемуарах его ученицы Ирины Одоевцевой. С личностью поэта связаны: народный музей Гумилёвых в Бежецке, музей Анны Андреевны Ахматовой, Музей Блока, Виртуальный музей Н. С. Гумилёва и А. А. Ахматовой в Царском Селе и даже музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого — Кунсткамера. Виртуальный музей мог бы позволить совместить особенности этих музеев с возможностями интерактивного пространства, создать живой музей, готовый вступить в разговор со своим посетителем. Виртуальный альбом, генеалогическое древо Гумилёвых, записи голоса поэта, фотографии мест, связанных с его жизнью, могли бы позволить современному человеку перебросить мостик в Серебряный век.

Почему данная концепция может быть актуальна именно сейчас? В 2012 году был открыт Народный музей Гумилёвых в Бежецке. Это событие не столь от нас отдалённое, говорит именно о востребованности данного вопроса, важности наследия Николая Гумилёва для России сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилёв Н.С. Credo; 1903–1905.
2. Лукницкая В. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких; Л.: Лениздат, 1990.
3. Одоевцева И. На берегах Невы; М.: Эксмо, 2012.

Н. М. Любомудрова
(Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного университета)

АРХЕТИП ДОРОГИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

«Путь-дорога» как образно-понятийное двуединство особенно близко сознанию нашего народа. Чтобы понять ключевое значение слов «путь» и «дорога» как архетипов отечественной культуры, необходимо обратиться к их этимологии и наметить основные направления в освоении темы дороги в русской культуре.

Французский лингвист Эмиль Бенвенист говорит о присутствии в индоевропейском **ront-* значения «преодоление; дорога, изобилующая опасностями». М. М. Маковский отмечает, что путь, дорога еще в индоевропейской древности были символами судьбы, страдания и боли. Одной из древнейших смысловых составляющих этого понятия является переселение души в загробный мир. Слово «дорога» — общеславянского происхождения: от **dyrgati*, первоначально «расчищенный». Лексема «дорога» становится заметной в текстах с XIV–XV вв. Слова «дорога», «друг» и «дружина» этимологически родственны и обнаруживают глубинную смысловую связь.

Отметим наиболее актуальные аспекты изучения темы дороги:

1. Область фольклора (свадебные, погребальные обряды, былины, сказки, пословицы);
2. Пространственно-географический аспект. Необозримые пространства русской земли и освоение этих пространств путем строительства дорог и движения по ним формируют характер народа.
3. Философский аспект. Дорога, по Хайдеггеру, есть «путь не только от места к месту, но путь от вещей и явлений к сущностям». Мамардашвили

размышляет о психологической топологии пути-дороги и приводит важную мысль М. Пруста: «Жизнь есть усилие во времени». *Бахтин* выделяет хронотоп дороги, как наиболее значимый для русской романной культуры. *Топоров* противопоставляет одухотворенное восприятие пространства и времени их технизации и автоматизации. Итак, архетип «дороги» сфокусировал в себе наиболее выразительные черты русского этноса и национально-языковой картины мира.

О. Б. Сокурова
(Кандидат искусствоведения, доцент,
Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета)

БАЗИСНЫЕ СЛОВА-УНИВЕРСАЛИИ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Важнейшие для русской ментальности слова-универсалии, такие как «*соборность*», «*единство*», «*вечность*», «*жизнь*», «*здоровье*», «*целый*» обнаруживают смысловую и ценностную взаимосвязь с главной святыней Руси — Св. Троицей.

Русские, сделавшие приоритетной ценностью культуры *спасение, исцеление души для вечности*, свою главную историческую задачу определившие как *единство*, и в центр своей истории и культуры поставившие *слово*, восходящее к *Слову*, сумели в постижении слова увидеть и оценить именно *цельность и единство* как главную его суть. Это относится как к божественному Слову-Логосу, так и к логосу философскому, и логосу научному, и к обычному слову в языке.

Этимология славянского «*слова*» свидетельствует об установке на чуткое *вслушивание* в тайну бытия и послушание ему. Подобного откровения, содержащегося в самом концепте «*слово*», не найти в других языках.

В докладе прослеживается развитие традиции словоцентризма в культуре Руси. Выявлены ключевые слова, позволяющие понять особенности духовного восприятия слова в русской ментальности — такие, как «*Воскресение*», «*Крещение*» «*Преображение*», представляющие собой не простое калькирование, а творческий перевод.

В русском языке есть также базисные слова, связанные с восприятием пространственно-временных ориентиров человека в мире. Наряду с «пространственными» словами и выражениями («*простор*», «*раздолье*», «*воля*») представляется в высшей степени интересной этимология слова «*время*».

Подобно родственному слову «*вьрвь*» — «*веревка*», время и вращается, и тянется, и связывает, и имеет конец. Но отпущенное каждому земное время может способствовать воз-вр-щению человека, подобно евангельскому блудному сыну, в Отчий дом, утраченный рай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев Ф. И. Исцеление языка. Опыт национального самосознания. СПб.: Библиополис, 2011.

*Н. В. Крыжановская
(Аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет;
novska@mail.ru)*

КИНЕМАТОГРАФ ОТПЕПЕЛИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Принято считать, что искусство оттепели оказало влияние на существовавшую общественно-политическую систему, изменив ее на мировоззренческом уровне. Обращаясь к кинематографу конца 1950-х — начала 1970-х гг., можно увидеть развитие кинотворчества в двух направлениях. Характерной чертой доминировавшего типа творчества было воспроизводство уже созданного кем-то идеала. Новые структурные и содержательные явления в кино возникали на основе переработки кинематографического канона, чаще всего революционного периода, утверждавшего ценности коллектива. Такие фильмы, хотя и соответствовали духу времени, происходящим в обществе политическим переменам, в результате, через отрицание господствовавшей ранее тоталитарной системы, лишь укрепляли образ власти, усиливали официальную идеологию и препятствовали становлению личности. Коллективная идентичность не допускала появления личности, способной к рефлексии и самостоятельному высказыванию, и только поддерживала поколение людей, не понимавших, как жить дальше после развенчания сталинских идеалов.

Параллельно с воспроизводящим кинематографом развивался другой тип киноискусства, создающего идейно-художественный, эстетический идеал, который отражал авторский образ мира, выражал активную авторскую позицию, формировал новую систему ценностей, помогал человеку на пути к вечности. Однако этому кино не суждено было оказать существенное влияние на мировоззрение эпохи. Высота замысла, свободный

и честный взгляд автора зачастую еще на этапе создания сценария не получали идеологического одобрения. Те немногие смелые и свободные проекты, которые доходили до этапа кинопроизводства, подвергались строгому контролю и переделке, а затем в большинстве своем предавались «полочному» небытию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колотаев В. А.* Между коллективом и личностью: поиски персональной идентичности в кино... // От искусства оттепели к искусству периода распада империи / [Отв. Ред. Н. А. Хренов].— М., 2013.

СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БИОЭТИКИ

В. А. Егоров

(Преподаватель, Русская христианская гуманитарная академия
egorov1@mail.ru)

К ПРЕДМЕТНОМУ ПОЛЮ БИОЭТИКИ

Биоэтика — новый активно развивающийся междисциплинарный предмет получивший развитие во многих странах мира как рефлексия на меняющиеся условия жизни и осознания человека в этом мире.

1. Биоэтика — это раздел знаний, занимающейся изучением реальных и возможных проблем для человека и человечества, в узком и широком смысле, возможностью их разрешения и связанных с развитием биомедицины и биотехнологий. Биоэтика не ограничивается только вопросами связанными с жизнью и выживанием человека и человечества, но и включает в поле исследования отношение к животным, окружающей среде.

2. Развитие биоэтики привело к созданию различных социальных институтов занимающихся актуальными вопросами биоэтики и дающие рекомендации по их разрешению. Предметом обсуждения становятся вопросы клонирования, суррогатного материнства, имплантологии, эвтаназии и т. д., вплоть до вопросов национальной биобезопасности.

3. Биоэтика становится особым видом знания, в которой теория и практика неразрывно связаны. Проблемы биоэтики затрагивают всех, а не только исследователей включенных в это пространство в силу своих научных интересов. Создается новый тип отношений, где мнение непрофессионалов со своим представлением о благе, морали может быть услышано и учтено при принятии решений. Выстраиваются новые отношения человека как субъекта действия и объекта воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поттер В. Р. «Биоэтика: мост в будущее».
2. Тейяр де Шарден П. «Феномен человека». — М., 1987.
3. Фукуяма Ф. «Наше постчеловеческое будущее». — М. 2004.
4. Хабермас Ю. «Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике?»

*Протоиерей Игорь Аксёнов
(Председатель Отдела религиозного образования
и катехизации Выборгской епархии РПЦ МП,
настоятель Свято-Ильинского храма г. Выборга,
аспирант, Русская христианская гуманитарная академия;
iaxenov@gmail.com)*

ТРАНСГУМАНИЗМ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Трансгуманизм — это, одновременно, и философская концепция, и международное движение, целью которого, по точному слову Френсиса Фукуямы, является «освобождение рода человеческого от присущих ему биологических ограничений».

Современный научно-технический прогресс позволяет нам видеть три основных направления переформатирования человеческой природы:

1. Генетически модифицированный человек (Homo Genetically Transformed).
2. Нано-киборгизированный человек (Nano-Cybernetic Homo Organism).
3. Виртуально-цифровой человек (Homo Virtualis).

Пренатальная диагностика даёт возможность прогнозировать качественные параметры будущей жизни, а генная терапия и транссексуальная хирургия изменять эти параметры. Репродуктивные технологии позволяют «давать» жизнь не только в тех случаях, где естественным путём она возникнуть не может, но и теми способами, которые человеку, как биологическому виду, не присущи. Реанимационные технологии и трансплантация донорских органов дают возможность отодвигать время смерти.

Достижение цели переформатирования человеческой природы с помощью современных биомедицинских технологий невозможно без применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). При всем разнообразии ВРТ их можно разделить на три главных группы:

1. Искусственное интракорпоральное оплодотворение (*Artificial Insemination*).
2. Экстракорпоральное оплодотворение (*In Vitro Fertilisation*).
3. Клонирование (*Cloning*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутырев В. А. Философия трансгуманизма: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.
2. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. Москва: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004.
3. Ruth Deech and Anna Smajdor. From IVF to Immortality. Controversy in the Era of Reproductive Technology. Oxford University Press, 2007.

С. Б. Веселова
(Независимый исследователь;
artlocustransit@mail.ru)

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ ЭПОХИ МОДЕРН

В докладе анализируются изменения в жизни человека и общества, произошедшие в Европе в период перехода от «Бель эпох» к эпохе Модерн сквозь призму отношения ‘человек — животное’.

Крушение отношения Человек-Бог и изменение отношения Человек-Зверь.

От недостаточности животного (Гегель) к недостаточности человека (Ницше). По отношению к Богу человек стоял выше животных, но по отношению к Силе, о которой говорит Ницше, человек ниже животного, он — «больное животное», он надломлен цивилизацией, изморален моралью.

Почему Ницше прибегает к репрессированной в европейской философии фигуре животного, чтобы нащупать точку рождения *Übermensch*? Почему необходимо отступить в животное, чтобы покончить со слабым человеком?

Агамбен рассматривает человек как место и результат непрерывных членений и пределов. Каким образом человек — в человеке — отделен от не-человека, а животное от человеческого?

От анималистичного человека древности к божественному человеку средневековья и Нового времени. Конец XIX века — возвращение человека анималистичного. «Смерть Бога» снимает с животного прежние отрицательные коннотации. Так возникают животные Заратустры, которые ведут его в поиске нового человека, и так возникает звериный стиль эпохи модерн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Открытость. Человек и животное. Пер. с итал. Д. Новикова // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 29–46.
2. Д'Аннунцио Г. Быть может — да, быть может — нет. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М.: Книжный клуб книголек. 2010.
3. Кормильцев И. Три жизни Габриеле Д'аннунцио <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/11/kormil.html>
4. Ryersson S.-D. & Yaccarino M.-O. The Princess of Wax. New York. 2003.

А. И. Булахова

(Аспирант, Русская христианская гуманитарная академия
spelled01@ya.ru)

ТРАССЕКСУАЛЬНОСТЬ И ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

В своей работе «Undoing Gender» американский философ, ведущий теоретик гендерной теории Джудит Батлер задается вопросом — какова жизнь человека в условиях, когда он как личность не является ни полностью принимаемым, ни полностью отрицаемым.

Одна из главных проблем разрабатываемой Джудит Батлер философской этики состоит в следующем — каковы условия, при которых возникает наше понимание и принятие чьей-либо человечности и является ли последовательное и непротиворечивое восприятие пола необходимым условием для этого понимания.

На примере транссексуальности Джудит Батлер показывает отрицательные последствия господства бинарного нарратива, который предполагает существование только двух полов и требует для социализации индивида неперменного соответствия одному из них.

Батлер обращает внимание, что в господствующем дискурсе право быть личностью вводится в действие принципом соответствия норме, но находит в живых примерах транссексуальности свидетельства того, что личность манифестирует себя, настаивая на собственной ценности вопреки несовпадению с анатомической и социальной нормой, в зазоре между тем, чем тело является и как оно воспринимается индивидом и другими. Т. о. философ приходит к выводу, что понимание человеческого далеко не всегда доступно нам в рамках привычных дискурсивных категорий, а следовательно — сами категории понятности и осмысленности должны быть пересмотрены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Butler J. Gender trouble: Feminism and subversion of identity.* New York: Routledge, 1990.
2. *Butler J. Undoing Gender.* New York: Routledge, 2004.

Я. Г. Гаврилова

(Магистрант, Русская христианская гуманитарная академия;
gavrilovayanika@gmail.com)

ЭТИКА БЕССМЕРТИЯ

С середины XX в. в мире начинает формироваться новое научное, антропоцентрическое, нерелигиозное мировоззрение — трансгуманизм (от лат. *trans* — сквозь, через, за и *homo* — человек), готовое принять на себя ответственность за достижение своей высшей цели — всеобщего бессмертия. Трансгуманизм, наследие космизма, провозглашает *научный иммортализм* (от лат. *immortalitas* — «бессмертие»), способный стать предметом этики будущего — этики бессмертия.

Под бессмертием понимается неограниченно долгое существование: а) *физического тела* индивида (что обеспечит развитие биомедицинских технологий), б) *сознания* человека («загруженного» в сверхсовременный компьютер, а впоследствии помещенного в кибернетическое тело или во все оставленного в цифровом виде). В 2015 г. на экраны вышел кинофильм «Робот по имени Чаппи» («Chappi», реж. Нил Бломкамп), сюжетом которого является создание искусственного интеллекта, способного к обучению, эмпатии и даже творчеству, благодаря чему робот спасает своего создателя, «загрузив» его сознание в компьютер и затем поместив в механическое тело. И это лишь один из примеров разработки идей трансгуманизма в культуре. С каждым годом произведений, так или иначе затрагивающих темы трансгуманизма и иммортализма, становится все больше, общество пока знакомится с возможностями личного бессмертия через призму культуры. Трансгуманисты выступают современными психопомпами, проводниками по земным чертогам новейших технологий, от юдоли смерти к вечной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию
2. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ./ Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 стр.

О. О. Арепьева
(Магистрант,
Русская христианская
гуманитарная академия;
arepolga@yandex.ru)

ВОЙНЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ. ИСКУШЕНИЕ ТРОЛЛЕМ

В настоящее время пользователями социальных сетей являются представители практически всех возрастов, профессий, религиозных и идейных убеждений. Открытый доступ интернет — структур приводит к формированию дискуссий на различные темы. Если обсуждаемая тема популярна, то обычному пользователю непременно придется сталкиваться с поведением личностей, намеренно стремящихся вызвать негативные эмоции у большинства участников беседы. Данное явление приобрело название интернет — троллинга. В дословном переводе с английского *trolling* означает «ловлю рыбы на блесну». Первое упоминание троллинга в академической литературе произошло в 1996 году и принадлежит американскому специалисту по современным медиа Джудит Донат. По ее мнению, троллинг — это «игра в подделку личности, но без согласия большинства игроков, не осознающих участия в этой игре».

Цели которые преследуются такими людьми различны. По мнению исследователя социальных структур Ирины Ксенофоновой, феномен троллинга связан с анонимностью и абсолютно невозможен в условиях, отличных от анонимности при осуществлении сетевой коммуникации. Но зачастую работа троллей спонсируема различными организациями, в этом случае целью является формирование определенного мнения у целевой аудитории.

В церковнославянском языке обсуждаемое понятие можно объединить под словами «искушение» и «злое научение». В этом смысле, вредит тролль и себе — надсмехаясь над окружающими, и участникам дискуссии —

унижая и провоцируя осуждение, разжигая ссоры. В целом, поведение троллей в интернет — сообществе напоминает поведение бесов, которые по сути делают ту же работу в мире людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов Д. И., Шушарина Г. А. Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности // Международный журнал экспериментального образования: научный журнал. — Москва,

С. О. Никулин

*(Магистрант Русской Христианской гуманитарной академии
и Общецерковной аспирантуры и докторантуры (г. Москва);
lupusromanus@yandex.ru)*

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ТРАНСГУМАНИЗМ

В философии и современной науке все громче заявляет о себе понятие технологической сингулярности, то есть взрывоподобного роста скорости научно-технического прогресса.

Рэймонд Курцвейл стал основным апологетом этой теории, которая породила много научных дискуссий и вопросов вокруг себя. Экстраполяция некоторых тенденций показывает, что сингулярность может произойти в 2030 году. Такие суждения были высказаны конгрессом США при обсуждении доклада о развитии нано-, био-, информационных и когнитивных технологий.

В последние несколько десятилетий возникает информационное общество, а вслед за ней нано-биотическая реальность. Среда, в которой существует человек, все больше меняется. Она становится не природной, а техногенной и информационной.

Основная проблема, связанная с развитием техники — трансгуманизм. По представлениям трансгуманистов человек — это последнее звено эволюции, именно поэтому он может совершенствоваться без предела. Кроме того человек имеет полное моральное и этическое право на такое совершенствование. Данная мысль является следствием того, что само учение трансгуманизма сформировалось и существует в системе атеистического мировоззрения. Следуя идеям трансгуманистов, надо понимать, что люди должны перестать быть людьми, они должны стать более совершенными существами. Эти новые существа, трансхьюманы, построены на основе внедрения в природу человека современных технологий: нано-, био-, информационных и когнитивных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайденко П. П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003.
2. *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997.
3. *Гайденко П. П.* Христианство и генезис современного естествознания // Вопросы истории естествознания и техники № 1, 1995.
4. *Кутырев В. А.* Философия трансгуманизма. Нижний Новгород, 2010. ННГУ им. Лобачевского.

Н. Б. Аразян
(Ученик, Петришуле;
nune_art@mail.ru)

ГИППИУС. ПРОЕКТ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА ВЕКОВ

Ницшеанская идея «Бог умер» была принята в России, но на почве национального самосознания имела развитие отличное от того, которое она получила в европейской философии и литературе. Если ницшеанский 'человек-преодоление' идет путем одиночки и оказывается «во льдах», то русские философы и писатели говорят о создании новой религиозной культуры, новых коллективных форм жизни во имя Бога и о «царствии третьего завета». Это новый этап развития, на котором человек превзойдет себя, обретя новый завет с Богом через творчество. «Умер, умер, как давно умер этот собор, этот храм, где отупевшие люди служат обедни Богу, о котором знают лишь, что Он умер, но давно забыли, что Он воскрес». — пишет Гиппиус в своем рассказе «Алый меч», говоря о нежелании людей поверить в воскресшего Бога. Отвергая идею разрушения революционеров, она ищет новые формы жизни, которые могут появиться через духовное преобразование себя и общества. На каких путях человек достигает «Бога живого»? Почему на пути аскетизма и отречения произошло забвение Бога Воскресения?

Новый человек — это новая любовь, новые формы культуры и жизни, в которых материальное и духовное — единое целое, органически соединяющее две стороны жизни, разъединенные и противопоставленные традиционным христианством. Однако, если Западная философия в лице Ницше убивает Бога, чтобы освободить жизнь от его существования, ибо он ограничивает жизнь, то русская мысль движется по иному пути: К «Богу

Живому» через духовное преображение человека на пути трудного единения. Жизнь должна быть освобождена для новой формы, но если Ницше дает этой форме имя «сверхчеловек», делающий себя в ледяном одиночестве, то имя новой формы жизни в России — «Богочеловечество», всеединство людей и воскресение при жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ницше*. Веселая наука.
2. *Гиппиус* З. Алый меч.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. А. Ермичев
(Доктор философских наук, профессор
Русская христианская гуманитарная академия;
7723516@ gmail.com)

ПАРАЛЛЕЛИЗМ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX ВЕКА: СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВНОЙ ИДЕИ

Русская философия — иная, чем классическая европейская по отсутствию в ней принципа, который в своем развитии дает систему. Как явление национальной культуры русская философия родилась в первой половине XIX в. Условия ее существования были крайне своеобразны. Среди них главными были соседство с развитой европейской философией и начавшееся с А. Н. Радищева и декабристов освободительное движение. Оно было объективно существовавшим и подчас революционно напряженным стремлением к мелиорации, переустройству русской жизни. В качестве такового оно оказывало воздействие на все русское общественное сознание — будь оно западническим или славянофильским, прогрессистским или консервативным, позитивно-научным или религиозно-исповедным. Если это так, то следует признать параллелизм в постановке и решении проблем у этих направлений отечественной мысли.

Развиваясь в XIX веке русская мысль прошла по двум ступеням. Движение на первой ступени — от высокой философичности тридцатых-сороковых годов до сциентизма шестидесятых. Центральной идеей этого времени стало одействование истины у западников и онтологизма у славянофилов. В русском сознании начинается разделение на две ценностные установки, формулы которых были предложены в сборнике 1908 г. «Вехи».

Вторая ступень — от шестидесятых годов до начала девяностых. Радикалы шестидесятых противопоставили государственно-церковному взгляду на человека идею свободной личности, руководимой только собственной природой.

Русское сознание начинает разрабатывать две параллельные идеи — социалистического преобразования России и христианского преображения мира. Для этого времени основной становится идея мира как творчества. У народников и у религиозных мыслителей мир целестремительно изменчив. Критически мыслящая личность или богочеловечество — вот кто является субъектом динамического мира. Субъект-объектная парадигма прежней философии стала разрушаться. Вместо мира объектов перед мыслителем предстал мир культуры.

С 90-х годов начинается культурный ренессанс. Он был показателем зрелости русской мысли, которая — в чем-то даже опережая европейскую — шагнула в философское пространство XX века.

*И. И. Евлампиев
(Доктор философских наук,
профессор, Институт философии
Санкт-Петербургского государственного университета)*

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В период бурного развития русской философии в середине XIX века, западники и славянофилы спорили о том, в какой степени русское мировоззрение является европейским и насколько нужно русским философам заимствовать достижения своих западных коллег. Последующая история однозначно доказала правоту западников: самые яркие и глубокие русские мыслители основывали свои концепции на западных идеях, что вовсе не означало эпигонства. В советский период, казалось бы, восторжествовала противоположная тенденция. Советский марксизм пытался существовать вне контекста современной ему западной философии. Однако в 60–80-е годы происходило активное усвоение основных концепций западной философии классического периода и первой половины XX века. Конец XX века был отмечен возвратом к традициям русской дореволюционной философии и восприятием самых современных западных тенденций — постмодернизма, различных форм позитивизма и аналитической философии. Но современная западная философия в лице этих направлений демонстрирует отказ от многовековых традиций, что ведет ее к прогрессирующей деградации. Отвергая современную западную псевдофилософию и возвращаясь к дореволюционным традициям (а через них — к классической европейской философии), русская философия проявляет себя как творческое продолжение многовековой европейской философской традиции.

П. А. Сапронов

(Доктор культурологии, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия; ibif@inbox.ru)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ВНЕ РЕЛИГИИ

Русская философия — это реальность настолько своеобразная, что попросту является философией в существенно ином смысле, чем любая другая философская традиция, в том числе и национальная. Отмеченное обстоятельство, в частности, выражается минимальной включенностью русской философии в общефилософский процесс. Упоминание, ссылки на русских философов, тем более разборы их произведений у их западных коллег крайне редки и ничего в общей картине не меняют. Можно, разумеется, объяснить такую ситуацию очень скромным уровнем отечественного философствования, но вряд ли только им. Гораздо более существенным здесь представляется минимальное пересечение двух интеллектуальных традиций. Скажем, на Западе философия обыкновенно очень внятно отграничена от богословия, публицистики, эссеистики, художественной литературы. В ней или блюдется «чистота жанра» или же она нарушается намеренно, в качестве эпатажа или вызова философии в ее традиционном понимании. К русской философии сказанное не применимо. Для нее само собой разумеющимся, не требующим специальных пояснений является отказ от соблюдения законов философского «жанра». В ряде случаев русские философы заявляли об этом даже как о нашем преимуществе перед западной философией. Правда, эта заявка оформлялась очень претенциозно. Обыкновенно как стремление к цельному знанию или достижению цельности духа. Но если оставить в стороне самообольщение в подобном роде, то останется признать, что русская философия с легкостью переходя от философской позиции к богословской, сочетая в себе публицистику и проповедь в профетическом духе, в результате попадала в странную и неразрешимую ситуацию неприложимости к ней определенных фиксированных мерок и критериев уместных в отношении философии. Скорее здесь уместен анализ обнаруживающий в нашей философской мысли различные слои. Мифологический, публицистический, литературный и т. д.

Т. В. Артемьева
(Доктор философских наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена)

ФИЛОСОФИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В России в эпоху Просвещения сложилось три философских сообщества. Одно из них представляло собой ученых из академических институтов. Другое сообщество составляли преподаватели церковных школ, образованное духовенство, ученое монашество. Третье сообщество составляла дворянская интеллектуальная элита. Научные исследования для этой группы не являлись профессиональной обязанностью, хотя эпоха и диктовала определенную систему ценностей, к числу которых относились образованность, интеллект и, в определенном смысле, занятия философией.

Свидетельством этого являются не только философские тексты А. М. Белосельского-Белозерского, А. Т. Болотова, А. Н. Радищева, М. М. Щербатова и др., но и высокий уровень философских обобщений, который мы видим в государственных документах, вышедших из-под пера Екатерины II или И. И. Бецкого, исторических сочинениях И. П. Елагина, В. Н. Татищева, литературных и публицистических произведениях А. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина, Г. Р. Державина.

Подобная ситуация не является уникальной для России. Можно назвать и другие примеры, когда философия развивалась не в рамках факультетов, кафедр и ученых дискуссий, а в иных интеллектуальных реалиях. Такие мыслители, как де Вольтер, Дидро, Руссо, Гельвеций, де Монтескье, Д'Аламбер, Кабанис, де Кондильяк, Лейбниц, Локк, Юм, Гоббс, Паскаль, а ранее — Бэкон, Декарт и Спиноза философствовали отнюдь не с университетской кафедры.

Именно срез «неакадемического» философствования будет темой моего выступления на конференции.

А. К. Судаков

(Доктор философских наук, Институт философии РАН;
asudakow2015@yandex.ru)

«МОЖЕТ БЫТЬ, ВИЗАНТИЯ МОГЛА БЫ СДЕЛАТЬСЯ ХРИСТИАНСКОЙ...»: И. В. КИРЕЕВСКИЙ О МУКАХ И СОБЛАЗНАХ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Киреевский, в котором некоторые наши современники видят «убежденного византиста», в действительности критически относился и к духу византийской культуры, и к проекту «византизма». По Киреевскому, противоречие между христианским духом и языческой «плотью» культуры действовало в Византии также и во внешнем плане истории. Общество оставалось языческим даже и после провозглашения государства христианским. Имперски-многонациональный характер государства, несовместимый с органическим развитием жизни в духе христианской истины; римский дух законов, «нравы народа, проникнутые лукавством и роскошью», характер игр и развлечений — все это оставалось языческим. Поэтому признание государства христианским требовало многолетних трудов по преобразованию внешней культуры. *Возможность* такого просветления образованности общества в православном духе не воплотилась в *действительность*. Вера Церкви, хотя давала подданному империи основу внутренних убеждений, была *единственным* таким основанием, ибо не могла быть поддержана единомысленным нравственным убеждением. Вера и нравственность, и основанная на них культурная работа, были возможны в Византии только *внутри* Церкви. Монастырь и храм оказываются для византийца не образовательным началом «мирской» жизни, а «якорем спасения» *от* «мирской» жизни, и *единственным поприщем культуры*. «Между гражданином Рима и сыном Церкви» не было «ничего общего». Вера народа и внешняя образованность имеют разные векторы и различный смысл. А в этом положении

«римская» логика действий власти ставит под угрозу и сам христианский характер государства, и «веру народа». Постольку и для византийской культуры в целом оказалось роковым влияние наследственных особенностей «классического мира древнего язычества», и это «логическое развитие» «задавило христианское». В этом свете понятно, что принятие форм внешней культуры Византии за образец для самобытно развивающейся вне римской традиции культуры воспринимается философом как соблазн национального духа. Суждения философа Киреевского о судьбе Византии принципиально не гармонируют типом «византизма».

С. А. Воробьева

*(Доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургская государственная
химико-фармацевтическая академия)*

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ПОДХОДА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Без философского подхода, формирующего теоретические основания, выявляющего сущностные характеристики культурно-исторического своеобразия России и Европы, проблему поиска адекватной концепции русской культуры, оптимальных путей ее дальнейшего развития решить не представлялось возможным.

Уход в эмпирию или умозрительные логические конструкции не могли дать методологический инструментарий, годившийся для анализа российской действительности во всей ее вариативности. Новизна методологического подхода русских мыслителей состоит в дополнении общесоциологических законов конкретно-историческими закономерностями, анализе форм национального бытия, особенности которых включаются в ткань всеобщей закономерности истории. Это, с одной стороны, направляет на ту форму обобщения, в которой возможно проследить типические особенности национальных культур, с другой, не уводит от конкретности исторического бытия в сферу абстрактно-всеобщего. Делаются попытки выявить смысловые характеристики жизнедеятельности современного общества России и Запада, анализируются позитивные и негативные ценности различных культур с целью поиска наиболее приемлемых моделей: рождаются архетипические образцы национальной истории.

Предметом русской философии становится культурно-исторические доминанты, определяющие стратегию методологического поиска в направлении понимания исторических «проектов» прошлого и соотнесения

их с актуальными современными проблемами. Национальная история исследуется в ее сущностных составляющих. Рефлексия культурно-исторического развития России и Запада ведется путем обозначения альтернативных характеристик форм общественного сознания, — ментальные, религиозные, политические, правовые. Отечественные мыслители исходят из общих методологических принципов исторического исследования, а также сравнительно-исторического метода исторической реконструкции.

В. А. Щученко

*(Доктор философских наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия)*

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА И КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20 СТОЛЕТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Анализ и синтез привычно используются в качестве общенаучных методов. В меньшей степени осознается, что эти понятия онтологичны, т. е. отображают не одни естественные процессы, но и ход общественного, в том числе культурно-исторического развития.

Н. Ф. Федоров едва ли не первым обратил внимание на то, что современная цивилизация «анализирует», т. е. расчленяет, препарирует живое, что задачей человечества является формирование синтезирующего склада жизни и культуры.

В 20 в. множатся голоса тех, кто усматривает основу «цельной синтетической жизни» человечества в религии и вере. «Но вся эпоха,— писал Г. П. Федотов,— ждет творческого синтеза, целостного, чистого, «мерного» православного гнозиса (мудрости)». Проблема православного синтеза на основе патристики поднималась Г. В. Флоровским. На необходимость построения «целостной культуры» на православных началах, учитывая великий и поучительный опыт «целостной культуры» Запада, указывал В. В. Зеньковский.

Рассмотрение исторического процесса под углом зрения культурного анализа и культурного синтеза высвечивает важную сторону перехода от одной общественной стадии к другой. Сегодняшняя эпоха характеризуется, во-первых, ослаблением аналитической тенденции, проявления

которой — разброд и сумятица, острое аксиологическое противоборство, плоская рассудочность и механицизм, многообразие без единства и др., а во-вторых, укрепление процессов синтетического характера, таких как духовно-нравственная цельность, упорядочивающее значение вероятных начал, разумность жизни и культуры, единство в многообразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров Н. Ф. Из материалов к третьему тому «Философии общего дела» // Вопросы философии. — 1993. — № 1.
2. Федоров Н. Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // Федоров Н. Ф. Соч. — М., 1982.

**ПРОРОЧЕСТВА, ПРОЕКТЫ, УТОПИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

**(К 130-летию выхода книги К. Н. Леонтьева
«Восток, Россия и Славянство»)**

О. Л. Фетисенко

*(Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)*

130 ЛЕТ «УЧЕБНИКУ СМЕЛОСТИ»

«Учебником смелости» назвал двухтомное собрание статей и очерков Константина Леонтьева (1831–1891) «Восток, Россия и Славянство» литературный критик и публицист Петр Перцов. Первый том вышел в Москве 130 лет назад, весной 1885 года, второй — в 1886 году. Для этой книги трудно было найти издателя, а издание следующего тома, в который вошли бы статьи, публиковавшиеся в газете «Гражданин» с 1887 года, и вовсе оказалось невозможным. Выход книги лишь отчасти способствовал оживлению интереса к леонтьевской публицистике (рецензий было крайне мало). Открытие Леонтьева как мыслителя произошло в 1900-е — 1910-е годы, новый всплеск интереса к нему пришелся на конец 1980-х — середину 1990-х годов, в последние же годы можно говорить о наступлении периода, с одной стороны, серьезного научного освоения, а с другой — некоторой «профанации» леонтьевского наследия (использование отдельных его политических «рецептов» в применении к сегодняшним обстоятельствам совершается порой без всякого на то основания, обнаруживая непонимание этого наследия в его целостности).

«Восток, Россия и Славянство» — своего рода «малое собрание сочинений» Леонтьева, в которое вошли строго отобранные самим автором произведения, тщательно отредактированные им для этого именно издания. Статьи, собранные здесь, остаются наиболее востребованной частью его публицистики, в том числе историософской. На наш взгляд, сейчас наиболее важно не отыскивать в них очередные сбывшиеся пророчества, как это делалось четверть века назад, а присмотреться повнимательнее к самому мировидению Леонтьева, к его способу оценки вещей, явлений, событий, взглянуть на автора «Византизма и Славянства» как на своеобразного педагога-методиста, раскрывающего в своих читателях и слушателях способность мыслить смело, не подчиняясь господствующим идейным шаблонам, но при этом сохраняя христианское смирение и трезвость, — по его самоопределению, смотреть на всё «сквозь свою призму».

Д. С. Кунильская

(Аспирант, Петрозаводский государственный университет;
dkunilskaya@yandex.ru)

ГРЕЧЕСКИЙ МИР В РОМАНЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС»: ИСТОРИЯ И ПРОРОЧЕСТВА

Роман «Одиссей Полихрониадес» (1873–1878) вкупе с трудом «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьев называл своими «лучшими вещами». В предисловии к циклу, к которому относится роман, писатель дает оценку греческому обществу в целом, разделяя «эпическую простонародную половину всего греко-славянского мира» и «буржуазную» его часть. В характере главного героя Одиссея две половины соединяются в одно целое. Особое внимание уделяется изучению отношений внутри греческой семьи, которая являет «бытие в его действительности, а не в «понимании» человеком». Анализируется речевое оформление греческих персонажей — употребление уменьшительно-ласкательных форм. Простонародная речь в этом случае оказывается близкой языку сакральной христианской словесности. Характер греческих героев в романе раскрывается двояко: кроме патриархальности, присущей православному миру Турции, особенно подчеркиваются эгалитарно-либеральные устремления архонтов. Выразителем национальной идеи восстановления греческого народа в романе является учитель Одиссея господин Несториди. Леонтьев в своих статьях убедительно доказывал, что греки, страшая панславизма, попадали все больше под западноевропейское влияние. Роль России не сводилась к ослаблению греческого народа: у нее была своя «особая политическая судьба» — «поддержка слабейшего, угнетенного». Роман «Одиссей Полихрониадес» можно назвать концентрированным выражением того идеального, патриархального греческого мира, который писатель увидел в Турции. Единство этому идеальному миру придавало консолидирующее православное мирозерцание. Картина быта православных христиан на мусульманском востоке — это выраженная в прекрасном образе надежда на сохранение и восстановление человеческой личности от общего либерального процесса разрушения человечества.

Б. В. Межуев

(Кандидат философских наук,
Московский государственный университет)

«СМЫСЛ ВОЙНЫ» ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА: ОПЫТ ДВОЙНОЙ ЭСХАТОЛОГИИ

В статье 1895 года «Смысл войны», вошедшей впоследствии в качестве XVIII главы в книгу Владимира Соловьева «Оправдание добра», было высказано предсказание о грядущей последней войне между Европой и Китаем, которая станет последней войной, завершающей эпоху войны в истории. Хотя философ предсказывал неизбежность этого столкновения, он принципиально отказывался предвещать его исход. В этом пункте история оставалась открытой — победить могла как одна, так и другая сторона, причем в этом столкновении особым образом проявлялась провиденциальная миссия России. Эта последняя великая война при любом ее окончании должна была привести к возникновению мировой империи — однако, какова будет эта империя, какие силы пробудятся к жизни, чтобы в конечном итоге объединить человечество — этот вопрос оставался открытым.

В 1890-е годы Соловьев создает не одну (как предполагается исследователями), а две версии «конца истории». Согласно первой, история человечества должна завершиться окончательным триумфом процесса «собирания земли» христианским человечеством — *победой Запада над Востоком* и воссозданием какого-то подобия «всемирной монархии» в виде межгосударственного союза западных держав. Важнейшим условием этого сценария является философское осмысление христианского учения, которое будет предложено всем людям и всем народам в ясной и отчетливой форме, требующей лишь однозначного выбора между безусловным Благом и безусловной погибелью.

Вторая версия «конца истории» характеризуется *поражением Запада в войне с Востоком*. Возникновение этой версии для Соловьева было обусловлено ощущением близости собственной смерти и пониманием того, что его философская миссия так и останется незавершенной.

Б. Ф. Егоров
(Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский Институт истории РАН;
borfed@mail.ru)

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СОВЕТСКИХ УТОПИЙ

В моей книге «Российские утопии. Исторический путеводитель» повествование доведено до 1917 года. Советский период достоин много-томного труда. В предлагаемом докладе речь идет о самом начале нового периода.

Социалистические и коммунистические идеалы вождей Октябрьской революции чрезвычайно интенсивно внедрялись в народ: издавались труды классиков социалистической мысли, массовыми тиражами печатались популярные книги и брошюры. Широко распространилась художественная утопическая литература о будущем человечества (или, конкретнее, о будущем Советского Союза и России). Утопическими оказывались и некоторые реальные деяния руководителей страны, например, замысел Ленина заменить деньги простыми квитанциями о проделанной работе. В художественном плане все большую популярность приобретали произведения о коммунистическом будущем страны Советов и всего мира.

Очень хорошо отразил массовые мечты и надежды о прекрасном будущем А. Н. Толстой (повесть «Голубые города»). Он же глубоко схватил возникавший вскоре после 1917 года пафос научно-технического творчества, промышленной революции и грандиозных открытий в физике, химии, медицине. Его повесть «Аэлита» открывала широкий спектр мечтаний о завоевании Космоса. Характерно было выдвижение на первый план серии научно-фантастических романов А. Беляева (идеи его романа «Голова профессора Доуэля» имеют шанс реализоваться в наши дни!). Следует учесть, что ни в XIX веке, ни в советское время

фантастами не была предсказана компьютерная и интернетная революция конца XX века.

Важно отметить и появление вскоре после революций 1917 года анти-утопий, отразивших социально-политические и экономические тревоги вдумчивых писателей за дальнейшую судьбу советского строя. Наряду со знаменитым романом Е. Замятина «Мы» следует назвать недавно открытую М. О. Чудаковой повесть М. Козырева «Ленинград» (1925), которая ни при какой погоде не могла быть опубликована в советское время.

А. П. Дмитриев

(Кандидат филологических наук, Институт русской литературы
(Пушкинский дом) РАН; apdspb@gmail.com)

СПОР И. Ф. РОМАНОВА-РЦЫ И С. Ф. ШАРАПОВА О ВОЗМОЖНОСТИ «ЭГАЛИТАРНОГО ВСЕДОВОЛЬСТВА» (ПО ПОВОДУ РОМАНА-УТОПИИ Э. БЕЛЛАМИ «ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ»)

Утопический роман социалиста Э. Беллами «Looking Backward. 2000–1887» (1888) после шумного успеха в Америке и Европе был переведен в России (под названиями «Через сто лет», «Будущий век» и др.) и стал играть ту же роль в радикальных кругах, что и роман Чернышевского «Что делать?» в предыдущие десятилетия.

С. Ф. Шарапов в рецензии «В 2000-м году» (1890), восхищаясь «глубиной и свежестью мысли» Беллами, счел неприемлемой цену «эгалитарного вседовольства». В статье «Бумажный рубль» (1895) он писал, что Беллами «обратил свободную Америку в колоссальные арестантские роты <...> («всеобщая трудовая повинность» Беллами есть нечто столь принципиально чудовищное, что перед нею побледнеют и каторжные работы)».

И. Ф. Романов-Рцы в открытом «Письме к С. Ф. Шарапову», названном «Вечер черной и белой магии» (1891), поставил под сомнение само достижение «равномерного распределения богатства и затем комфорта, комфорта без конца», изображенного в романе Беллами, который Рцы счел проявлением «обезверения человека», забывшего, что «царство Божие внутри вас есть». В мире же Беллами «зверь по-прежнему живет в человеке, но его обильно кормят, за ним ухаживают, и он ленится вылезать из своей берлоги».

Рцы и Шарапов создают в противовес Беллами собственные утопии. Рцы прогнозирует (сбывшееся к 2000 г.) создание Европейских Соединенных Штатов, сближение России с Турцией, управление миром «с яхт» папы римского и Ротшильда, «прибравшего к рукам» золото Европы. Шарапов в 1902 г. публикует начало романа «Через полвека», где стремится «дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленную».

А. Э. Котов

*(Кандидат исторических наук, доцент,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С. О. Макарова; nilfgaard@gmail.com)*

П. П. ЦИТОВИЧ И РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ УТОПИЯ

П. П. Цитович — один из забытых публицистов второй половины XIX века. В первой половине 1870-х Цитович проявил себя как типичный для своего времени ученый-позитивист. В «охранителя» либеральный профессор превратился из-за появления удачливого конкурента — А. С. Посникова. Последний выступал как пропагандист общинного землевладения и снискал популярность среди молодежи — из-за чего «Цитович стал мучиться бесом самолюбия». Но имели место и теоретические разногласия: на страницах ряда одесских изданий профессор подверг общину резкой критике.

На защиту Посникова и общины выступили не только одесские, но и центральные издания. На страницах «Отечественных записок» Михайловский обвинил в лице Цитовича всю «мундирную науку», не способную, по его мнению, утолить «духовную жажду» русского общества.

Цитович отвечал рядом публикаций, в которых обрушился уже в целом на либеральную журналистику, обвинив ее в легкомыслии, а нигилистов в неуважении к собственности и духовном родстве с крепостниками. Публицистический темперамент профессора был замечен в Петербурге и Л. С. Маков решил привлечь его к изданию газеты «Берег». На страницах своего издания Цитович продолжил борьбу с «живой водой» революционной демократии, причем в целях полемики с нигилистами публиковал обширные выдержки из их прокламаций.

Но встречались на страницах «Берега» и элементы позитивной программы — например, мысль о превращении раскольников в русское «третье сословие». Газета подчеркивала, что выступает не против либерализма, но против его «неправильных» проявлений на русской почве и желая «самого широкого распространения в обществе либеральных идей», отмечала, что подлинным их носителем является «правительство».

А. И. Резниченко
(Кандидат философских наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет
Мемориальный Дом-музей С. Н. Дурылина
anparezn@yandex.ru)

ИСТОРИЯ НЕСБЫВШИХСЯ СОБЫТИЙ. «СБОРНИК ПАМЯТИ В. ЭРНА» / «ЭРНУ — ДРУЗЬЯ». ПРОЕКТ 1917 ГОДА

Определим понятия. Под «историей несбывшихся событий» я понимаю комплекс текстов, действий или явлений, которые могли получить свое творческое воплощение, но в сфере реального бытия были недоосуществлены. Русская философия последних ста пятидесяти лет знает немало проектов такого рода.

И, тем не менее, многие из них все же «сбылись» или «сбываются». Примером такой реконструкцииможет служить неосуществленный «Сборник памяти В. Ф. Эрна» (другое его название — «Вл. Ф. Эрну — друзья»), задуманный П. А. Флоренским в 1917 г. Роспись этого проекта, а также оригиналы текстов счастливо нашлась в Архиве свящ П. А. Флоренского. Приводимый ниже архивный документ позволяет реконструировать не только структуру «реального» сборника, но и то, что только предполагалось ко включению в него:

Вл. Ф. Эрну — друзья

Вяч. Иванова 57 x 37 x 2 = 4218 [№ 1][2]

Гехтмана 37 x 23 x 7 = 5957 [№ 2]

[Архипова 88.12 x 16 x 30 = 46.080 № 3]

Постникова 72 x 45 x 10 = 9720 [№ 4]

Алексеева 48 x 22 x 10 = 10560 [№ 5]

{66 x 44 x 3 = 8712 [№ 6]

Волжского 46 x 35 x 5 = 8050 [№ 7]

Дурылина 43 x 48 x 11 = 22704 [№ 8]

Булгакова 63 x 40 x 6 = 15.120 [№ 9]

Флоренского 45 x 26 x 12 = 14040 [№ 10]

Итого число букв 99 081 [+ 46.080

= 143.161]

собст<венно> менее того

+ Новоселова

Андреева

Булгакова мелочь

Балтрушайтиса?

Список сочинений?

Но и я прибавлю
ещё, то прил<изительно>

100. 000 букв в книге

+ Силуэт Кругликовой

автограф

фотогр<афическая> карточка

цветн<ой> портрет О. Флоренской

[бюст Голубкиной]

<...>

**ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО:
ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
СЮЖЕТЫ**

М. Р. Арпентьева

(Кандидат психологических наук, доцент)

С. В. Брайцева

*(Студент, Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского; mariam_rav@gmail.ru)*

ПАСТЫРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ

Социальное служение является специфической сферой общественной деятельности, имеющей общие с социальной работой цели и задачи. Согласно размышлениям протоиерея В. Свешникова, социальное служение в человеческом мире по своей подлинной природе — церковно; а когда проявляется в нецерковных формах и содержаниях, то вызвано отдаленным действием церковного строя жизни. Людей, занимающимся социальным служением, принято называть добровольцами и благотворителями — особенно, если речь идет о нецерковном служении, если же речь идет о церковном, особенно пастырском служении, «окормлении», то оно понимается как духовное наставничество, пастырское служение, больше напоминая отношения Отца и ребенка. В своей работе пастырь сталкивается — как с одним из важных — вопросом о соотношении светской психотерапии и пастырского служения. Их способы (технологии) работы могут быть сколь угодно близки, если соблюдаются основные принципы пастырской помощи. Игумен Е. Перистый отмечает, что христианство раскрывает человеку духовный мир и законы взаимодействия с миром душевным, которые связаны с возможностью обретения полноценной жизни во Христе. Изучением собственно душевного мира человека, поиском средств и механизмов душевного развития в контексте духовного занимается аскетика, святоотеческое учение о борьбе со страстями и сохранении себя в добродетелях. Основная проблема пастырства — борьба за душу человека, смирение и доверие,

рождающие любовь. Не отрицая медицину, как и не отрицая психологию, не препятствуя ее развитию, Церковь воспитывает христианское отношение к болезни, психологическим проблемам, наделяя человека верой и мужеством для перенесения страданий: «От Меня это было». В настоящее время, несмотря на возрождение монастырей и храмов, верующие христиане испытывают настоятельную потребность в опытном духовничестве и душевном врачевании.

К. А. Кузоро

*(Кандидат исторических наук, доцент,
Томский государственный университет;
clio-2002@mail.ru)*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКИХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЯХ (XIX — первая четверть XX вв.)*

Церковная историческая наука — неотъемлемая и уникальная составляющая часть науки и культуры дореволюционной России, незаслуженно остававшаяся долгое время в тени и не успевшая получить должного историко-методологического осмысления. После 1917 г. в России исследования в области церковной истории на долгие годы были прекращены. Работа в этом направлении была продолжена в эмиграции Н. Н. Глубоковским, Г. В. Флоровским, А. В. Карташевым. В советское время исследователи подвергали церковную историческую науку жестокой и крайне идеологизированной критике, и только в последние годы ситуация начала меняться.

История была введена в круг изучаемых в духовных школах дисциплин еще Духовным регламентом 1721 г., но воспринималась при этом на протяжении всего XVIII в. не как самостоятельная наука, а как вспомогательная дисциплина. Основоположниками российского духовного исторического образования стали митрополит Платон (Левшин), митрополит Филарет (Дроздов), святитель Иннокентий (Смирнов). В ходе проведения образовательной реформы 1814 г. церковная история была переведена в разряд обязательных дисциплин, что обеспечило ей более прочное место в ряду богословских наук.

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке конкурса РГНФ, проект № 15–01–00148.

Церковными историками был изучен широкий спектр тем и направлений: русская и общая церковная история, византология, история духовного образования, литургика, история старообрядчества и сектантства, церковная археология и др. К началу XX столетия русская церковная историческая наука, вобрав в себя все прогрессивные тенденции, достигла своего апогея, создав исследования, актуальные и сегодня. Мировому научному сообществу широко известны имена церковных историков — митрополита Макария (Булгакова), А. В. Горского, Е. Е. Голубинского, В. В. Болотова, Н. Ф. Каптерева, А. П. Лебедева и других.

А. М. Молоток
(Студент,
Санкт-Петербургская
православная духовная академия)

КОГДА РУКИ «ПОЮТ»: СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ЦЕРКОВНОЙ РАБОТЫ С ГЛУХИМИ ЛЮДЬМИ; ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ДЕФИЦИТ КАДРОВ

В настоящее время в практику социального служения Русской Православной Церкви вошла деятельность с людьми, у которых либо нет слуха, либо он далек от нормы. Повседневной речью таких людей является жестовый язык. В России речью глухих людей является РЖЯ — Русский Жестовый Язык. Мало кто знает, но в недалеком прошлом, указом президента РФ, РЖЯ возведен в степень государственного языка.

Современное состояние церковного направления работы с глухими людьми, можно охарактеризовать малой проработанностью и относительно недавним началом, точнее сказать, продолжением служения с глухими членами Церкви. Длительная пауза в работе с неслышащими людьми внутри церковной ограды поставлена из-за установления советской власти, до которой, к примеру, в Санкт-Петербургском Училище Глухонемых была и домовая церковь, и велась просветительская работа с глухими учащимися этого заведения.

В настоящее время на 120 тыс. глухих граждан Российской Федерации знающих РЖЯ, лишь 17 священнослужителей (из которых 13 священников и 4 дьякона) и 48 приходских общин, осуществляют церковную работу с инвалидами по слуху.

Но не подлежит сомнению тот факт, что работа с глухими людьми стремительно набирает обороты и приобретает большое значение в деле социального служения Русской Православной Церкви, и глухие прихожане с радостью приходят на богослужения, которые сопровождаются сурдопереводом.

*Диакон Антоний Данилов
(Богослов, юрист, магистрант,
Санкт-Петербургская православная духовная академия,
Российский государственный социальный университет;
chtets.antony@gmail.com)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА ПОЯВЛЕНИЯ ТРАДИЦИИ МИССИОНЕРСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

После возобновления церковной жизни в странах бывшего СССР остро встала проблема непонимания богослужения как церковными, так и нецерковными людьми. В попытке решения такой проблемы Миссионерским отделом Священного Синода Русской Православной Церкви было принято утверждение традиции объяснения православных богослужений во время их совершения.

Прецеденты толкования богослужения во время его совершения имеют место уже с VI века н.э. Вместе с тем, внебогослужебные чтения Российской Православной Церкви стали важнейшим национальным прецедентом объяснения богослужения вне его совершения.

Получив наименование «миссионерского», рассматриваемое богослужение в РПЦ представляет собой обычное чинопоследование, во время которого решается дополнительная задача — приближение «литургической культуры Православия к пониманию наших современников». Достигается такая задача через объяснение смысла и значения богослужебного чинопоследования непосредственно за миссионерским богослужением в форме небольших комментариев, официально названных богословскими.

Отправной точкой миссионерского богослужения является дата его утверждения — 27 марта 2007 г.

Историческая причина утверждения традиции богослужения с толкованиями в контексте истории Русской Православной Церкви распадается

на несколько аспектов. Одним из них могут быть названы богослужебные тексты, устаревшие на сегодня, выражения, содержащие слова и фразы, воспринимаемые ныне как комичные, жестокие, кощунственные, тексты, имеющие неверный перевод и т. п.

Как основное средство решения указанной интеллектуальной и перцептивной проблемы в сфере «человек за богослужением», богословские комментарии миссионерской службы предстают сегодня в нескольких вариантах, сложившихся как качественно-количественные типы.

**ФЕНОМЕН ПОДВИЖНИЧЕСТВА
В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

О. А. Туминская
(Кандидат искусствоведения, докторант
кафедры художественного образования
Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена;
touminskaya@mail.ru)

ОБРАЗЫ ЮРОДИВЫХ В ПРЕДСТОЯНИИ ОБРАЗУ ТРОИЦЫ: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ РЯД

Занимаясь изучением научной темы «Образы блаженных и юродивых в русской иконе XVI–XIX веков», встала необходимость систематизации известных, опубликованных произведений искусства на указанную тему и неизвестных широкому кругу памятников искусства по разным причинам не открывшие себе путь на страницы изданий или в залы хотя бы временных выставочных сессий. Какие-то вещи не имеют возможности быть экспонируемыми по причине плохой сохранности, другие находятся в частных коллекциях и в связи с трудностью оформления документации не имеют обширного круга зрителей, третьи представляют фонд храмовых ризниц и выступают лишь в качестве святынь [4], доступных при паломнических молебнах. Изучать такую обширную область искусства, как отечественное иконописание, должны специалисты разных профилей знаний и глубоких профессиональных знаний. Именно поэтому важно приглашать к диалогу специалистов смежных, но всё же разных областей гуманитарного знания.

Основное внимание уделено редкому иконографическому изводу — молитвенному предстоянию юродивых Христа ради образу Троицы. Главный акцент сделан на иконографии Позднего Средневековья (XVII в.). В предлагаемом изобразительном ряду предстояние юродивых Троице может быть рассмотрено: во-первых, как символический пример молитвенного диалога

«низа» и «верха», во-вторых, как мотив соборности, столь характерный для ментальности русского человека в эпоху Средневековья, в-третьих, как атрибуционный признак.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маясова Н. А.* Кремлевские «светлицы» при Ирине Годуновой // ГММК: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. 2.
2. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Русские святые. СПб., 1882.
3. *Филимонов Г. Д.* Сводный иконописный подлинник XVIII века. М., 1874.
4. Образы и символы старой веры. Альманах. Вып. 217. СПб., 2008.

Е. Л. Ильина

*(Кандидат биологических наук,
Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН;
el.ilina1984@gmail.com)*

БЛАЖЕННАЯ ЛЮБУШКА СУСАНИНСКАЯ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАРОДНОЕ ПОЧИТАНИЕ

Блаженная Любушка Сусанинская (Любовь Ивановна Лазарева, 1912–1997) является одной из выдающихся подвижниц благочестия XX века. Весь её жизненный путь и подвиг, как и подвиг большинства юродивых Христа ради, остаётся тайной для окружающих. Родилась в Калужской области, происходила из крестьянской семьи, в пятилетнем возрасте осталась сиротой, в юности выбрала служение Богу, отвергнув брак. В миру проводила жизнь в труде, посте и молитве. После побега из психиатрической больницы, куда попала за религиозные убеждения, около 30 лет проводила жизнь в странствиях по святым местам России. С 1974 года проживает сначала в Вырице, потом в Сусанино, где несёт подвиги старчества и юродства, кормит приходящих к ней за советом людей. Средимногочисленных приходящих были как миряне, так и духовенство вплоть до архиереев. По воспоминаниям очевидцев блаженную Любушку отличала особая манера молитвы — по ладони, которая заменяла блаженной молитвослов и помянник, а также необычная манера изъясняться и совершенно неземная любовь к людям. С 1996 года блаженная Любушка по неясным причинам переселилась в Николо-Шартомский монастырь (Ивановская область), а потом в Казанский Вышне-Волоцкий монастырь, где и преставилась в 1997 году. На месте её могилы возведена часовня, народное почитание блаженной старицы Любви продолжается.

В. И. Снесарь

(Кандидат философских наук, доцент,
Балтийский государственный
технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова;
snes-viktor@yandex.ru)

ДИНАМИКА ФЕНОМЕНА ЮРОДСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Древние литературные источники (греческие, византийские, арабские) свидетельствуют о самобытных славянских особенностях — скромности, свободолюбию и нестяжательности. Эти качества унаследованы русским народом. Скромность и нестяжательство — добродетель. Самонадеянность и гордость — грех. Нет идеала и совершенства в земном мире. Всё пребывает в процессе становления, «ибо немощен человек и слаб». Он должен быть скромен во всём — в одеянии, манерах, еде и быту. Феномен юродства здесь предопределён. Русский верит, что умён не сполна, а мудрость не доступна логическому рассудку. Его умные мысли «не в здравом уме культурного человека, а на грани сумасшествия [...], сам Иванушка ни от чего не произведен, а поэтому умен». Иван-дурак — это специфически русский тип. В нём есть мудрость и добродетель, он свободолюбив и не склонен быть рабом. Он ни с чем не связан, ни в чём не нуждается, у него всё есть! Пришедшее на Русь богословие раскрывает диалектическую связь «убожества» и «юродства», нищеты и самодостаточности. Многие христианские ценности родственны архетипам славянского сознания. Может быть, поэтому так любили на Руси апостола Павла, который учил: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Как бальзам на душу ложились слова: «немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное». Вспоминал народ Иванушку-дурачка, почитал богатыря Илью Муромца, пролежавшего

на печи тридцать лет и три года. Авторитет юродивого Христа Ради был всенародный. У царя Иоанна Грозного среди советников были известные юродивые, например, Василий Московский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиренок Ф.* Патология русского ума. Картография дословности. — М.: «Аграф», 1998.
2. 1 Кор. 3. 18–19.
3. 1 Кор. 1, 27.

Н. Н. Жервэ
(Зав. сектором музея
Санкт-Петербургского
государственного университета;
Jsoph@mail.ru)

ФЕНОМЕН НОВГОРОДСКОГО ЮРОДСТВА И ПРП. МИХАИЛ КЛОПСКИЙ

Ко всякому феномену культуры можно подходить с разных сторон. Даже в православной церковной традиции нет единого отношения к юродству. Церковный историк Е. Голубинский считал, что подвиг юродства — «строго говоря, есть подвиг противуканонический». И в то же время юродивый для большинства верующих — это наиболее почитаемый святой. Он добровольно принимает на себя личину безумия, чтобы скрыть от мира свое совершенство и таким образом избежать суетной мирской славы.

Согласно одной из версий, юродство в той форме, в какой мы его знаем в 14–16 вв., пришло на Русь не прямо из Византии, а обходным путем, через Западную Европу и Новгород. Г. Федотов отмечает, что «первым настоящим юродивым на Руси был Прокопий Устюжский». Житие приводит Прокопия в Устюг из Новгорода и отмечает его немецкое происхождение. Таким образом, родиной русского юродства можно считать Новгород. В XIV–XV вв. юродство в Новгороде полностью адаптировалось к местным условиям, стало органичной частью жизни общества. Подавляющее большинство русских «похабов» не были монахами и жили в городской среде — достаточно вспомнить упомянутых Николая Качанова и Феодора, а также псковского юродивого Николу Салоса.

Михаил Клопский занимает особое место среди новгородских юродивых. Его житие, написанное боярином Тучковым, с первого эпизода раскрывает необычность появления прп. Михаила в Клопской обители. По многим

эпизодам, описанным в житии, Михаил Клопский не совсем типичный юродивый, но в то же время он свободно обличал недостатки людей сильных и обладал даром пророчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новгородский месяцеслов святых угодников Божиих. СПб., 1882.
2. *Яхонтов А.* Жития Северных русских подвижников поморских., Казань, 1881.
3. *Белков В.* Преподобный Михаил Клопский., Петроград., 1917.

К. С. Емельянов

*(Кандидат социологических наук,
АО НПП «ЭнергопромСервис», Москва;
1058404@gmail.com)*

ПОЧИТАНИЕ ПОСТРАДАВШИХ ЗА ВЕРУ В XX ВЕКЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В докладе будет рассмотрен феномен почитания пострадавших за веру в СССР в XX веке в контексте социально-политической истории конца 1940–80-х гг. Несмотря на репрессии верующих в СССР, советская пропаганда утверждала, что в СССР людей преследуют не за веру, а наказывают за нарушение законов Советского государства.

Поскольку СССР подписал ряд международных соглашений, гарантирующих соблюдение базовых прав и свобод человека, информация о нарушении прав верующих воспринималась руководством СССР как дискредитирующая, а в адрес зарубежных партнёров шла пропаганда о наличии свободы совести. В легальном церковном пространстве не было поминовений репрессированных за веру, однако память о них была частью церковной неформальной жизни; почитание «старцев», нарративы о пострадавших были важной частью церковного дискурса.

Особое внимание к Церкви в СССР проявляли русские эмигранты, а РПЦЗ сохраняла и культивировала почитание последнего русского царя — императора Николая II и его семьи, Иоанна Кронштадтского и т. п. [2] Сбор информации о пострадавших за веру перерос в прославление в 1981 г. новомучеников российских на Соборе, прошедшего в Джорданвилле. Этот акт имел принципиальный характер не только для Церкви, но и имел ярко выраженный политический контекст в условиях биполярного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашиеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. — Спб., 2013.
2. *Семенов-Басин И. В.* Святость в русской православной культуре XX века. История персонификации. М.: РГГУ, — 2010.
3. *Stricker G.* Die Kanonisierung der Neomartyrer in der Russisch-Orthodoxen Auslandkirche // Kirche in Osten. — 1983. — № 26.

Н. З. Гаевская
(Аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия;
pavlina.0078@mail.ru)

ТЕМПОРОЛОГИЯ ПАМЯТИ СМЕРТНОЙ В ПОДВИГЕ ЮРОДСТВА

Подвижничество — особое явление в христианской культуре, которое характеризуется опытом наблюдения и дескрипции процессов и явлений на границе реального, а также опытом управления этими процессами.

Важнейшим аспектом подвижничества является покаяние, покаянные стратегии включают сокрушение, страх Божий и память смертную. Память смертную проповедует православное подвижничество, в частности юродство — один из самых парадоксальных религиозных феноменов, информация о котором во многом сакральна и табуирована по сей день.

Важнейшим в определении структуры и функциональности памяти становится темпорологический аспект. Время подвига — исполненное время, оно имеет направление, ориентированное к Спасению. Память, направленная в прошлое к конечности бытия тварного, обретает иные темпоральные характеристики, в подвиге обращается к Надежде, будущему и жизни вечной. «В евхаристии Сын Божий, рожденный Отцом вне времени и прежде всякого времени, в Своем воплощении соединивший временное и вечное, земное и небесное, преодолевает время и являет вечность тем, кто участвует в ней», — пишет митрополит Илларион.

В сакральном обряде, обретая Встречу с Богом и Божественным, юродивый вступает в евхаристические отношения. В реакции сознания юродивого смысловое пространство понятия смерти кодируется и преобразуется. Память о смерти, направленная в прошлое к конечности бытия тварного, обретает иные темпоральные характеристики, обращается к будущему и жизни вечной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митр. Иларион* «Праздник и евхаристия». Киев. 2010.
2. *Павел Сержантов* «О временном и вечном». Москва. 2010.
3. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени. Москва. 1994.
4. *Митр. Антоний Сурожский.* Труды. Москва. 2007.

Иерей Богдан Полевой
(Настоятель подворья Зеленецкого монастыря;
zelenecpeterburg@gmail.com)

ЮРОДИВАЯ МАТРОНА МЫЛЬНИКОВА (МАТРОНА БОСОНОЖКА). ПУТЬ В XXI ВЕК

В этом 2015 г. празднование Светлой Пасхи Христовой совпадает с днем памяти блаженной старицы, чья судьба связана с историей Скорбященской церкви у Стеклянного завода (Всех скорбящих с грошиками), что на Обуховском пр. Санкт-Петербурга.

Матронушка родилась в 1814 г. в деревне Ваниной Костромской губернии в семье крестьян Щербининых. Замуж она вышла за мещанина города Костромы Егора Мыльниковца, вскоре призванного на фронт русско-турецкой войны 1877 г., куда сестрой милосердия отправилась и его жена. После гибели на войне мужа, Матрона решает всю свою оставшуюся жизнь посвятить Богу, раздает имущество нищим, уходит странствовать, наложив на себя обет юродства Христа ради, с того момента и до самой своей смерти (в течение 33 лет).

С годами могила старицы была затеряна, а церковь в советские годы разрушена. Только в 1997 г. в часовне вновь открытого подворья Зеленецкого монастыря было найдено захоронение подвижницы. Сегодня это место пользуется большой известностью у горожан, на могилу блаженной приходят за советом, за исцелением и утешением духовным.

Активный интерес людей и народное почитание личности Матроны Босоножки, создает новые возможности ведения миссионерской деятельности в храме, где находится ее захоронение. Феномен юродства предполагает неиссякаемый поток верующих и ищущих Бога людей и после жизни подвижника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жизнеописание в Бозе почившей рабы божией старицы Матроны Петровны Мыльниковой. СПб. 1915.
2. О. Надеждина. Вам поможет блаженная Матрона Босоножка. СПб., 2011.
3. А. Печерская. Пути блаженных. СПб. 2010.

М. К. Карпов
(Сотрудник миссионерского отдела,
Гатчинская епархия РПЦ МП;
capito65@mail.ru)

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦА МАРИЯ ГАТЧИНСКАЯ И ЕЕ ПОЧИТАНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ГАТЧИНЕ

Преподобномученица Мария (Лидия Александровна Леянова) (1874–1932) в ранней юности перенесла тяжелую форму энцефалита, который дал осложнения в форме болезни Паркинсона. Она преодолела сопутствующее этой болезни психическое угнетение — чувства уныния и раздражения — через молитвенное делание. В 1922 году Лидия Леянова была пострижена в монашество с именем Марии [1].

Болящая монахиня Мария к тому времени стала широко известна — ее посещали не только горожане, но и приезжие из разных мест, получить от нее совет [2]. Во время обновленческого раскола она укрепляла оставшихся верными Патриарху Тихону. Когда началось иосифлянское движение, она присоединилась к нему, укрепляя стоявших за чистоту веры без всяких компромиссов с безбожной властью [3].

Монахиня Мария была арестована 17 февраля 1932 года. Скончалась 5 апреля 1932 года. Похоронена на Смоленском кладбище возле часовни блаженной Ксении. Уже с этого времени стала складываться традиция — посещать после часовни блаженной могилу Марии Гатчинской.

В 1957 году в Джорданвилле издана книга «Новые мученики Российские» протопресвитера Михаила Польского, в которой в числе прочих был рассказ и о Марии Гатчинской. Эта книга стала основой для деяния РПЦЗ о прославлении Новомучеников Российских в 1982 году.

Св. Синод Русской Православной Церкви Московского Патриархата в ходе летней сессии 17 июля 2006 года включил в Собор новомучеников имя монахини Марии (Леяновой).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Протопресвитер Михаил Польский*. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1957. Т. 2.
2. *Антонов В.В.* Она имела дар утешения... Возвращение. 1995. № 3/7.
3. *Шкаровский Михаил*. Судьбы иосифлянских пастырей: Иосифлянское движение Русской православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. Сатись. Держава. СПб. 2006.

Л. А. Ткачук
(Независимый исследователь;
fairsisters@gmail.com)

ЛИМИНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ В ФЕНОМЕНЕ ЮРОДСТВА

Лиминальность — это момент перехода от одного жизненного этапа (и, соответственно, социального статуса) к другому. Вопрос этот был подробнее освещён в различных областях науки: как антропологами на заре XX века [1], так и современными психологическими школами [2]. Благодаря этнографическим материалам (быличкам, бывальщинам, фрагментам бесед с информанами, «реставрации» обрядов [3]), мы имеем возможность проанализировать описания состояний лиминальности и выявить их межкультурные сходства.

С этой точки зрения нам будет интересно рассмотреть феномен юродства как реализацию «временного безумия», отказа от социального статуса и материального благополучия. Концепция «перехода» реализовывалась подвижниками во все времена по-разному: наша задача будет проанализировать конкретные исторические примеры, обращая внимание как на психо-эмоциональный компонент, так и акциональный контекст юродства [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов // М., 1999 — С. 64–107
2. Боас Ф. Ум первобытного человека // М. — Л., 1926.
3. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени // С-Пб: Питер, 2002 — С. 171–200
4. <http://folk.ru> («Русский фольклор в современных записях»)
5. Иванов С. А. Византийское юродство // М.: Международные отношения, 1994.
6. Прыжов И. Нищие и юродивые на Руси // С-Пб: Авалон — Азбука-классика, 2008.

А. Н. Лепёхина
(Бакалавр богословия,
Свято-Филаретовский православно-христианский институт,
Свято-Петровское малое православное братство;
anna.lepekhina@gmail.com)

АРХИМ. ТАВРИОН (БАТОЗСКИЙ). ПОДВИЖНИЧЕСТВО КАК ОПЫТ БОРЬБЫ ЗА ЧЕЛОВЕКА И ЦЕРКОВЬ

Сообщение посвящено исследованию опыта подвижничества и исповедничества веры архим. Тавриона (Батозского) (1898–1978).

О подвижничестве архим. Тавриона, угодном Богу, говорит явление в нем силы Божией — в словах и делах сверх обычного достойного исполнения своих обязанностей как служителя Церкви:

1) за каждой Литургией, которую он совершал ежедневно, собиралась реальная евхаристическая община, являвшая дух и смысл Церкви. В центре этой общины была Чаша Христова, регулярное причащение которой, по призыву о. Тавриона, происходило не ради личного благочестия, а ради вливания в жизнь человечества обновляющих духовных сил;

2) архим. Таврион возродил живую проповедь в условиях ее запрета. Он научал людей служить Богу и ближнему — в пастырском служении, благотворительности, молитве, несении иноческих обетов и др., т. е. ощущать свою ответственность за Церковь;

3) архим. Таврион всегда деятельно противостоял расколу в церкви, лжи богоборческой власти;

4) как пастырь о. Таврион способствовал возрождению достоинства людей в духе любви ко Христу. Это достигалось через их реальное покаяние и выход на служение.

Еще при жизни архим. Таврион (Батозский) почитался многими православными людьми как угодник Божий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Таврион (Батозский), архим.* Из проповедей в Спасо-Преображенской пустыни // Православная община. 1997. № 42.
2. *Таврион (Батозский), архим.* Письма к детям из уз // Православная община. № 25 (1995).
3. См. напр.: Копировский А. М. Последний из «могикан». Воспоминания об архимандрите Таврионе (Батозском) // Кифа. 2004. № 9 (24).

*О. В. Иванова
(Бакалавр богословия,
Свято-Филаретовский
православно-христианский институт;
ox0517@gmail.com)*

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ВРЕМЕН БОЛЬШОГО ТЕРРОРА ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ИЗ АРХИВОВ УРАЛА

В докладе анализируется на примере нескольких текстов, обнаруженных в архивно-следственных делах 1937–38 гг., как соединились обстоятельства времени и основные смыслы православных молитв в текстах, созданных в самый, казалось бы, мрачный для страны и Церкви период.

Молитва о спасении церкви Православной, а по сути, молитва о врагах, которая была изъята при обыске у священника Николая Павловича Сильвинского (расстрелянного по постановлению тройки УНКВД по Челябинской области от 11 августа 1937 г.), новонаписанная и содержит непривичный для константиновской эпохи мотив сохранения и спасения Церкви Православной и страны, Отечества.

Несколько иначе тема молитвы за врагов продолжается в акафисте «По умершим», написанном (или переписанном) за две недели до ареста священником Анатолием Стахиевым. В текст акафиста, содержащего все традиционные темы православных заупокойных богослужений добавлены молитвы о врагах, гонителях, хулителях, клеветниках, тех, кто к церкви никогда не принадлежал, или явным образом ушел из нее во времена гонений.

В качестве примера другой категории текстов, передающих чувства прошедших горнила лагерей, переживших горечь преследований и нашедших в этом опыте новые христианские смыслы, можно привести молитву, составленную иеросхимонахом Константином (Шипуновым). Традиционный

христианский мотив «Слава Богу за все» красноречиво соединен с некоторой детализацией, которая очень живо отражает пережитое многими верными христианами в XX веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГААОСО. Ф1. Оп. Р-1. Д. 19062. Л. 83. Конверт. Рукопись на 7 л.
2. Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянского языков. Т. 6. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2009.
3. Требник. М.: Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева, 2013.
4. Триодъ постная. М.: Издание Московской патриархии, 1992.

А. Л. Мамонтов
(andrey-2006@mail.ru)

МОЛОДЁЖЬ И МУЧЕНИЧЕСТВО В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ II–III ВЕКОВ

Духовная жизнь молодых людей привлекала к себе внимание в разные эпохи, в том числе и в наше время. Религии — большие и малые, древние и новые — часто находили опору именно среди юношества. Это наблюдалось и в раннем христианстве. Активность молодёжи здесь нередко соприкасалась с таким важным для христианской истории явлением, как мученичество. В данном докладе мы рассмотрим два аспекта взаимоотношений молодёжи и мученичества.

Первый аспект: юноша как зритель. Действительно, молодой человек мог быть пассивным участником события, или являясь христианином, или нет. В последнем случае мученичество для него скорее всего было обычным кровавым зрелищем и никак не влияло на его образ мыслей; первый случай интереснее. Юноша после созерцания чужого подвига, после обсуждения этого события в церкви должен был укрепиться в вере, а возможно загореться желанием тоже стать свидетелем Христовым.

Второй аспект: юноша как мученик. К мученичеству молодого человека толкал комплекс обстоятельств — это и религиозный энтузиазм, и преклонение перед уже состоявшимися мучениками, и стремление прожить подлинную жизнь христианина, пройдя самой страшной, но короткой дорогой; сюда же относится желание повысить свой статус в общине. Человек, на которого смотрели как на маловерного юнца, рядового катехумена мгновенно поднимался на вершину церковной иерархии. А если мученичество не свершится, то он всё равно уже не тот — он исповедник. Оставшись жить, он вместо мученического венца получил долгую любовь единоверцев и моральное право осудить тех, кто оказался слабее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евсевий*. Церковная история / Пер. М. Е. Сергеенко, комм. С. Л. Кравца. М., 1993.
2. *Нок А. Д.* Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. с англ. и науч. ред. А. Д. Пантелеева. — СПб, 2011.
3. *Лебедев А. П.* Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб, 2003.

**«НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ»...:
СТРАНЫ И ЛИДЕРЫ
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИЯХ**

*Е. С. Протанская
(Доктор философских наук, профессор;
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств;
proels2007@yandex.ru)*

В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПОБЕДИЛИ ОБРАЗОВАННЫЕ ПАТРИОТЫ

Осмысляя 70-летие Победы, важно не забывать все её факторы — условия, способствовавшие тому, что многонациональная армия СССР, к началу войны потерявшая пятую часть генералитета, победила захватчика, представлявшего, казалось, другой, более высокий уровень цивилизации. Важным условием было образование. Принятый в 1919 г. декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», обязывавший все население от 8 до 50 лет обучаться на родном или русском языке, привел к высоким темпам развития образования по всей стране. Условием овладения письменным вариантом родного языка для многих народов было знание государственного — русского языка, который к началу войны уже был языком межнационального общения, им владели все госслужащие.

Отметим, что инерция развития образования была связана с предшествующими достижениями «серебряного века» русской культуры, с тем, что «учителями учителей» были еще учившиеся в «царское время» выпускники гимназий, подписывавшие «Присяжный лист» на верность царю и Отечеству, хранивший в Синоде. Результаты были таковы, что, если в среднем по СССР в 1926 г. грамотных всего на 1000 человек было 112, то в 1939 году — на 1000 человек таковых уже 896, из них 6,4 — с высшим и 77,8 — с полным средним образованием

Содержание образования в соответствии с коммунистической идеологией пропагандировало деятельность Александра Невского, Дмитрия Донского, К. Минина, А. М. Пожарского, А. В. Суворова, М. И. Кутузова.

В 1937 г. страна торжественно отметила 125-летие Бородинской битвы и 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. В программы школ вошли «Война и мир» Л. Толстого», «Бородино» М. Лермонтова и др.

Поэтому призывниками и добровольцами в армии, сражавшейся с фашизмом, были в основном грамотные люди, говорившие на одном языке, читавшие общие «прецедентные тексты» о верности Родине, уважавшие меткость охотников — ненцев, якутов, бурят, умение строить землянки чувашей, умение разбираться в видах оружия туляков, знатоков наук москвичей и петербуржцев и пр.

С. М. Капилупи

*(Кандидат философских наук, доцент,
Римский университет «Ла Сапьянца»,
Русская христианская гуманитарная академия;
s_capilupi@yahoo.ru)*

Д. Ланца

*(Магистр исторических наук, преподаватель,
Туринский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия;
dnl.lanza@gmail.com)*

ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГЕНЕЗИСЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ДЕБАТЫ ПРО 1943–48 ГОДЫ И ИХ НАСЛЕДИЕ

Фундаментальную проблему исторической памяти представляют собой история Соппротивления в Италии в 1943–45 годы и история первого формирования нового итальянского государства в 1946–48 годы. Через одно поколение после конца Холодной войны, несмотря на изначальный процесс оттепели политики, позволявший историографии сделать существенный сдвиг после десятилетий неподвижности, данный вопрос остается одним из самых важных и нерешенных узлов итальянской современной идентичности. Есть две даты, которые определяют вихревой процесс институциональной трансформации, изменяющей страну: 8 сентября 1943 г., дата итальянского перемирия с союзниками, и 18 апреля 1948 года, дата первых свободных выборов с появления фашизма в начале 20-х годов. Анализ политической конфронтации, которая характеризует годы, непосредственно предшествующие и последующие окончанию мирового конфликта, помогает нам понять душу Первой итальянской республики. Одна вещь характеризует более, чем любая другая этот

период: новый конфликт. Не только между антифашистской коалицией и нацистскими союзниками северной Республики Сало; но и внутренний конфликт между различными душами итальянского Сопротивления: коммунисты, социалисты, либералы, католики и даже так называемые «синие» силы, то есть сторонники генерала маршала Пьетро Бадольио, придерживающиеся преемственности с институциональной монархической власти, выгоняющей фашистов после 8 сентября 1943 года. Данная проблема приобретает общее историческое, международное и философское значение в понимании всего XX века, начиная с весьма спорным наследием Первой мировой войны.

А. Н. Муравьёв
(Кандидат философских наук,
доцент Института философии
Санкт-Петербургского государственного университета;
muravyovan@yandex.ru)

К ФИЛОСОФСКИ-ПРАВОВОМУ ПОНЯТИЮ СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ

Семидесятилетие нашей Победы в Великой Отечественной войне даёт хороший повод обратить внимание на противоречие между представлением о вечном мире И. Канта и определением истинной войны как войны завоевательной, которое выдвинул И. Г. Фихте в «Основных чертах современной эпохи». Это необходимо сделать ради того, чтобы понять, как было разрешено указанное противоречие в историческом развитии философии и в дальнейшем ходе мировой истории.

Гегель в своей «Философии права» указывает, что «кантовское» представление о вечном мире, поддерживаемом союзом государств, который способен уладить любые споры, устранить в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти всякие недоразумения и тем самым сделать невозможным решение их посредством войны, предполагает согласие государств, которое исходило бы <...> всегда из особенной суверенной воли и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности». В связи с этим Гегель преодолевает и фихтевскую абсолютизацию противоположности между разумом и неразумием, побудившим Фихте определить как истинную завоевательную войну, если она служит средством насаждения завоевателями в завоеванном государстве более высокой ступени культуры. Нравственный момент войны Гегель признаёт только потому, что война позволяет сохранить независимость и суверенитет государства как субстанциональной индивидуальности духа одного всемирно-исторического народа.

Это позволяет нам сегодня понять всемирно-историческое значение двух Отечественных войн — 1812 и 1941–1945 гг. — и квалифицировать их как *войны оборонительные и потому священные*, т. е. отрицательным способом обеспечивающие решение русским народом и другими народами, населяющими Россию, практической задачи их подъёма на высшую ступень мировой культуры — ступень философского образования их духа, теоретические предпосылки решения которой были созданы классической немецкой философией.

В. В. Макаров

*(Кандидат философских наук, доцент,
Академический университет РАН;
vlamakarov2006@gmail.com)*

ЗЕРНА ТРАДИЦИИ И СИМВОЛИКА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

У каждой серьезной Традиции — Мира, живущего веками и тысячелетиями, в том числе и у славянской, есть культурно-исторические коды своего жития-бытия. Ключи от них — царство смылосозидающих образов, знаков и символов, запечатленных нашими сказителями, писателями и поэтами. Из этого океана народного опыта, волшебной мудрости и черпает силу и мужество русский человек в час великих испытаний и экзистенциального выбора.

На полях и в сражениях мировой войны XX века русский воин столкнулся с противником, ставшим ударной силой чужеродной традиции, вознамерившейся вершить судьбы мира по своим лекалам и правилам. Свет против тьмы, жизнь против смерти, восток против запада, звезда против креста, красное против черного, мужество против фанатизма, хлеб против колбасы — далеко неполный перечень основных противопоставлений, выражающих полярность основных элементов социальных и духовных систем, сошедшихся в роковой схватке прошлого столетия.

Вся природа Великой русской равнины вместе с ее коренным населением ополчилась на врага: огромностью своих просторов, холодами — морозами, лесами — засадами, реками — рубежами, градами — крепостями. Массовый героизм в рядах Красной армии (от солдата до маршала) — продолжение в цепи преемственности героики старших поколений былых эпох, пример удивительной помощи предков, приумножения их опыта и славы.

«Кудесники» художественных образов военной поры, напомнили русским людям, что они прежде всего «братья» и «сестры» в единой «семье

народов», где есть старшие, но нет лишних, призванные «Родиной — матерью», а не «мачехой — идеологией», способные возжечь в себе «ярость благородную», ведая, что за Москвой и Волгой земли для вражеского сапога больше нет. Только с «царем в голове» и с «царем во главе», вспомнив силу уз настоящего товарищества, делая все на фронте и для фронта, приближали они как могли Великую победу, увенчанную как это бывало уже не раз поверженными вражескими знаменами и парадом с ведущими маршалами на белых конях.

Р. Н. Дёмин
(Старший преподаватель,
Русская христианская гуманитарная академия)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ НА СТРАНИЦАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Выступление посвящено анализу материалов по истории русской философской мысли, размещенных на страницах отечественных журналов в период Великой отечественной войны.

Для анализа привлечены, прежде всего, такие журналы, как «Под знаменем марксизма», «Большевик», «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», а также некоторые выходившие ранее журналы. В частности, «Фронт науки и техники», «Вестник Социалистической академии» (позднее переименованный в «Вестник Коммунистической Академии»), «Труды МИФЛИ» и т. п.

Публикации в этих журналах представляют собой важные источники по истории изучения русской философии в советской историко-философской науке того времени. Демонстрируется значение данного материала для философского осмысления, для изучения философских дискуссий в СССР как в предшествующий, так и в последующий периоды. Привлекаемые материалы свидетельствуют о постепенном осознании среди исследователей того времени самостоятельности и оригинальности русских мыслителей. Показывается, что осознание самостоятельного и оригинального характера русской философии вело к отказу от прежних решений вопроса о взаимосвязи русской и мировой (прежде всего, западноевропейской) философии. В выступлении также анализируется процесс формирования сложившейся в годы войны концепции «русской классической философии». Рассматриваются предложенные в это время классификации течений и направлений русской философии. Выявляется

ряд новых по сравнению с прошедшим периодом моментов в советской историографии русской философии. Прослеживается процесс формирования советской историографии русской философии в качестве самостоятельной отрасли историко-философского знания.

Подчеркивается значение опубликованных в периодической печати материалов для пробуждения самосознания русского народа в годы войны, их роль в формировании чувства национальной гордости.

А. А. Ермичев
(Доктор философских наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия;
7723516@gmail.com)

О ПАТРИОТИЗМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В 1941–1945 ГОДАХ

Русская философия — иная, чем классическая европейская по отсутствию в ней принципа, который в своем развитии дает систему. Как явление национальной культуры русская философия родилась в первой половине XIX в. Условия ее существования были крайне своеобразны. Среди них главными были соседство с развитой европейской философией и мощное освободительное движение. Оно было объективно существовавшим стремлением к мелиорации, переустройству русской жизни. В качестве такового оно оказывало воздействие на все русское общественное сознание. Если это так, то следует признать параллелизм в постановке и решении проблем у противоборствующих направлений русской мысли.

В XIX веке русская мысль прошла по двум ступеням. Первая ступень — от высокой философичности тридцатых-сороковых годов до сциентизма шестидесятых. Центральной ее идеей стало одействование истины. В русском сознании начинается разделение на две ценностные установки, формулы которых были предложены в сборнике 1908 г. «Вехи».

Вторая ступень — от шестидесятых годов до начала девяностых. Радикалы шестидесятых противопоставили государственно-церковному взгляду на человека идею свободной личности, руководимой только собственной природой.

Русское сознание начинает разрабатывать две параллельные идеи — социалистического преобразования России и христианского преображения мира. Для этого времени основной становится идея мира как творчества. У народников и у религиозных мыслителей мир целестремительно изменчив.

Критически мыслящая личность или богочеловечество — вот кто является субъектом динамического мира. Субъект-объектная парадигма прежней философии стала разрушаться. Вместо мира объектов перед мыслителем представал мир культуры.

С 90-х годов начинается культурный ренессанс. Он был показателем зрелости русской мысли, которая — в чем-то даже опережая европейскую — шагнула в философское пространство XX века.

О. В. Самылов

(Доктор философских наук, доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I)

К АНАЛИЗУ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОРИИ

В канун семидесятилетия Великой Отечественной войны особенно заметны попытки перелицевать историю, фальсифицировать историческое прошлое, назначить новых героев. Конечная и недекларируемая цель этих попыток — перекраивание архитектоники послевоенного мира, передел его материальных богатств.

Вместе с тем необходимо отграничить фальсификации истории злобно-намеренные, политически ангажированные, от репрезентаций, которые объективно возникают в процессе научного познания и которые можно, пользуясь термином И. Локатоса условно также назвать «фальсификациями». В данном случае нас интересуют именно эти последние как возникающие в ситуации честного и беспристрастного исследования.

Еще неокантианцы пытались примирить философию истории с исторической наукой, универсально-логическое и исторически конкретное. Дильтею, кажется, это удалось наилучшим образом, когда он посредством фиксации «универсальной жизненной взаимосвязи» сделал свой известный методологический шаг к «историческому человеку», установив теснейшую связь картин истории с миром познающего субъекта, иррационализовав тем самым исторический процесс. Но, если даже мы и предпочтем оставаться на рационалистической позиции, то и здесь несовпадение процесса истории и ее рационализации (картин истории) ощущается как постоянное присутствие того, что называют «сопротивлением истории» (*Eigensinn der Geschichte*). Эта познавательная ситуация описана И. Локатосом, К. Поппером и их последователями как постоянно воспроизводимые опровержения научных теорий путем ретрансляции ложных посылок «снизу вверх» от одного контрпримера к другому. Социолог Б. Латур заострил эту проблему констатацией, что «вещи дают сдачи», разведя по разные стороны ученых и действительность.

А. П. Козлов

*(Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет)*

ПРОБЛЕМА НЕУДАЧ КРАСНОЙ АРМИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Объяснение причин неудач Советского Союза в начальный период Великой Отечественной войны всегда занимало важное место в нашей историографии и имело идеологическое, и даже политическое значение.

Чаще всего причины поражений сводились в основном к «внешним» факторам: «вероломное» нападение; военно-техническое превосходство Германии; отсутствие второго фронта и т. д.

После осуждения на XX съезде КПСС «культа личности Сталина» в официальную версию причин военных неудач Красной Армии были добавлены «внутренние» факторы: демонтаж оборонительных укреплений на старой советско-польской границе; недоверие к предупреждениям о сроках нападения противника; репрессии против командных кадров Красной Армии в 30-е годы и др.

В постсоветский период, когда существенно были пересмотрены вопросы отечественной истории, исследователи мало продвинулись по пути решения традиционных научных проблем истории войны и в основном остались в рамках парадигмы шестидесятых годов.

Анализ доступных материалов и литературы по истории Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что не работает ни один из перечисленных «внутренних» факторов причин поражения СССР в начале войны.

Вторая мировая война представляла собой противостояние двух типов экономик и моделей социального устройства. Мобилизационный потенциал СССР оказался гораздо выше. Военная промышленность была эвакуирована на восток, где была создана мощная военно-промышленная база, территория СССР не развалилась на отдельные национальные районы, а на оккупированной территории фашисты не смогли найти значительной социальной опоры своему режиму.

П. Н. Базанов
(Доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств;
bazanovpn@list.ru)

ПАРТИЯ МЛАДОРОССОВ В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ

Самое крупное и популярное молодежное движение в Русском Зарубежье — «Союз Молодой России» (с 1934 г. «Младоросская партия») первоначально было монархическим. Положительное, порой даже подражательное отношение к итальянскому фашизму, всегда сочеталось у младороссов с отрицательным отношением к германскому национал-социализму. Антинацистские статьи и выступления, интерпретировавшие фашизм как «сатанинский», привели к запрещению расистской деятельности младороссской организации в Германии. Младороссы упрямо доказывали, что А. Гитлер не собирается освобождать Россию от коммунизма, а ему нужно жизненное пространство для немцев и строй, который нацисты готовят для нашей Родины, настолько ужасен, что даже сталинский режим покажется раем.

С началом Второй мировой войны младороссы защищали Францию на фронте, а затем активно участвовали в Сопротивлении. Символичным является и то, что в июне 1941 г. после нападения нацистской Германии на СССР князь С. С. Оболенский, ведомый переполнявшими его патриотическими чувствами, находясь на территории пэтеновской Франции в городе Виши, обратился в еще не закрытое советское консульство с наивной просьбой стать добровольцем РККА, что, конечно, не могло быть осуществлено. В историю Сопротивления вошли не только хорошо разрекламированные еще в советское время группы матери Марии, Б. Вильде — А. Дикого, но и сотни младороссов. Наиболее известны

подпольные группы младороссов: Дурданская А. А. Угримова-младшего, Пиренейская К. С. Елиты-Вильчковского — С. С. Оболенского, Парижская Василия Ф. Шашелева, Лионская К. К. Иванова-Тринадцатого, Савойская Павла Зисермана, Провансальская Третьякова. Особо хотелось бы подчеркнуть успехи пиренейской группы К. С. Елиты-Вильчковского — С. С. Оболенского — настоящий партизанский отряд, доставивший немцам оккупантам множество неприятностей.

Д. Ланца

*(Магистр исторических наук, преподаватель,
Туринский государственный университет,
Русская христианская гуманитарная академия;
dnl.lanza@gmail.com)*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА,
РУССКИЙ ФРОНТ:
24 АВГУСТА 1942 ГОДА.
ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА
ИТАЛЬЯНСКОЙ КАВАЛЕРИИ

Так называемая «Параллельная» война, построенная Бенито Муссолини в первый год войны, оказывается катастрофической и ухудшает общую стратегию, заставляя немецкую армию вмешаться на нескольких фронтах. Логическим результатом является неизбежное подчинение Италии военному управлению Гитлера. Муссолини, однако, по-прежнему уверенный в положительном конечном результате конфликта, хоть не будучи в состоянии провести свою «параллельную войну», стремится поддерживать итальянскими вооруженными силами любую немецкую инициативу. В этом контексте определяется решение направить целый армейский корпус в СССР летом 1941 года. Внезапное вторжение в России Вермахта делается даже без уведомления Муссолини. Последний, однако, в августе 1941 года уже решает содействовать военным усилиям немцев на советском фронте. Фашистская пресса не сообщала новостей об итальянских солдатах в России, потому что они были де-факто под немецким командованием, как простой стратегический вклад. Дальше они столкнулись также с равнодушием послевоенного времени и новой политической обстановки, которая не могла даровать им никаких наград и утешений, кроме иногда жалости, что можно выразить пострадавшим от фашистской системы. Несмотря на все это, есть эпизоды русской кампании, в которых

все-таки отличались итальянские военные. Одним из них является атака «Исбушенский», в которой участвовали 3-й кавалерийский савойский полк, имеющий многовековые традиции, а летом 1942 года ставший известным из-за своего необычного успеха: в военном мире, уже механизированном и доминированном все более и более точными и мощными технологиями, третий полк завершает последнее заметное нападение кавалерии в современной военной истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lucio Lami, *Isbuscensij, l'ultima carica*, Mursia, Milano, 1970.
2. Arrigo Petacco, *L'Armata scomparsa*, Milano, Mondadori, 2013.

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПЕДАГОГИКА

Ф. Н. Козырев
(Доктор педагогических наук, профессор
Русская христианская
гуманитарная академия)

ИЗМЕРЕНИЕ «НРАВСТВЕННОГО ВОЗРАСТА» В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматривается перспективность введения в практику психолого-педагогической диагностики количественной характеристики, отражающей степень зрелости нравственного суждения личности. По аналогии с представлением об «умственном возрасте» (А. Бине), лежащим в основании измерений IQ, представление о «нравственном возрасте» может обеспечить повышение качества мониторинга нравственного развития личности в образовательном процессе. Теоретическим основанием такой уверенности выступают результаты проведенных специалистами РХГА и СПбАППО массовых тестирований петербургских школьников с помощью диагностического комплекса оценки нравственной избирательности и когерентности суждений (ОНИКС) — отечественной модификации зарубежных аналогов MJT и DIT. Комплекс представляет собой продукт дальнейшего усовершенствования метода дилемм Л. Кольберга. Результат теста отражает восприимчивость испытуемого к нравственной проблематике и способность применять систему личных нравственных представлений к конкретной проблемной ситуации. В ходе исследований обнаружено закономерное повышение указанной компетенции респондента с возрастом, что позволяет устанавливать измерительную возрастную шкалу. Сочетание интегрального и дифференциальных показателей, применяемых в тесте, позволяет детализировать особенности нравственного суждения респондента и решать таким образом ряд дополнительных диагностических задач.

С. А. Черняева
(Кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования)

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РИСКА И КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

В докладе предлагается анализ типа взаимодействия и значения религиозности для психологического консультирования. Религиозность определяется как комплекс психологических характеристик личности, определяющих осознанное или не вполне осознанное отношение с тем, что сам человек считает сверхъестественным и священным.

Типы:

1. Кризис или возникшая у клиента проблема не связана с его религиозностью и ценностно-смысловой сферой личности.
2. Ситуация неглубокой религиозности, когда проблема, связана с нравственным выбором, определяет значимые для него бытийные отношения, но не осмысливается как религиозная.
3. Ситуация клиента осмысливается как проблема, связанная с его религиозностью, психолог не разделяет взгляды клиента.
4. Ситуация клиента осмысливается как проблема, связанная с его религиозностью, психолог разделяет религиозные взгляды клиента.

Первый тип ситуации не является особо специфичным для психолога. Второй тип — неглубокой религиозности клиента, если клиент, тем не менее, демонстрирует свою религиозность может быть определен с помощью вопросов о значимости религиозности для самого клиента. По данным нашего исследования, только восприятие собственной религиозности как ценности определяет аутентичность развития религиозности, в частности, соответствие нравственных представлений личности и вероучения. Третий тип ситуации требует от психолога

понимания того, каким образом религиозность представлена в психических структурах религиозной личности. Психолог должен помочь клиенту увидеть, способствует ли его религиозность развитию личности, увеличивает ли его психологическую свободу, является ли источником ценностей и смыслов или защитным механизмом. Психолог не должен ставить задачу разрушения мировоззрения клиента, но задачу восстановления его аутентичности.

*Е. Г. Андреева
(Педагог-психолог
ГБОУ ЦППРК Адмиралтейского района
Санкт-Петербурга;
elenagenand@gmail.com)*

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОДАРЕННОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ У СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ

Существуют разные виды одаренности: интеллектуальная, психомоторная, художественная. Существует еще и одаренность духовно-нравственная. В этом нас убеждают исследования проф. Н. Ф. Козырева. Используя методику ОНИКС для определения способности к нравственному суждению у школьников, он доказал наличие феномена духовно-нравственной одаренности.

Одаренные в духовно-нравственной сфере люди были всегда. На протяжении веков появлялись дети, от рождения отличающиеся высоким уровнем духовно-нравственных суждений. Традиционно такие дети избирали для себя духовный путь и становились священниками, монахами, религиозными деятелями, подвижниками. Почти все жития святых рассказывают о том, что ребенок, ставший в последствии святым, с детства отличался кротостью, чистотой помыслов, глубиной суждений и крепкими духовно-нравственными позициями.

Сейчас, когда религиозное сознание молодых людей только начало возрождаться после долгих лет анафемы, духовно-нравственно одаренные молодые люди могут найти реализацию своего потенциала (в том числе и) в добровольческом движении. Фокус заключается в том, что добровольческое движение (как один из возможных вариантов) позволяет не только реализовать свой потенциал носителям духовно-нравственных ценностей, но и напрямую от сверстников, без фильтра критичности, воспринять эти ценности субъектами.

Что же это за духовно-нравственные ценности, которыми обладают одаренные молодые люди сегодня и которыми они готовы делиться со сверстниками? Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так сформулировал ценностные приоритеты современной России: «Вера, державность, справедливость, солидарность, достоинство, мир, единство, нравственность, честность, патриотизм, милосердие, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность, свобода».

В. В. Маслов
(Студент,
Русская христианская гуманитарная академия;
ivladimirm@mail.ru)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Философия образования — это исследовательская область философии, анализирующая основания педагогической деятельности и образования, его цели и идеалы, методологию педагогического знания, методы проектирования и создания новых образовательных социальных институтов и систем.

Образование есть особое универсальное условие воспроизводства и развития культуры, своеобразный способ становления человека, синтез воспитания и просвещения, интеллектуального, культурного и духовного оформления человеческого «Я», формирования (добавит верующий человек) в душе человека образа Бога.

Воспитание учащихся в системе общего образования в России претерпело кардинальные изменения с начала 90-х годов XX века в связи с разрушением СССР. Кризисный переходный период сопровождался освоением новых форм социальных и экономических отношений и в целом снижением внимания общества и государства к воспитанию в системе общего образования.

В настоящее время формируются социальные условия, ориентирующие на перспективу утверждения России как современного развитого государства, самостоятельного субъекта в мировом сообществе, самодостаточного цивилизационного и культурного центра. В общественном воспитании, в том числе воспитании в ходе образовательного процесса, это сопровождается повышением значимости традиционных в российском обществе семейных, национальных, религиозных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валицкая А. П. Образование в России: стратегия модернизации. Аналитический доклад // Вестник Северо-Западного отделения Российской академии образования. 2011. № 1 (11).
2. Гусинский Э. Н., Турчанинова Ю. И. Введение в философию образования. — М.: Издательская корпорация «Логос», 2000.
3. Косенко Т. С., Наливайко Н. В. Философия воспитания: социально-философское введение в проблему: учебное пособие. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2012.

Д. В. Петров
(Студент,
Санкт-Петербургской православной
духовной академии;
petrov2@yandex.ru)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭМОЦИОНАЛИЗМ В ТРУДАХ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Педагогический эмоционализм — подход в педагогике, глубоко раскрытый В. В. Зеньковским. Данный подход получает свое обоснование на основании признания центральности и первичности эмоциональной сферы в соотношении душевных сил целостной личности. Рассматривая детство как эмоциональный период в жизни человека, подход получает свое особое значение в нескольких аспектах.

В детстве, по мнению Зеньковского, развитие интеллекта и воли есть частная задача. Основная задача состоит в развитии творческих сил. Интеллект и воля, имея лишь инструментальное значение, оформляют работу эстетических, моральных, религиозных, индивидуальных, социальных и других чувств. Являясь средством уяснения чувств, интеллект и воля одушевляются творческой энергией, идущей из эмоциональной сферы: «Творческие недра души, творческие ее силы связаны именно с эмоциональной сферой, откуда и излучается творческая энергия, согревающая и одушевляющая работу ума и нашу активность».

Особое значение данный подход имеет в охране индивидуальных и социальных чувств. Экспансивность и преимущественная иррациональность детства требуют социально-психического простора для естественного выражения чувств. Выражая свои чувства, с одной стороны, ребенок интуитивно находит заданные формы выражения личности, с другой — усваивает социально-психический мир и приобретает эмоциональную отзывчивость. И, наоборот, непосредственное подавление чувств приводит

к ущемлению эмоциональной сферы, к бесформенности и недоразвитию личности.

В воспитании моральной и религиозной сферы этот подход акцентирует свое внимание на силе эмоционального вдохновения. Зеньковский считает, что невозможно лишь средствами интеллекта повлиять на моральное и религиозное одушевление. Сила влияния заключена в духовно-эмоциональном консонансе, в глубоком подъеме того, кто говорит слова.

**БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ.
ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ НАУКИ**

П. Б. Михайлов

(Кандидат философских наук,
зав. кафедрой систематического богословия
и патрологии Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета;
locuspetri@rambler.ru)

ФИЛОСОФСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ТЕОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В докладе предполагается познакомить аудиторию с начинанием по методологическому обеспечению основных теологических наук, инициированному в ряде последних публикаций «Вестника Православного свято-Тихоновского гуманитарного университета», способствующих систематизации «энциклопедии теологических наук» и уточнению ее составляющих. Прецеденты систематизации восходят к эпохе «исторического поворота» в немецком протестантизме начала XIX века и разработкам Ф. Шлейермахера, в частности. Уже в то время были выделены основные рубрики теологического знания — философская теология, историческая теология и практическая теология, а также содержащиеся в них специальные теологические дисциплины: апологетика и полемика, история теологии и история церкви, систематика и библеистика, гомилетика и катехетика, литургика и душепопечение. Одна из главных задач выступления — показать, что все разнообразные теологические дисциплины могут плодотворно развиваться лишь в тесном взаимодействии друг с другом при взаимном соблюдении существующих частных компетенций. В случае же выдвигания того или иного теологического дискурса на доминирующую роль неизбежными оказываются как конфликты внутри общего теологического знания, так и неразрешимые затруднения в ходе применения самого этого дискурса. Особое внимание будет уделено одной

из обобщающих рубрик — исторической теологии: будет предпринята попытка ее содержательного определения, предложены варианты внутреннего дисциплинарного наполнения, дан обзор истории (XVI–XXI вв.), сформулированы основные постулаты, принципы и задачи, и, главное, обозначены возможности междисциплинарного взаимодействия с другими теологическими дисциплинами.

*Л. Ю. Костогризова
(Кандидат юридических наук, доцент,
Уральский государственный
юридический университет;
klyu002@yandex.ru)*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО» И «КАНОНИЧЕСКОЕ ПРАВО»

Исследователи конца XIX в. расходились по вопросу соотношения понятий «церковное право и каноническое право».

Н. С. Суворов говорил, что церковное право не совпадает с каноническим правом, под которым в восточной церкви понимается то, что содержится в канонах периода вселенских соборов, а в западной — нормы, содержащиеся в *Corpus juris canonici*. *Jus ecclesiasticum* непосредственно касается церкви, как религиозного союза, независимо от происхождения.

А. С. Павлов утверждал, что название его курса «каноническое право» указывает на каноны древней Вселенской церкви как господствующий и определяющий элемент в церковном праве, а название «церковное право» отличает его от светского права. С этим соглашается и В. М. Цыпин, который в одном случае называет свой предмет «Церковное право», в другом «Каноническое право».

Нам близко мнение еп. Никодима, о том, что если в церкви используются не только каноны, но и нормы, принятые позже, то принципы, регулирующие правоотношения в церкви, правильней называть церковным правом. Т. е. понятия «каноническое право» и «церковное право» следует различать.

В Византии император Юстиниан в 530 г. заявил, что «божественные каноны имеют силу не меньшую, чем законы». В 545 г. он предписал, «чтобы священные церковные каноны, изданные ... Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским [соборами]..., имели

ранг законов». «Василики» в X в. расширили действие этой новеллы до II Никейского собора 787 г.

Понятия «каноническое право» и «церковное право» хотя и взаимосвязаны, но не идентичны. Если государство заявляет о своем светском характере, то вопрос об этом находится исключительно в ведении церкви. Если же какая-то религия провозглашается государственной, то вопрос о соотношении понятий обостряется, т. к. законы государства не должны противоречить канонам, хотя и могут расходиться с устаревшими нормами церковного права.

О.В. Терлецкий

(Диакон, кандидат медицинских наук)

Г.И. Григорьев

*(Священник, доктор медицинских наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия;
docterl@yandex.ru)*

ОБ ИСТИННОЙ БОЛЕЗНИ ЦАРЯ АВГАРЯ, ПОБУДИВШЕЙ, ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА СЫНА БОЖЬЕГО, СОТВОРИТЬ «СВЯТОЙ МАНДИЛИОН»

При изучении сохранившихся церковных восточных преданий и письменных источников стояла задача установить какая болезнь, проказа или псориаз, стала причиной приобретения человечеством «Святого Мандилиона» или первой иконы Христа–Нерукотворного Образа.

В церковном восточном предании повествуется о: «царе Авгаре, который правил в городе Эдессе. Заболев проказой, царь долго и тщетно искал того, кто мог бы его вылечить».

Академик Российской академии художеств, Лидов А. М., пишет: «...то-парх Эдессы по имени Авгарь, страдавший от тяжелых болезней... отправил Спасителю письмо с просьбой прийти и исцелить его».

В сирийских источниках VII–VIII вв. указывается, что царь Авгарь болел подагрой, а в армянском апокрифе подагру называют «болезнью Авгаря».

В вавилонской и ассирийской медицине для обозначения псориаза использовался термин «quliptu» или «garabu», в Древней Греции — «alphos», «lerga» или «psora». Во времена Гиппократы, псориаз был известен под названием «Ierга» и «psora» (по-греч. psora — чесотка, парша).

Евсевий епископ Кесарийский (Памфил) (ок. 263–340), пишет: «Поэтому и царь Авгарь, ...мучимый болезнью, излечить которую было не в силах человеческих...».

Евагрий Схоластик (ок. 536–594), упоминает о Авгаре, но о болезни не сообщает.

В результате исследования мы пришли к выводу, что царь Авгарь проказой не болел, а вероятнее всего был болен псориазом, осложненным псориатическим артритом, что объясняет наличие у него так называемой подагры.

А. С. Волков
(Иерей, аспирант,
Санкт-Петербургская православная
духовная академия;
andreyfarma@mail.ru)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ЭФЕСЕ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АПОСТОЛЬСКИХ МИССИЙ В МАЛОЙ АЗИИ

Эфес — античный мегаполис на западном побережье Малой Азии. Краткий обзор истории города в разные периоды его существования. Вхождение Пергамского царства в состав Римской империи. Аттал III. Образование провинции Асии (Азии). Роль императора Октавиана Августа в установлении мира и безопасности в отдаленных провинциях Римской империи.

История археологических раскопок в Эфесе. Первые апостольские миссии в Эфесе и распространение христианства в Малоазийском регионе. Св. ап. Павел и его миссионерские путешествия. Ефес — как центр проповеди св. ап. Павла в Малой Азии. Вызовы и угрозы для проповеди Евангелия со стороны язычества, с которыми столкнулся св. апостол. Обзор археологических объектов Эфеса, связанных с проповедью св. ап. Павла. Значение археологических данных для исагогика и экзегетики Священного Писания Нового Завета.

Продолжение миссии св. ап. Иоанном Богословом в эфесском регионе. Основные объекты и артефакты, связанные с миссионерской деятельностью св. апостола. Краткий обзор артефактов зала культа императора и зала Артемиды музея Эфеса города Сельчук.

Продолжение миссии первых апостолов в Малой Азии. Основные выводы по предложенной проблематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моммзен Т. История Рима. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. Том V. СПб.: «Наука», «Ювента», 1999. 560 с., карт. прил.
2. Ранович А. Восточные провинции Римской империи. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 264 с.
3. Урбанович Г., прот. Семь Церквей Апокалипсиса. Церковно-археологический очерк. Смоленск, 2011. 262 с., илл.
4. Buyukkolanci M. The Life and the Monument of St. John. Turkey, 2000. 107 p.
5. Fant C. E., Reddish M. G. A Guide to Biblical Sites in Greece and Turkey. Oxford, 2003. 395 p.

А. В. Якименко
(Аспирант, Санкт-Петербургская
православная духовная академия;
yakimen81@mail.ru)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРИ ПОСТРОЕНИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ, КАК АКТ ПО ДЕ-ЭЛЛИНИЗАЦИИ ХРИСТИАНСТВА

Либеральная теология в лице церковного историка Адольфа фон Гарнака в XIX веке обвинила догматическую деятельность Церкви в эллинизации христианства, в сращивании рассудочных средств, при помощи которых понимали и усваивали Евангелие, с самим его содержанием. По сути, либеральная теология в лице А. Гарнака выразила в систематической и законченной форме обывательское воззрение на церковную догматику, сравнив её даже с гностическим движением первого века, в котором христианство «превращается в таинственную теософию», не понятную для непосвященных. Такой взгляд широко распространён сегодня и в православной среде.

В настоящем докладе рассматриваются основные предпосылки формирования категориального аппарата христианского богословия, который был сформирован при активном использовании античного философского наследия, и раскрываются заблуждения подобного рода рассуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. М., 1989, — № 3.
2. Лурье В. М. История Византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.
3. Саврей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. М., 2006.
4. Шёнборн К. Бог послал Сына Своего. Христология. М., 2003.

А. А. Андреев
(Магистр экономических наук,
Санкт-Петербургская Православная духовная академия,
Пастырская школа Чикагской епархии РПЦЗ;
aleksandr.andreev@gmail.com)

АНГЛИЙСКАЯ РЕДАКЦИЯ ТИПИКОНА И РЕКОМЕНДАЦИИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА 1917–18 гг.

Действующий в Русской Православной Церкви устав является сложным произведением компилятивного характера и не пересматривался с 1695 г.. Получившийся в результате справки в XVII в. славянский текст труден для понимания и содержит противоречия, а реальная богослужебная практика далеко ушла от тех норм, которые им описаны. Проблемы упорядочения устава поднимались на Поместном соборе 1917–18 гг., где им было посвящено несколько заседаний одного из отделов Собора. Хотя вопрос так и не был вынесен на соборное обсуждение, однако отделом были выработаны некоторые рекомендации.

Нами предпринят перевод Типикона на английский язык для православных общин в США и других англоязычных странах. В данной статье мы описываем, как, и в каком объеме, можно учесть рекомендации членов Собора по упорядочению текста Типикона. Прodelанная работа будет интересна и для русскоязычных исследователей Типикона, и как материал для возможной будущей справки самого славянского текста устава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мансветов И. Д. Церковный устав (типик): его образование и судьба в греческой и русской церкви. — 1885 — М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Ренана.
2. Кравецкий А. Г. Проблемы Типикона на Поместном Соборе // Российский Православный Университет им. ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. — 1995 — Выпуск 1.

И. В. Головина
(Магистрант,
Русская христианская гуманитарная академия;
shaldon2010@gmail.com)

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ И ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА В ТРУДАХ АРХИМ. КИПРИАНА (КЕРНА)

Среди религиозных философов и богословов «русского Парижа» 30–50-х годов особое место принадлежит архимандриту Киприану (Керну) — патрологу и литургисту, аскету-молитвеннику и замечательному церковному мемуаристу.

Центральными темами в творчестве архим. Киприана являются темы личности, свободы и творчества. Эти вопросы, в основном, затронуты в его трудах: «Антропология св. Григория Паламы» и «Православное пастырское служение».

Понятие личности не было раскрыто в древнем языческом мире, и именно христианство дало наиболее полное раскрытие заложенного в человеке неповторимого начала, отличного от всякого другого человека.

По мнению о. Киприана — «Человеческая личность не есть произведение общества, или природного мира, или даже рода и семьи. Личность есть отпечаток Божественного Лица, творение Божие. Поэтому человек и не зависит в своем происхождении от целого, от рода или мира. Личность — выше общества, первичнее его, важнее его».

Тема свободы в учении о человеке занимает особое место. О. Киприан пишет — «Человеческая свобода, есть свобода духовная. Эта свобода есть неподчинение власти зла, греха, мирских или иных искушений, но это есть также и свобода от абсолютной власти рода и общества над религиозной независимостью человека».

Что касается творчества, то о. Киприан утверждает — «Человек должен творить благо, а вовсе не только воздерживаться от несотворения

зла. Человеку заповедано быть творцом, носящим образ создавшего его Творца».

В заключении отметим, что ни личность архимандрита Киприана, ни его литературные труды не избалованы вниманием исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киприан (Керн) архим.* Антропология св. Григория Паламы. Киев, 2005.
2. *Киприан (Керн) архим.* Православное пастырское служение. СПб., 1996;
3. *Иларион (Алфеев), епископ.* Православное богословие на рубеже эпох. Киев, 2002.

*Р. В. Тулакин
(Магистрант,
Санкт-Петербургская православная духовная академия;
tulakin81@gmail.com)*

ОБЗОР ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ЛАОДИКИЙСКОГО СОБОРА (кон. IV в.)

Канонические правила, принимаемые на соборных заседаниях, являются важнейшими нормами, регламентирующими практически все стороны жизни Православной Церкви. Как пишет архиеп. Петр (Л'Юилье): «Принятые этими Соборами правила составляю сердцевину церковного права на христианском Востоке до настоящего времени. В первом тысячелетии бытия Церкви они составляют существенную часть церковного права на Западе. Они оказали также значительное влияние на канонические своды западного Средневековья».

И безусловно, что помимо догматических, дисциплинарных и иных сфер церковной жизни, каноны регулировали и литургическую жизнь Церкви, так или иначе оказывая влияния на историческое развитие всего восточного обряда в различных его проявлениях: Божественной Литургии, таинств, суточного круга и т. д. И в этом отношении, одним из важнейших соборов, на котором были приняты постановления, относящиеся к православному богослужению, стал поместный Лаодикийский собор, прошедший в к. IV в.

Так, в частности, Три его правила — 19, 45 и 46 свидетельствуют нам об усложнении практики оглашения. Крайне интересным представляется для нас 19 правило, которое регламентирует участие оглашенных в богослужении. Помимо этого, своим, 46 правилом, собор устанавливает определенные дни для оглашенных, в которые им следует обучаться основам веры и давать об этом отчет епископу. Здесь же в 48 правиле, впервые в каноническом корпусе Православной Церкви регламентируется практика совершения таинства Миропомазания. И помимо этого,

собор регламентировал значительное число других, не менее важных, литургических аспектов, канонически «определив» образ совершения многих элементов богослужения, которые мы можем видеть и в настоящем времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правила Поместных соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000, 875 с.
2. *Петр (Л'Юилье) архиеп.* Правила первых четырех Вселенских Соборов. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005, 528 с.

К. В. Кузнецова
(Магистрант,
Русская христианская гуманитарная академия;
inhuzoriya@mail.ru)

ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНЕВНИКОВ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО ДЛЯ РУССКОГО БОГОСЛОВИЯ

Конец XIX — начало XX веков — особый этап в истории России, время расцвета капитализма и материализма, время распада устоев традиционного общества, ориентированного на христианскую систему ценностей, время процветания нигилизма.

Представляется, что личность «всемирного пастыря» святого праведного Иоанна Кронштадтского стала ответом русского православия на вызовы своего времени. Широкий масштаб известности отца Иоанна обусловил значительное влияние его личности на многих современников и всю жизнь русского общества.

Примечательно, что в то время как жизни и практической деятельности отца Иоанна Кронштадтского посвящено множество работ, его богословские воззрения исследованы недостаточно. Это касается прежде всего дневников отца Иоанна, в которых преимущественно выразилось его опытное богословие. Работа митрополита Вениамина Федченкова «Небо на земле. Учение отца Иоанна Кронштадтского о Божественной литургии» является единственной в своем роде исследовательской, составленной современником святого пастыря Кронштадтского на основе его дневниковых записей. Возможно, это связано с тем, что значение отца Иоанна для русского богословия ещё не было вполне осознано. «Сложилась даже привычка видеть в отце Иоанне Кронштадтском только практического пастыря, благотворителя и молитвенника. И редко кто читает его замечательный дневник: «Моя жизнь во Христе», как богословскую книгу,— отмечает протоиерей Георгий

Флоровский, — Конечно, в ней нет богословской системы, но есть богословский опыт и о нём свидетельство». У отца Иоанна открывается путь духовного, евхаристического, опытного богопознания, что есть возвращение к духу святых отцов, а точнее «обновление или возрождение самого святоотеческого духа».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вениамин (Федченков), митрополит. Небо на земле*
2. *Георгий (Флоровский), протоиерей. Пути русского богословия. Часть II На пути к катастрофе (Кризис церковной культуры).*

Л. П. Павлова

(Магистрант, Русская христианская гуманитарная академия;
Mulka_pv2007@mail.ru)

ОБРАЗ БОЖИЙ В ЧЕЛОВЕКЕ. ИСТОКИ АНТРОПОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ В ТРУДАХ ОЛИВЬЕ КЛЕМАНА

На протяжении всего существования мира, человечеству приходится бороться за истинную веру. Французский богослов XX — начала XXI веков Оливье Клеман, на протяжении 30 лет не мог побороть дуализм в своей душе. Он увлекался культурой Индии, и в тоже время с детских лет непрестанно задавался вопросом «почему же после смерти человека ожидает пустота» — как говорили ему родители социалисты.

Ответ на свои многочисленные вопросы француз находит в книге В. Н. Лосского «Мистическое богословие Восточной Церкви», где человек предстает как образ Троицы, в Которая есть подлинное единство, и различие. Крещение Клеман принимает в 30 лет в одном из приходов Французской Православной Церкви Московского Патриархата.

Встреча с тайной человеческого лица стала для богослова предвестником встречи с Христом. Тонкий свет, который исходит от человека, этого «комка плоти» — это Христов свет. Человеческое «я» не может являться прообразом — лицом, если его взгляд направлен только внутрь себя самого.

Бог пробуждает человека как личность, Он зовет каждого из нас. Но Он не посягает на нашу свободу. Бог не может принудить человека к выполнению Его заповедей. Каждая личность содержит в себе печать Божественной идеи. Именно «личное дыхание Бога» соответствует наличию образа Бога в «сотворенном из земли» человеке.

Воплощение Второй Ипостаси Святой Троицы дает нам возможность постичь тайну личности. Человек, по слову Григория Нисского, «микрокосм и микротеос», призвание которого обожение, а залог в Новом Адаме. «Высшая точка обожения — мрак «незнания», в котором человеческая личность преодолевает даже свой собственный ум, чтобы воссоединиться с живым Богом».

С. В. Соловьев
(Магистрант,
Санкт-Петербургская
Православная Духовная Академия;
Solove_90@mail.ru)

«МОИСЕЕВО СЕДАЛИЩЕ» (Мф. 23): МОЖНО ЛИ ПОНЯТЬ БУКВАЛЬНО?

В данной статье рассмотрен вопрос о возможности буквального понимания «Моисеева сидалища» из полемической речи Иисуса Христа (Мф: 23) в свете текстологических и археологических свидетельств.

Анализ употребления сидения в Священном Писании показал, как буквальное так и переносное значения. В Сир. 38:38 имеет значение судебного места в иудейском собрании. Традиция почетных сидений в синагоге, очевидно, имела место уже во времена жизни Иисуса Христа.

Каменные сидения, обнаруженные в древних синагогах Хоразина (III в. от Р.Х) и о. Делос (I в. до Р.Х.) претендуют на звание «Моисеево сидалище». Есть основания полагать, что это сидение для руководителя общины, о чем свидетельствует их положение в синагоге с правой стороны от входа. Планировка хоразинской синагоги отражает древнюю традицию положения места руководителя общины на одной стороне с кивотом для Торы. В ранних синагогах кивот стоял у фасадной стены, а посередине помещения ближе к двери был пульт (Тос. Мег., IV, 21). В конце II или начале III в. священный кивот и почетное место для руководителя сместились в восточную часть синагог напротив входа лицом к молящимся (Тос. Мег., IV). Очевидна взаимосвязь положения старейшины при кивоте в талмудических источниках.

Если принимать эту взаимосвязь, тогда Иисус Христос в синагоге Назарета читал стоя у древней «бимы» лицом к священному кивоту, верующие сидели вдоль стен, а напротив Христа на кафедре сидел старейшина, который, разумеется, был фарисеем. Почетные сиденья могли

быть деревянными, потому и не сохраниться. Археологические данные не отрицают понимание «Моисеева седалища», как образ недостойного начальства книжников и фарисеев, а дополняют, как за образом могло стоять особое сидение, вошедшее в метафору Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Oxford Encyclopedia of Archaeology in the Near East. Oxford University Press, USA. 1996.
2. Талмудъ. Мишна и Тосефта, СПб.: 1906.

Е. А. Мельников
(Магистрант,
Санкт-Петербургская православная духовная академия;
prostofily-10@mail.ru)

ОБЪЯСНЕНИЕ ТОГО, ЧТО АТЕИЗМ ПО СВОЕЙ СТРУКТУРЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕРОЙ. КОММЕНТАРИИ К «ЧАЙНИКУ РАССЕЛА»

Главное положение моего доклада состоит в том, что атеизм является такой формой мировоззрения, которая является верой.

Обратимся к работам Бертрана Рассела. Его мнение относительно многих положений религии и атеизма является знаковым и многие атеисты, даже не знакомые с его текстами мыслят схожим образом. Согласно его мнению вера определяется как уверенность в чём-либо при отсутствии доказательств.

Для того, чтобы показать необходимость верующим доказывать положения своей веры Рассел пишет, что утверждающий существование микроскопического чайника на огромном расстоянии от Земли должен привести аргументы в пользу своего утверждения. В противном случае, тот, кто сомневается в существовании подобного объекта, может не приводить никаких аргументов. Таким образом, налицо факт того, что утверждающий бессмыслицу должен нести бремя доказательств, а сомневающийся может только сомневаться без приведения каких-либо аргументов.

Но, предложенный нашему вниманию эксперименте доказывает верность той посылки, которую он должен был подтвердить. Ведь отрицающий существование крупных исторических фигур, например, несёт полностью бремя доказательства.

Таким образом, можно сделать серию выводов на материале представленном выше:

Во-первых, ясно, что отрицательный тезис необходимо обосновывать не меньше, чем положительный. Поэтому отрицательный тезис не становится верным просто в силу того, что нет аргументов в защиту положительного.

Во-вторых, так как доказательств того, что Бога нет атеисты предложить не могут, то их убеждение в том, что Бога нет является верой в отсутствие Бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рассел Б.* Is There a God?
2. *Рассел Б.* Will Religious Faith Cure Ourclass Troubles?
3. *Чемберлэйн П.* Chamberlain P. Why people don't believe: Confronting seven challenges to Christian faith.— Baker Books, 2011.

Д. О. Рожин
(Магистрант,
Санкт-Петербургской
православной духовной академии;
davidrozhin@gmail.com)

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СТУДИЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ (СТУДИЙСКОГО УСТАВА)

Изучение генезиса студийской литургической традиции показало, что она ведет свои корни к двум более древним уставам: иерусалимскому и константинопольскому. Отсюда богослужебная практика студийского монастыря носит компилятивный характер, его литургическая традиция представляет собой «синтез» уставов. Внесли ли студиты что-то новое в этот синтез или нет, увы, узнать мы не сможем из-за недостатка фактического материала, то есть источников, которые могли бы нам описать богослужебные порядки студийского монастыря, а также храмов и монастырей Иерусалима и Константинополя, начиная с конца VIII века и до XI века включительно. Вместо этого мы имеем большое количество записей монастырских уставов, самые ранние из них относятся к середине XI века, которые либо ссылаются на студийскую практику, либо называют себя студийскими. Наличие таких уставов не разрешает проблему определения характерных черт студийского устава, а только усугубляют ее, так как между ними существуют разногласия, и даже противоречия. Также в литургической науке известны записи, излагающие богослужение студийского монастыря: две редакции «Ипотипосиса» и типикон патриарха Алексия Студита, но и между ними обнаруживается несогласие. В таком случае гипотезы и предположения литургистов, областью исследований которых является история византийского богослужения, могли бы разрешить противоречия между уставами, обозначающими

свою принадлежность к практике Студиона, то есть привести их к общему знаменателю. В итоге мы имеем две основные методологические проблемы: источниковедческая и историографическая. Первая связана, как мы указали, с недостатком фактического материала, что является объективным фактором. Вторая проблема связана с разностью взглядов ученых на студийский устав и его отличительные особенности, соответственно, носит субъективный характер.

И. С. Феденко
(Свято-Петровское братство (Санкт-Петербург);
fedenko24@yandex.ru)

«НЕТРАДИЦИОННОЕ» НАСЛЕДИЕ АРХИЕПИСКОПА МИХАИЛА (МУДЬЮГИНА)

Архиепископа Михаила (Мудьюгина) по праву можно назвать одним из самых ярких и неординарных деятелей Русской Православной Церкви XX века. В годы своего активного служения церкви и обществу, а также после своей кончины в 2000 году он неоднократно подвергался критике за своё активное участие в диалоге конфессий, стремление изменить отдельные, считавшиеся (и до сих пор считающиеся) традиционными элементы богослужения и многое другое.

В частности, следуя примеру митрополита Никодима (Ротова), архиепископ Михаил благословлял чтение Евангелия, Апостола и паремий на русском языке по Синодальному переводу, также заменял некоторые наиболее непонятные выражения в богослужебных текстах. Громко произносил вслух евхаристические молитвы, которые, как правило, читаются в алтаре негромко и практически не слышны собранию. Владыка стремился донести каждое слово, каждую мысль церковной службы до ума и сердца человека, стоящего в храме.

Именно поэтому он называл молитву об оглашаемых и соответствующий возглас «двери, двери!» анахронизмом, так как она фактически ни к чему не призывает собрание: в нормальном случае эта молитва обращена к оглашаемым, которые склоняют головы, молятся вслух и исходят из храма на соответствующий возглас предстоятеля. В настоящее время, как и в период служения владыки Михаила, оглашаемые в храмах — редкость, поэтому молитва предстоятеля фактически не обращена ни к кому, а «Господи, помилуй», которое по уставу произносится оглашаемыми, пропевает хор.

Также критически архиепископ Михаил относился к предпричастному перерыву, во время которого совершается причастие в алтаре, а в храме звучит пение или чтение стиха из Псалтири. Неестественность и неуместность этого чтения, по мнению владыки Михаила, сбивает торжественный молитвенный литургический настрой человека, готовящегося к причастию: «Очень благоразумно поступают те священники, которые обусловленную причащением в алтаре духовенства паузу заполняют проповедью».

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Д. К. Богатырёв
(Доктор философских наук, профессор,
ректор Русской христианской гуманитарной академии;
rector@rhga.ru)

ПОСТСЕКУЛЯРНАЯ ГИПОТЕЗА И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПОСТСЕКУЛЯРНОСТИ

Доклад состоит из введения, трех частей и заключения. Во введении дается краткая характеристика постсоветского периода развития российской цивилизации с точки зрения духовных и идеологических тенденций: поражение атеистической и социалистической идеологий, надежды на православное возрождение, поликонфессиональность. Современная Россия оценивается как поликонфессиональная и многонациональная страна с очевидной религиозной и национальной доминантами.

В первой части анализируются основные понятия постсекулярной гипотезы в соответствии с триадой: клерикализм — секуляризм (и его основные идеологии: либерализм, социализм и национализм) — постсекулярность. Оценивается западничество применение гипотезы в ее классической формулировке.

Во второй части описываются вызовы для России, неспособность ответить на которые может привести к утрате культурной идентичности. Вызовы соотносятся с основными идеологиями Нового времени — либерализмом, социализмом и национализмом. Основные опасности: тотальный мультикультуризм и неоклерикализм.

В третьей части обосновывается применение постсекулярной гипотезы к российским условиям и раскрывается отечественная специфика. Важнейшие признаки постсекулярного общества, как-то: демаргинализация религий на фоне продолжающейся секуляризации, религиозная конкуренция в рамках единого правового и культурного поля, появление религиозных гибридов и мутантов — наличествуют в России. Важнейшие особенности: мощный (византийский по происхождению) имперский царственно-свя-

щенный архетип, подвергшийся серьезным ордынским воздействиям; мифологический характер советской секуляризации. Они определяют в тенденции: доброжелательное отношение госвласти к «традиционным» религиям и протекционистскую политику в отношении Православия, мощный тренд внутри самой РПЦ к церковно-государственному симбиозу и начало подлинной — рационально-скептической по духу — секуляризации только в постсоветское время. Оценка позволяет избежать указанных выше опасностей — либерального мультикультурализма и нового клерикализма. Учет важнейших особенностей отечественной постсекулярности открывает возможности для обоснования и формирования конфессиональной политики, отвечающей задачам поступательного развития России как многонациональной и поликонфессиональной цивилизации (с выраженной доминантой) и не совпадающей ни с либеральным, усиливающим атомизацию и секуляризацию социума, ни с клерикальным, утопичным по сути, подходами. Особое значение для реализации предложенного подхода имеет научная задача осмысления аксиологических оснований религии и культуры, а ее решению может способствовать ценностно-культурологическая методология.

В заключении описывается опыт применения ценностно-культурологической методологии в конкретной области социальной практики — высшем образовании (на примере РХГА), а также высказываются предположения о возможностях ее применения в других областях.

Н. А. Белякова
(Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра истории религии
и Церкви Института всеобщей истории РАН;
beliacova@mail.ru)

ЧЕЛОВЕК УВЕРОВАВШИЙ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: О СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ЗОИ КРАХМАЛЬНИКОВОЙ

В докладе будут представлены материалы исследований о творчестве православной публицистки Зои Крахмальниковой (1929–2008), издании ею журнала для христианского чтения «Надежда» и того, как ее религиозно-просветительская деятельность оказалась на «передовой» Холодной войны. Анализ текстов статей Крахмальниковой второй половины 1970-х гг., содержание сборников «Надежда» показывает полное отсутствие политических сюжетов, однако в 1983 г. З. Крахмальникова была осуждена по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). На материалах государственных ведомств СССР будут показаны концепции, согласно которым определялось место верующих в советском обществе и угроза с их стороны в отношении советской социалистической системы в условиях Холодной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Надежда: Христианское чтение / Ред. З. Крахмальникова. № 1–14. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1978–1988.
2. Крахмальникова З. А. Возвращение блудного сына // Надежда: Христианское чтение. — 1979. — № 2. — С. 383–436; 1980. — № 4.
3. Русская идея и евреи. Роковой спор. Христианство. Антисемитизм. Национализм. Сб. статей. / Сост. Крахмальникова З. А. — М.: Наука, «Восточная литература», 1994.
4. Крахмальникова З. А. Слушай, тюрьма. — М. Братство «Православное дело». — 1995.

Н. С. Смирнова
(Кандидат филологических наук,
Русская христианская гуманитарная академия,
Санкт-Петербургская православная духовная академия;
nts343@gmail.com)

ХРИСТИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ В ДОНОРМАННСКОЙ АНГЛИИ: АББАТ ЭЛЬФРИК

Аббат Эльфрик, творивший в конце X — начале XI века, упоминается во всех авторитетных справочниках по истории английского языка и литературы. Его наследие, беспрецедентное по объему в англосаксонской литературе, включает пособия по латинскому языку (в том числе первую латинскую грамматику на английском языке), переводы из Ветхого Завета, жития святых, проповеди и пастырские послания. Значительная часть произведений создана им в ответ на просьбы окружения — епископов, священников, монахов и англосаксонской знати. Написанные простым и ясным языком, и вместе с тем не лишенные стилистического изящества (элементов ритмизации и аллитерации), его писания завоевали сердца современников и распространялись в многочисленных списках.

Отмечая таланты аббата Эльфрика как лингвиста, переводчика, писателя и педагога, нельзя забывать, что творил он прежде всего как христианский пастырь, заботящийся о чистоте, укреплении и распространении христианской веры в среде своего народа. В переводах и многочисленных собственных поучениях он касается различных аспектов христианской космологии, сотериологии и догматики; раскрывает символизм притч Спасителя и евангельских событий; предлагает примеры для наставления и подражания (жития святых, в том числе местночтимых англосаксонских); увещевает возделывать добродетели, искоренять гордость и другие пороки, презирать земные блага. Упоминания о троеперстном крестном знамении, о поведении мирян во время Великого поста и особенностях

подготовки к нему, о недопустимости коленопреклонений и полного воздержания от пищи в воскресные дни, а также ряд других, раскрывают некоторые обрядовые и дисциплинарные стороны церковной жизни Англии донорманнского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ælfric's Lives of Saints* // edited by W. Skeat. London, 1881.
2. *Homilies of Ælfric* // ed. and trans. by B. Thorpe. London, 1844–46.

Д. Ю. Чернышенко

(Аспирант, Русская христианская гуманитарная академия,
сотрудник библиотеки РАН;
gaal.freude@gmail.com)

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ ЧЕШСКИХ ГЛОСС В «MATER VERBORUM»

Средневековый чешский памятник «Mater Verborum» послужил одним из источников для формирования представлений о языческом пантеоне у чехов. И утверждений о сходстве пантеона языческих богов у восточных и западных славян. К этому памятнику обращались многие исследователи славянского язычества вплоть до того времени как А. О. Патера доказал поддельность более чем 800 чешских глосс и подлинность 339.

Современные исследователи, признавая поддельность столь крупного массива сведений, не акцентируют своё внимание на самих глоссах. В замечания к статье А. О. Патеры И. И. Срезневский отмечает обилие глосс связанных с религией западных славян раннего периода. Таким образом задачей данной работы является показать как заведомо поддельные, так и подлинные глоссы маркирующие славянский пантеон. И попытаться дать объективную атрибуцию подлинным глоссам «Mater Verborum» связанных с религиозными представлениями западных славян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский И. И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян, по свидетельствам современным и преданиям. — Харьков, 1846.
2. Патера А. О. Чешские глоссы «Mater verborum» с дополнительными замечаниями И. И. Срезневского. Прил. к XXXI тому Записок императорской академии наук. — СПб., 1878.
3. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира. — Т. II. — М., 1982.

М. М. Смирнов
(Аспирант, Санкт-Петербургская
православная духовная академия;
msmirnov@lenta.ru)

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «КРЕЩЕНИЕ ДУХОМ СЯТЫМ» В ТРАДИЦИЮ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ

Харизматическое обновление, как вторая волна пятидесятнического движения, свое появление на исторической сцене связывает со стремлением реформировать духовную практику традиционных конфессий посредством реконструкции апостольского опыта. В свете этой реконструкции уникальное событие, кардинально изменившее жизнь апостолов в день Пятидесятницы, не является однократным актом явления Бога в Его Церкви, но этому духовному опыту открыты все поколения, в том числе и христиане XX века. По мнению участников Харизматического движения, такое духовное переживание может быть артикулировано и осмыслено в рамках Библейской терминологии как «крещение Духом Святым».

Со второй половины XX века харизматическое движение открывает свою миссию в рамках Римской Католической Церкви, и почти сразу было воспринято ею как явление, отвечающее духу *aggiornamento*. Однако, несмотря на исключительно практическую направленность нового феномена религиозной жизни, квинтэссенцией которого является опыт «крещения Духом», процесс интеграции в сложившуюся традицию и практику Римско-Католической Церкви сталкивается с проблемами, лежащими в области не только практической реализации, но и в теоретическом осмыслении данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Theological and pastoral orientations the Catholic Charismatic renewal. Prepared at MalinesBelgium. World of Life. USA. 1974.
2. *Vondey W.* Pentecostalism and Christian Unity. Volume 2: Continuing and Building Relationships. On Becoming a Christian: Insights from Scripture and the Patristic Writings with some Contemporary Reflections, Report of the Fifth Phase of the International Dialogue Between Some Classical Pentecostal Churches and Leaders and the Catholic Church (1998–2006). Wipf and Stock Publishers. USA. 2013.

А. А. Мухаметова
(Студент, Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного университета;
lovaki@inbox.ru)

КАТОН МЛАДШИЙ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Катон Утический относится к типу «святых античности»: его жизнь и смерть стали образцом отстаивания своих идеалов и готовности умереть за них. О Катоне с уважением отзывались из современников Цицерон и даже Цезарь, о его доблести писал Валерий Максим [1]. О популярности политика свидетельствуют стихи Вергилия, Горация, Лукана. Со временем к фигуре Катона обратились и раннехристианские авторы Тертуллиан, Лактанций, Иероним, Августин Блаженный [2]. Цель настоящего доклада — проанализировать эти упоминания как в контексте античной традиции, так и в связи с формирующимся христианским учением о «правильном» мученичестве и его соотношении с самоубийством. Мы полагаем, что Катон мог быть знаковой фигурой для представителей западного христианства, учитывая их несомненный интерес к стоицизму, кроме того, через смерть можно было сопоставить его с христианскими мучениками. Со стороны же восточных писателей фигура Катона остается незамеченной. Следует упомянуть и то, что указания на Катона могло создать проблемы для христиан в связи с его политическими взглядами. Наконец, некоторые авторы задумывались о том, правильно ли поступил Катон, когда он свел счеты с жизнью вместо того, чтобы отдаться Божьей воле [3]. Таким образом, полемика вокруг этой фигуры позволяет нам проследить процессы усвоения образа традиционных римских добродетелей христианскими писателями и использования фигуры Катона для решения внутристианских споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carlson M. L.* Pagan Examples of Fortitude in the Latin Christian Apologists // *Classical Philology*. — Vol. 43. — 1948. — P. 93–104.
2. *Biller H.* Cato der Jüngere in der lateinischen Rezeption der christlichen Spätantike und des frühen Mittelalters // *Mediaevistik*. — Vol. 12. — 1999. — P. 41–184.
3. *Griffin M.* Philosophy, Cato, and Roman Suicide: I // *Greece & Rome*. — Vol. 33. — 1986. — P. 64–77.

М. А. Малафеева

*(Научный сотрудник ЛАУМОО,
Московский институт развития образования, аспирант,
Русская христианская гуманитарная академия;
malafeeva.relig@gmail.com)*

В ДОПОЛНЕНИЕ О БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Острое противопоставление старообрядцами себя «внешнему миру», во многих лицах, открывает возможность рассмотрения структуры эсхатологии в контексте бинарных оппозиций.

Исследуя такой подход, мы будем опираться на опыт Клода Леви-Строса — основоположника французского структурализма, основополагающим принципом которого был принцип «бинарной оппозиции». К. Леви-Стросс, является не единственным сторонником данного принципа, однако используя антропологический подход, актуальнее будет взять за основу именно его аргументы.

В представленном докладе в дополнение к аналитическим материалам по «Книге о вере» и «Житию протопopa Аввакума» хотелось бы рассмотреть материалы из архива пустозерских узников, куда входят такие старообрядческие авторы-вдохновители как: протопоп Аввакум, поп Лазарь, дьяк Федор Иванов, соловецкий инок Епифаний. Материалы содержат ряд текстов (послания, беседы, «челобитные», «толкования» на различные богословские тексты) вышеуказанных авторов, которые им удалось создать в период их совместной 14-летнего пустозерского заключения (1668–1682 гг.).

Из описаний, представленных в текстах, несомненно, можно выделить несколько бинарных и сверхбинарных оппозиции, которые отражают эсхатологическое видение старообрядчества. Проанализировав оппозиции можно прийти к следующему выводу. Так же как и представленные в пре-

дыдущих статьях и докладах аналитические материалы по оригинальным старообрядческим рукописям, созданные пустозерскими узниками тексты подтверждают гипотезу о том, что следует согласиться с теорией К. Леви-Строса, примененной по отношению к старообрядческой эсхатологии, о продуктивности бинарных оппозиций, которые являются основой старообрядческой эсхатологии и наоборот не продуктивности более сложных сверхбинарных оппозиций в контексте дискурса, из-за неоднозначности и отсутствия твердого обоснования.

К. Б. Ерофеев

(Адвокат Адвокатской Палаты Санкт-Петербурга,
преподаватель, Юридический Институт (Санкт-Петербург);
antanta1999@mail.ru)

ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1917 г.). ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Временное правительство пришло к власти под общедемократическими лозунгами, среди которых не на последнем месте была отмена существовавших при царизме ограничений по вопросу отношения граждан к религии. Так, уже в первом публичном документе Временного правительства «Декларация Временного правительства о его составе и задачах» от 03 марта 1917 года декларировалась отмена вероисповедных ограничений, что отменяло обусловленность объема гражданских прав и обязанностей при принадлежности к определенной конфессии (п. 3 Декларации). Одновременно Временное правительство декларировало (п. 1) полную и немедленную амнистию «по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.». Кроме того, провозглашались права и свободы, тесно связанные со свободой совести: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

В своем Обращении к населению России от 6 марта 1917 г. Временное правительство обещало «обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины». Как говорится в Обращении «в минуту освобождения народного вся страна с благоговейною признательностью вспоминает тех, кто в борьбе за свои политические и религиозные убеждения пал жертвою мстительной старой власти, и Временное правительство сочтет радостным долгом вернуть с почетом из мест ссылки и заточения всех страдальцев за благо родины».

А. Г. Гонтарчук
(Магистрант,
Санкт-Петербургской
православной духовной академии;
alexii.g@mail.ru)

ЭКОНОМИКО ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ОБИТЕЛИ XV–XVII в.

Став важнейшей монашеской обителью Русского Севера — Соловецкий монастырь стал не просто его духовным центром, но и центром экономическим. Действительно, сразу после своего основания, Соловецкий монастырь активно включился в процесс экономического развития всего Поморья и стал концентрировать вокруг себя огромное количество земельных угодий, которые соответственно становились важнейшим фактором динамического развития монастырского хозяйства.

Богатые земельные угодья не простаивали впустую, а активно включались в промышленный оборот монастыря. На этих территориях Соловецкий монастырь организует различную промышленную деятельность. К числу такой монастырской деятельности относят, в первую очередь, такие виды деятельности, как солеварение, земледелие, рыбный промысел, железный промысел, кирпичное производство, мельничное хозяйство и даже судостроение. Благодаря такой деятельности монастырь достиг невероятного экономического развития. Это время (XV–XVII вв.) можно с уверенностью назвать Золотым периодом развития монастыря.

Насельники монастыря стремились не только проповедовать Слово Божие, но также истолковывать его своим трудом всему природному миру. Забота о природе и ее возделывание входили в монастырское

бытие естественным путем. Основа отношений братии с материальным миром — физический труд был не только способом добывания пищи но и служением Богу, содействуя внутреннему совершенствованию и укреплению уз братства. Монашеская община, в противоположность мирским городам, становится градом, созданным самоотверженной любовью к Богу, а через это — ко всему Божьему творению. О чем свидетельствуют множество подвижников и святых, выходцев обители Русского Севера.

Д. В. Лузьянов
(Магистрант,
Русская христианская гуманитарная академия;
luzdima@gmail.com)

ВЗГЛЯД НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ СО СТОРОНЫ РОССИЙСКИХ ПРОТЕСТАНТОВ

Существуют различные оценки характера отношений между государством и Церковью в России.

Некоторые западные исследователи видят в этих отношениях проявления абсолютизации власти и ее постоянного вмешательства в дела Церкви.

Другие исследователи видят в них «симфонию» императора Юстиниана, в которой власть и Церковь дополняют друг друга. Это идеальная модель отношений, но на практике она не всегда соблюдалась. Большинство искажений этой модели были успешно обнаружены и осуждены Церковью.

По мнению Александра Дмитриевича Шмемана, опасность модели «симфонии» в том, что в ней не учтена «иноприродность» Церкви. Государство заменяет Церковь, и она теряется в нем.

Российские протестанты формально поддерживают идею наиболее полного отделения Церкви и государства. Но на практике существуют различные движения в их среде. Некоторые стараются всеми силами поддерживать власть, тем самым воплощая модель «симфонии». Другие не принимают таких отношений, считая их «цезарепапизмом». Некоторые российские протестанты ощущают «иноприродность» Церкви, о которой писал Александр Шмеман, и поэтому стараются по возможности избегать тесных отношений со властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточный цезарепапизм (история и критика одной концепции), 2000.
2. Исторический путь Православия / Шмеман А. Д.— Москва: Книговек, 2010.
3. Пути русского богословия / Флоровский Г. В.— Москва: Институт русской цивилизации, 2009.
4. Социальная позиция протестантских церквей России, 2009.

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

С. М. Капилупи
(Кандидат философских наук, доцент,
Римский университет «Ла Сапьенца»,
Русская христианская гуманитарная академия;
s_capilupi@yahoo.ru)

О БЕЗГРАНИЧНОМ ЖЕЛАНИИ БЕСКОНЕЧНОГО: ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Также знаменитый светский критик Азор Роза полностью признает присутствие подлинного трагизма (являющегося антиномией и противоречием самого сознания, а не лишь трагедией конкретной судьбы героя) в католическом романисте А. Манцони. Но есть и те, кто подчеркнул религиозность, а не атеизм, трагизма Джакомо Леопарди, как Диво Барзотти в «Религии Джакомо Леопарди» (2008 г.). «Все бывают или могут быть довольными собой, кроме человека, а это показывает, что его существование не ограничивается этим миром, как, напротив, существование других вещей» («Зибальдоне»): эти слова Леопарди пишет в двадцать лет, дальше уточняя, что люди «нищие неизбежно и по существу из-за своей природы ... что показывает, что наше существование не завершается в этом временном пространстве, как у зверей»; «одно из высших доказательств бессмертия души это несчастье человека в сравнении с животными, которые счастливы или почти счастливы» (*там же*). Леопарди во многом является основоположником иронии современного человека в Италии. Он умел в своих «Маленьких нравственных трудах» как философ говорить о страшной бессмысленности всего сущего с помощью очаровательных комических мифов, им придуманных. А до и после этого его поэзия прекрасно поет о «космическом пессимизме» автора, в котором природа не является «матерью», а «мачехой». Даже если забывать о вышесказанных юных записках, явно говорящих про веру в Бога, парадокс поэта о человеческом несчастье настолько реален, настолько точен и, в то же время, настолько прекрасен, возвышен и благороден, что он не может не отправлять мысли читателя на то, что за этим земным и космическим парадоксом, однако, скрывается и открывается вместе.

К. Н. Фомина

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЯ ТЕРМИНОВ И НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лексика итальянского происхождения в русском языке до сих пор изучена недостаточно глубоко. В основном это работы лингвистов, косвенно затрагивающих данную проблему. В целях разностороннего и глубокого исследования данной проблемы были рассмотрены работы многих известных ученых, таких как А. Г. Горнфельд, Р. А. Будагов [1963; 1965], Л. П. Крысин, Е. М. Иссерлин, М. Е. Брагина, В. М. Аристова, И. Б. Голуб, и др., а также диссертации, освещающие тему заимствований итальянских терминов в русском языке: Е. С. Лукина, Я. Х. Саженина. Необходимо определить место и роль заимствований итальянских терминов и научной терминологии в современном русском языке, проанализировать процесс и степень их языковой адаптации. Для достижения данной цели ставятся следующие *задачи*: 1. уточнить понятия «заимствование»; 2. выявить классификацию заимствований; 3. проследить историю появления заимствованных из итальянского языка терминов в современном русском языке в различные эпохи; 4. определить способы и причины заимствования итальянской лексики в системе русского языка; 5. классифицировать итальянские заимствования по коммуникативным сферам; 6. указать значение и место адаптированной итальянской лексики в системе русского литературного языка; 7. проанализировать адаптацию итальянских заимствований в русском языке.

А. С. Коскова

(Студент, Русская христианская гуманитарная академия;
annet-yurkina@mail.ru)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ОБРАЗА БЕАТРИЧЕ КАК СОФИИ В СВЕТЕ СИНТЕЗА «ЗЕМНОГО» И «НЕБЕСНОГО»

1. В нашем докладе мы анализируем земные и небесные черты в образе Беатриче в «Божественной комедии». Именно в образе Беатриче черты синтеза «земного» и «небесного» настолько сконцентрированы, что делают данную фигуру для исследователей одной из самых неоднозначных и дискуссионных во всей «Комедии».

2. Существует множество интерпретаций данного художественного образа. В свою очередь, мы, на основе проведенного анализа фигуры Беатриче, делаем попытку ее толкования. Мы заключаем, что образ Беатриче является носителем софийных черт, персонификацией Софии — небесной Мудрости.

3. Как и Беатриче, София содержит в себе и земные и небесные элементы. Так, специфику Софии составляет заложенное в ней материнское начало, как устроительницы мира, а в «Комедии» Беатриче проявляет по отношению к Данте материнскую заботу, играет роль наставницы и несколько раз Данте сравнивает ее с матерью, а себя — с ребенком. В «Рае» Беатриче оказывается носителем высших знаний, приобщенным к сакральным знаниям: она посвящает Данте в тайны божественного мироустройства. Кроме того, неперенный атрибут Бога и Беатриче — радость. Радостна и Премудрость Соломона. Таким образом, Беатриче выполняет различные роли, которыми в Священном Писании и Предании обладает и София — небесная Премудрость.

4. Признанием Беатриче персонификацией Софии можно объяснить многочисленные аналогии Беатриче и Христа, которые встречаются в «Новой жизни» и в «Божественной комедии».

5. Наделяя образ своей возлюбленным таким высокодуховным значением, Данте открывает дорогу к разрешению противоречия между земной любовью к женщине и христианской любовью к Богу, которое существовало в философии и литературе Средневековья.

З. Пшенникова
(Студент,
Русская христианская
гуманитарная академия;
z.pshennikova@gmail.com)

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ ГРУППИЗМА В СРЕДЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Эрик Хобсбаум однажды выразил мысль о том, национальность и национализм, хотя они и конструируются сверху, «нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу» с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе необязательно являются национальными, и тем более — националистическими по своей природе». Таким образом ученый предложил взглянуть на вопрос формирования этничности не с точки зрения групп, а с точки зрения индивида. Его мысль в некотором роде явилась толчком для современных исследований в лингвистике, социологии и политологии, в которых национальные группы стали рассматриваться как искусственные образования, сформированные политическими призывами, речами и обращениями.

В докладе дается определение понятию «группизм» и на ряде примеров демонстрируется то, как в сознании человека складывается модель поведения, согласно национальной самоидентификации и приписывания идентичности. В ходе проведенного исследования применялся дискурс-анализ, анализ в рамках теории фреймов, лингвистический и грамматический анализ текстов.

Доклад состоит из трех частей: в первой части дается теоретический обзор современных постструктуралистских идей в области социолингвистики,

во второй части на практических примерах осуществляется попытка проанализировать влияние политических текстов на формирование национальной идентичности, в последней части доклада рассматриваются ключевые категории и схемы, создающие стереотипы в области национального «группизма».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации // Т. А. ван Дейк; Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
2. Йоргансен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод // М. В. Йоргансен, Л. Дж. Филлпс; Пер. с англ. — 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный центр, 2008.

А. В. Денисенко
(Студент,
Русская христианская
гуманитарная академия;
alexandra1991@mail.ru)

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА К ПУБЛИЧНЫМ ВЫСТУПЛЕНИЯМ ПОЗДРАВИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА НА ПРИМЕРЕ НАПУТСТВЕННОГО ОБРАЩЕНИЯ ВЫПУСКНИКАМ С. ДЖОБСА

В рамках данного доклада рассматривается практическое применение дискурсивного анализа в рамках конкретной коммуникативной среды взаимодействия с целью вычленения имплицитных коннотаций, иллокутивных установок, а также когнитивных и прагматических пресуппозиций говорящего, поиску отражения сознания и образа мышления, раскрывающихся в языковых формах, с целью оказания воздействия на реципиента. Так как в основании работы лежит взаимосвязь между формой и функцией высказывания, в фокус исследования попадает функциональный подход к анализу дискурса. Таким образом, сам анализ параллельно направлен на изучение значительного количества экстралингвистических обстоятельств, так как невербальные маркеры коммуникации всегда обладают дискурсивной мотивацией.

Рассматриваемым языковым паттерном является ситуация поздравительных экспрессивных речевых актов положительного пожелания. Какие именно лингвистические, грамматические, когнитивные и прагматические средства выражения, обеспечивающие оратору коммуникативный успех, используются в публичном риторическом дискурсе, нами будет рассмотрено на примере напутственной речи американского предпринимателя С. Джобса выпускникам Стэнфордского университета в 2005 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005–2011. Т. 1.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
3. Остин Джон Лангшо. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2010.

**ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР
В СВЕТЕ ТРИАДОЛОГИИ**

П. А. Сапронов

(Доктор культурологии, профессор,

Русская христианская гуманитарная академия; ibif@inbox.ru)

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СООТНЕСЕННОСТИ С БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Некоторая неуклюжесть заголовка настоящего текста вызвана тем, что, определяя онтологический статус предмета рассмотрения по существу невозможно остановиться на одном ключевом понятии, адекватно фиксирующем и очерчивающем этот предмет. В этом случае на ум приходят понятия «человек», «люди», «общество» и т. д. Но каждое из них, будучи введено в оборот, тут же требует своего восполнения другим понятием. Причем в системе координат чисто секулярного знания проблема оказывается неразрешимой, почему и приходится пользоваться такими словосочетаниями как «человеческое» или «человеческая реальность». Между тем обращенность к богословскому знанию позволяет понять и объяснить ускользание человеческого от схватывания его одним понятием. Прежде всего потому, что применительно к Богу в богословии употребляется еще и обозначение его как Троицы. А это предполагает совмещение в Боге единства и троичности. Бог — это еще и Троица. Троица еще и Бог. Неотрывность одного от другого — это, конечно, божественная реальность, но в то же время, согласно христианскому вероучению, человек есть образ и подобие Божие. Таковым же делает его то, что он личность. Но в отношении Бога понятие Лица или Ипостаси употребляется вовсе не таким образом, что Он есть Лицо или Ипостась. Бог — это единство трех Ипостасей. Что предполагает невозможность утверждения о существовании одного Лица (Ипостаси) вне обращенности к другому. К человеку эта истина впрямую не приложима. И все-таки триединство Бога указывает на то, что человек, будучи личностью, не может существовать и рассматриваться в отрыве от других личностей. Он существует потому, что есть люди. И тогда возникает вопрос о том, кто из них первичен. Ответ же на него не так прост, поскольку, утверждая первенство человека как личности (лица) над людьми, то есть общностью, мы тут же обнаруживаем наполненность его другими личностями (лицами).

О. Е. Иванов
(Доктор философских наук, профессор,
Русская христианская гуманитарная академия;
ibif@inbox.ru)

БОГ И ЧЕЛОВЕК. ТРОИЧЕСКОЕ И СОВМЕСТНОЕ БЫТИЕ

Уже в самом заглавии тезисов проведено разделение божественного или троического бытия и бытия человеческого как совместного. Троическое бытие есть бытие в Любви. Лица пресвятой Троицы несколько не нуждаются друг в друге, так как и Отец-Бог и Сын-Бог, и Святой Дух тоже Бог. В каждой ипостаси выражена вся полнота божественности. Но всё дело в том, что эта божественность не предполагает автаркии. Будучи всем каждое Лицо Троицы одновременно устремлено к Другому, которое также будучи всем одновременно обращено ко в иным Лицам. Можно сказать, что трудно построить логику таких отношений. Это действительно так, но интересен вопрос, почему. Возможно потому, что наша логика, действительно выражающая необходимую связь понятий или имеющая аподиктическую необходимость, есть одновременно логика нужды, недостатка. Элементы пазлов легко и прочно соединяются именно потому, что у одного элемента есть то, чего нет у другого. Каждый тем самым нуждается в другом, образуя с ним совместное бытие. Ни один человек не содержит человечества в его полноте. Но подобная тесная связь элементов означает в то же время их равнодушие друг к другу, так как каждый сосредоточен только на своей собственной незаполненности, которую нельзя устранить нить вне обращения к другому. Поэтому, когда речь идёт о божественном образе в человеке, мы должны обращаться к тем ситуациям, когда взаимная устремлённость людей не обусловлена необходимостью или даже соображениями свободы. Таким случаем может быть содружество и связанные с ним институты.

Е. А. Евдокимова
(Кандидат философских наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
кино и телевидения;
evdoki-elena2006@yandex.ru)

СЕМЬЯ: ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО К МАЛОЙ ЦЕРКВИ

Если рассматривать семью как реальность человеческую, можно прийти к заключениям довольно неутешительным. Так, П. А. Сапронов указывает, что семья — это прежде всего и после всего — свои. Согласиться с автором заставляют убедительные доводы, которые приводятся. Однако в таком случае приходится признать, что человек выстраивает свою жизнь в ее главных, основополагающих реалиях по более чем скромному счету. С другой стороны, как примирить это с тем, что говорит о семье христианское вероучение: семья — малая церковь, точнее — «домашняя церковь» (так у апостола Павла)?

Но одно дело — человек в своем собственно человеческом измерении. Другое дело — семья как задача, которую перед человеком (в то же время перед двумя или больше людьми) ставит Бог. Это «одно» можно и нужно столкнуть с «другим». И тогда человек и обнаружит для себя необходимость трудного и долгого движения. Только в этом случае можно будет говорить о семье как реальности философской и богословской. Образуя семью, человек оказывается перед опасностью захотеть уюта и на этом успокоиться: «Ты уюта захотела, Знаешь, где он — твой уют!». И оказывается что человек сам по себе существо незавидное. Следовательно, если человек хочет большего, то он семью должен размыкать вовне. В пределе — к Богу. А вехи на этом пути — ближний (возможно, сосед по площадке), работа, не сводимая только к заработку и, может быть, по слову поэта, трепет «пред созданными искусства и вдохновенья».

ЛИТЕРАТУРА

1. *П. А. Сапронов*. Человек среди людей. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2014.
2. Рим. 16,4; Кол. 4,15.
3. *А. Ахматова*. «От тебя я сердце скрыла...»
4. *А. С. Пушкин*. «Из Пиндемонти»

К. А. Махлак
(Кандидат культурологии, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия;
makhlak@mail.ru)

ТРИАДОЛОГИЯ АВГУСТИНА В ПЕРСПЕКТИВЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Триадология блаженного Августина, без всяких сомнений, выдающееся явление христианской мысли. Когда историки философии или патрологи комментируют отношение восточно-христианской богословской мысли и западного, августиновского подхода к той же проблематике, с православной стороны можно встретить мнение об антиквизирующем характере тринитарного богословия Августина: троичность невозможно ни обосновать, ни даже адекватно выразить на языке философии, что связывается с влиянием неоплатонизма (подобную мысль развивает в своих работах, например, А. Р. Фокин). Православный подход в такой интерпретации описывается как персоналистический и полностью свободный от «искушения эссенциализма». Однако, это не совсем так. По Августину, человеческий разум в состоянии либо помыслить единство и благодать Бога (они имеют аподектический характер), либо принять Откровение как факт, принимаемый на веру. С этим связано отвержение Августином нормативной для православия триадологии каппадокийцев. То, что к Богу можно применять категории «общего» и «частного», таким образом, вводя саму троичность в сферу аподектических суждений, для Августина неприемлемо как раз в силу неприемлемости для него эссенциалистской трактовки божественного бытия. Критика восточного подхода — важное свидетельство августиновского представления о божественном и человеческом «я», вместе с тем, она является критической рефлексией восточного взгляда на проблему, в центре которой находится категория «сущность».

Т. С. Сунайт

(Аспирант,

Русская христианская гуманитарная академия;
timursunajt1@yandex.ru)

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ КАК КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ АБЕРРАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Не составляет труда обнаружить определенные элементы коммунистических утопий в самой глубокой древности. Однако, внутренне завершённый коммунистический миф и доктринально оформленная коммунистическая идея, принадлежат исключительно Новому времени. В качестве мифа коммунизм выходит на арену истории в эпоху Реформации XVI века в Западной Европе в пределах радикальных сектантских течений, изначальной «теневой» стороны протестантизма. Причудливый синтез теологии и коммунистического мифа разворачивается в проповедях Томаса Мюнцера и в практических действиях анабаптистской общины Иоанна Лейденского.

В утопическом социализме от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы до французских социалистических утопий XVIII века коммунистический миф постепенно освобождается от религиозной составляющей, т. е. секуляризуется. Превращаясь в миф на почве французского Просвещения, коммунизм остается мифом среди мифов, не содержащем в себе и доли той суггестивной силы, которую он обрел, став продуманной теорией, идеей в творчестве Маркса.

До тех пор, пока коммунистический миф серьёзно не затрагивал антропологию, христианская теология находилась к коммунистическим представлениям в простой оппозиции. Конфликт принял более фундаментальный характер, когда Фейербах разработал антропологический новый концепт, где теология превращалась лишь в иллюзорный момент антропологии. Учение Маркса о социальной природе человека превратив

коммунистический миф в идею, сила, которой коренилась в азартном обещании прорыва к полноте человеческого бытия, т.е. сферу провозглашенную изначально христианством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс Карл*. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние работы. М., 2010. С. 358.
2. *Ранер Карл*. Основание веры. Введение в христианское богословие. М., 2006. С. 32–36.

**ЯПОНИЯ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

В. Ю. Климов

*(Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник*

*Института восточных рукописей РАН,
и. о. зав. отделением китаистики и японистики
Русской христианской гуманитарной академии;
klimovvadim@rambler.ru)*

МЕСТО СИНТОИСТСКИХ БОЖЕСТВ И БУДД В УЧЕНИИ ШКОЛЫ «ИСТИННОЙ ВЕРЫ ЧИСТОЙ ЗЕМЛИ» (ПО ПРОПОВЕДЯМ ИЕРАРХА РЭННЁ, 1415–1499)

Основными источниками являются «Записи сказанного Высокомудрым Рэннё» и его послания верующим в пяти тетрадах. Перед 8-м иерархом школы стояла архисложная задача: 1) увеличить количество адептов, 2) укрепить материальную базу школы, 3) внушить верующим, что они сделали правильный выбор, следуя учению Синрана (1173–1262), 4) бороться с наиболее распространенными искажениями учения, 5) избегать конфликтов и прямых столкновений с представителями других направлений буддизма и со светскими властями, вызванных излишне прямолинейными истолкованиями и пониманием веры названной школы.

Многие адепты считали, что вера единственно в будду Амида освобождает их от выполнения светских правил в миру и относиться свысока к представителям остальных школ. Ряд последователей отказывались исполнять приказы представителей светских властей, уклонялись от налогообложений. Иерарх пытался бороться с такими проявлениями социального протеста. Он подчеркивал, что весь сонм синтоистских божеств и все будды включены в будду Амида. Наноса им оскорбление, наносишь оскорбление самого будде Амида. Тем самым лишаешь себя возможности быть спасенным Им. Более того, непременно попадешь в последний круг огненного ада.

Однако, Рэннэ не смог предотвратить народные выступления. И причиной тому, представляется, был распад традиционной системы ценностей, вызванный нескончаемыми междоусобными войнами во второй половине XV и в первой половине XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Климов В. Ю.* «Записи сказанного высокомурым Рэннэ». Перевод с японского, комментарий, предисловие // Пятые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Труды участников научной конференции. СПб., 2012.

М. С. Болошина
(Старший преподаватель,
Русская христианская гуманитарная академия)

ЯПОНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ К ПАМЯТНИКАМ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Ё. НАКАМУРА О СЕМАНТИКЕ ЦВЕТА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И «ХЭЙКЭ-МОНОГАТАРИ» («ПОВЕСТИ О ДОМЕ ТАЙРА»)

Сравнительные исследования японских русистов можно рассматривать как форму общения русской и японской культур, способ преодоления границ национальных концептосфер и осуществления рецепции русской литературы и культуры в Японии. С этой точки зрения представляет большой интерес рассматриваемая в докладе работа выдающегося учёного Ё. Накамура, который перевёл на японский язык «Слово о полку Игореве», «Задонщину», отрывки из «Повести временных лет», а также многие произведения русской классической литературы. В статье, опубликованной в научно-популярном журнале общества исследователей русской и советской литературы «Муза», сопоставляется семантика цвета в близких по жанру и времени создания литературных памятниках, что помогает выявить особенности восприятия цвета в русской и японской культуре. Способ подачи материала, формат и жанр публикации соответствуют контентно-типологическим особенностям «Музы» — журнала, адресованного широкой читательской аудитории. Делается вывод о том, что репрезентация русской культуры японскими русистами является примером культурного взаимодействия и важным фактором формирования позитивного образа России.

ЛИТЕРАТУРА

1. 中村喜和 “イーゴリ軍紀” と “平家物語” — 色彩の構造から見た比較、その他 — Ё. Накамура «Слово о полку Игореве» и “Повесть о доме Тайра” — о проблеме цветов в двух произведениях // Муза. — 1992. — № 11. — С. 6–22.
2. Н. И. Конрад. Очерки японской литературы. М., 1973.
3. Повесть о доме Тайра / пер. И. Львовой, стихи в пер. А. Долина. М., 1982.

А. В. Климов
(Старший преподаватель,
Русская христианская гуманитарная академия;
klim583@rambler.ru)

РЕШЕНИЯ ОСОБОГО КОМИТЕТА ПО ОСТРОВУ САХАЛИН от 23 декабря 1861 г.

23 декабря 1861 г. в Санкт-Петербурге в ВЫСОЧАЙШЕМ присутствии состоялось заседании особого комитета, на котором рассматривались актуальные вопросы российско-японских отношений, в частности о принадлежности Сахалина и установлении границы между двумя государствами. В повестке дня вторым вопросом значился: «2. По делу об острове Сахалин». В журнале заседания под грифом «весьма секретно» было записано: «По важности значения для нас острова Сахалина, желательно было бы уговорить Японское Правительство — уступить России весь остров, ... В случае если они не примут этих предложений, тогда мы будем поставлены в необходимость — согласиться на разграничение. Удовольствоваться граничною линиею по 50° сев. шир. мы ни в каком случае не можем, и должны настаивать на оставление за нами всей части острова до поста нашего на Кусунае, т. е. по 48° сев. шир. В самом крайнем случае мы можем согласиться на проведение граничной черты по 49° сев. шир».

Решение было принято до прибытия японского посольства в Петербург в 1862 г. Посольство не искало компромисса и настаивало на разделении Сахалина по 50° с. ш. Российское правительство не согласилось, и принято было решение продолжить переговоры на месте. П. В. Казакевичу, военному губернатору Приморской области, были представлены все полномочия. Но японская сторона тянула время, уклонялась вести переговоры. Российская же сторона стремилась вести конструктивные пере-

говоры, не прибегая к угрозе применения силы, искала компромиссы, проявляя гибкость и рассчитывая на долговременные дружественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГА ВМФ. Фонд 1191. Опись 1. Дело 43. Лл. 1–14. Фонд адмирала П. В. Казакевича. Докладная записка П. В. Казакевича, указание Министерства Иностранных дел и журнал заседания Особого комитета о взаимоотношениях с Японией и разделе острова Сахалина. Начато: 1861 г. Кончено: 1863 г. На 14 листах.

А. Ю. Гайлис
(Студент,
Русская христианская
гуманитарная академия;
agaylis@bk.ru)

ПРИВИДЕНИЯ В МИФОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЕ ЯПОНИИ

Наша работа посвящена теме привидений (ю: рэй) в японской мифологии и литературе. Несмотря на распространенное мнение о том, что тема мифов и мистики не имеет актуальности в наш век, мы постараемся доказать обратное. А. А. Накорчевский полагает, что изучение этого пласта мифологии важно для понимания сути культуры страны. Первые упоминания о привидениях встречаются уже в эпохе Хэйан, ныне эта тема развита в литературе и кинематографе.

Интерес к призракам обусловлен рядом причин. Во-первых, привидения — неотъемлемый атрибут присущего Японии синто-буддийского религиозного синкретизма, пример тому — традиционный праздник Бон, отмечаемый по всей стране. Во-вторых, известно влияние веры в мстительных духов (онрё:) на историю Японии, например, двойной перенос столицы императором Камму. В-третьих, по всей Японии известны и многочисленны городские легенды, связанные с призраками, к примеру, история о духе самурая Тайра-но Масакадо.

В нашем исследовании мы хотим комплексно изучить феномен японских привидений. Для этого мы описали типичные признаки, присущие большинству из них. Также нами был сделан разбор классификации привидений и проанализированы её достоинства и недостатки. В заключение мы очертили основные направления влияния веры в призраков на культуру страны. Для осуществления данных задач мы использовали анализ фольклора, литературы и кинематографа Японии.

Таким образом, мы показываем важность изучения феномена привидений Японии для углубленного понимания сути культуры страны и мировоззрения её жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Катриэн Росс*. Япония сверхъестественная и мистическая. Изд-во: АСТ, Астрель, 2005, с. 97.
2. *Кожевников В. В.* Феномен «онрё» в японской истории/ Россия и АТР, 2006, № 3, с. 138.
3. *Маркарьян С.Б и др.* Праздники в Японии. Обычаи, обряды, социальные функции. М., 1990, с. 172.

**ФЕНОМЕН АНАРХИЗМА.
ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА**

В. М. Артемов
(Доктор философских наук, профессор,
Московская государственная
юридическая академия им. О. Е. Кутафина;
vyach_artemov@mail.ru)

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ М. А. БАКУНИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

В условиях современных вызовов, в частности, — разгула крайнего национализма в соседнем государстве, да и своеобразного безвременья, когда отсутствуют какая-либо определённости относительно социальных ориентиров достойного уровня актуализируются классические варианты понимания освобождения личности и общества. Интерес к философии свободы М. А. Бакунина обусловлен смелой и своеобразной попыткой разрешения основного внутреннего противоречия свободы как таковой: между страстной творческой спонтанностью личностного и социального бытия, с одной стороны, и силой разума и нравственности, которые, в конечном счёте, ведут к должному порядку — с другой.

Хотя основатель М. А. Бакунин и называл себя «фанатичным приверженцем свободы, видящим в ней единственную среду, где может развиваться ум, достоинство и счастье людей», в действительности мы находим у него теоретически выверенную позицию по проблеме, опирающуюся как на классические подходы и идеи (просветители, И. Г. Фихте, Л. Фейербах, К. Маркс и др.), так и на результаты собственных наблюдений за людьми и отношениями в обществе. Свобода завоёвывается и отстаивается, а не даётся в готовом виде как некая вещь. При этом абсолютно исключаются макиавеллистские приёмы и безнравственные подходы. Показательно, что, увлечшись альтруистической этикой, М. А. Бакунин пытался дополнить её посредством оригинальной теорией гармонии, или Любви. Согласно этой позиции, нравственность заключает в себе

жизнеутверждающее начало Любви и ориентируется на некую гармонию, которая имеет земное, а не небесное происхождение. Соответственно, человек всегда действует согласно собственному свободному выбору, в котором внутренним образом присутствует хотя бы общее представление о должном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакунин М. А. Избранные сочинения: в 5 т. — Т. 4. — Пг.; М., 1920.*
2. *Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. — Т. 1. — М., 1934.*

В. В. Дамье
(Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИВИ РАН,
профессор Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»;
vaddam@mail.ru)

МИХАИЛ БАКУНИН: КРИТИКА СИСТЕМЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

М. А. Бакунин внес важнейший вклад не только в организационное становление анархизма как социально-политического движения, но и в разработку либертарных идейных доктрин.

Взгляды Бакунина претерпели существенную эволюцию на протяжении 1860-х — 1870-х гг. Начав как радикальный социалист-федералист, предлагавший сочетание минимизированной центральной власти с самым широким местным самоуправлением, основанном на прямой демократии, он эволюционировал к безвластническим позициям анархизма.

В набросках и работах конца 1860-х — 1870-х гг. Бакунин представил развернутую критику модели представительной демократии. По его мысли, система представительства в действительности не является отражением ни воли, ни свободы народа. В обществе, где отсутствует реальное равенство, где сохраняются имущие, управляющие и привилегированные, с одной стороны, и неимущие, управляемые и непривилегированные, с другой, первые всегда найдут способ обеспечить свое господство и провести свою волю — посредством дезинформации, манипуляции, простого обмана или коррумпирования представителей. Более того, система представительства сама по себе порождает слой профессиональных политиков и управленцев, который заинтересован в сохранении собственных полномочий и привилегий. В результате представительство воли населения сводится к актам

периодического голосования за тех или других претендентов на политическую власть.

В противовес модели представительства интересов и основанной на ней представительной демократии Бакунин выдвинул модель всеобщего самоуправления коллективов и групп, «снизу» координирующих свои действия через делегатов с императивным мандатом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакунин М. А. Интернациональное братство // Материалы для биографии М. А. Бакунина.* — Т. 3. — М.; Л., 1928.
2. *Бакунин М. А. Бернские медведи и Петербургский медведь // Бакунин М. А. Избранные сочинения.* — Т. III. — М., 1920.

И. Л. Кислицына

*(Кандидат исторических наук,
доцент, Национальный государственный
университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта;
aleks.k.44–40@yandex.ru)*

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ М. А. БАКУНИНА

В прошлом столетии бакунизм рассматривался как политическая теория, политическая философия (философия политики), главной идеей которой является отрицание государства, антигосударственная, безгосударственная идея. Данный подход, перешедший в исследования начала XXI в., не позволяет создать объективное представление о мировоззрении М. А. Бакунина. Изменение методологии науки, обратившейся к человеку, признавшей самоценность внутреннего мира личности, способствует решению этой задачи.

Главной идеей бакунизма на всем протяжении его эволюции была идея абсолютной свободы: наиболее полного развития (самореализации) личности и самостоятельности человека, независимости его воли, чувств, мышления от внешней воли. Идеал совершенствования личности, абсолютной свободы был сформулирован Бакуниным в 1830-е годы. Дальнейшая эволюция его взглядов происходила в направлении поиска путей осуществления этого идеала в жизни. Бакунизм явился выражением идеи реализации личности и формировался как развитие этой идеи. Закономерным развитием главной идеи его мировоззрения был общественный идеал Бакунина, основанный на принципе уважения человеческой личности, человеческого достоинства как «высшем законе человечества», единственном принципе социальной организации.

Современная либеральная историография проблемы развития общественного движения в России признает реальное значение идеала абсолютной свободы только в отношении интеллигенции. Гуманистический смысл и главное теоретическое значение бакунизма заключается в распространении этого идеала на каждого человека, живущего в обществе, общество в целом. Бакунинское понимание проблемы самореализации личности соответствует потребностям развития общества XXI века: создания *общества образования*, действительной демократии.

Д. И. Рублев

(Кандидат исторических наук,
Российский государственный аграрный университет —
МСХА им. К. А. Тимирязева
rublev773@gmail.com

ИДЕИ М. А. БАКУНИНА В АНАРХИСТСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1900–1930-х гг.

В начале XX в. идеи М. Бакунина сохраняли некоторую актуальность, несмотря на преобладающее среди анархистов влияние концепции анархического коммунизма П. А. Кропоткина. Прежде всего, это сказалось в появлении теорий «нового класса», развивавшихся Я. — В. Махайским, Я. И. Кирилловским и др. либертарными авторами. Интерес к идеям Бакунина был связан с изучением деятельности революционно-синдикалистских профсоюзов Франции, Италии и Испании. П. А. Кропоткин и его последователи, Г. И. Гогелиа, М. И. Гольдсмит, Л. И. Фишелев рассматривали М. А. Бакунина, как основоположника стратегии борьбы революционно-синдикалистского движения. Ряд мыслителей (А. А. Боровой, И. С. Гроссман). пытались сблизить его идеи с «философией жизни» А. Бергсона. Бакунизм противопоставлялся проникнутой рационализмом социально-философской концепции П. А. Кропоткина. Второй всплеск интереса к бакунизму характерен для анархистов 1920–30-х гг. Стремясь осмыслить уроки своего поражения во Второй Российской революции 1917–1922 гг., анархистские публицисты обратились к трудам Бакунина. Наиболее ярким примером творческих поисков такого рода стала исследовательская работа Г. П. Максимова, посвятившего долгие годы составлению хрестоматии из высказываний М. А. Бакунина по различным вопросам. Идеи Бакунина оказали влияние на теорию «конструктивного

анархизма», разработанную Максимовым применительно к реалиям индустриального общества I половины XX в. Эту концепцию с полным основанием можно считать итогом развития анархистской мысли России данного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раевский М. [Фишелев Л. И.] Михаил Бакунин и революционный синдикализм // Буревестник. — № 17. — С. 2–4.
2. Оргеиани К. [Гогелиа Г. И.] Как и из чего развился революционный синдикализм. — Лондон. — 1909.
3. Михаилу Бакунину. 1876–1926: Очерки истории анархического движения в России. — М., 1926.

А. Камински

(Кандидат философских наук, адъюнкт,
Высшая банковская школа, Вроцлав, Польша;
antoni.kaminski@ue.wroc.pl)

МЫСЛЬ МИХАИЛА БАКУНИНА В ПОЛЬШЕ

Без всякого преувеличения можно сказать, что в России в XIX веке не было никого, кто мог бы сравняться с Бакуниным в смелости высказывания взглядов, защищающих стремление поляков к независимости. Со страстью обвинял он царский режим за раздел Польши и руссификаторскую политику проводимую на ее территории. Без раздражения воспринимал недоверие и дипломатическую вежливость, с которой иногда от него отмахивались. “Нет ничего естественнее, и скажу, законнее в мире, как ненависть поляков против русских” — писал он в одной из своих брошюр. За эту ненависть и отсутствие какого-нибудь доверия к нам, — добавлял далее, — мы не имеем ни малейшего права сердиться. По мнению Бакунина, освобождение Польши являлось условием *sine qua non* уничтожения царского деспотизма. Без свободной Польши, — писал десятки раз, — не будет свободной России.

Польша и поляки сыграли в жизни Бакунина существенную роль. С “польским вопросом” встречался он уже в молодости. Знакомство с Йоахимом Лелевелем в 1844 г. стало одним из ключевых моментов в его биографии. Такую же роль сыграла в его жизни “историческая” речь на торжественном собрании поляков в честь 17-й годовщины ноябрьского восстания. С поляками встречался во время ссылки в Сибирь. Этот период его жизни имел также счастливый момент — в Томске женился на семнадцатилетней польке Антонине Квятковской. После побега из Сибири и поселения в Лондоне Бакунин активно включился в подготовку январского восстания поляков. Когда восстание началось, предпринял неудачную попытку принять в нем личное участие.

В анархистском периоде жизни Бакунина его связи с поляками становятся менее интенсивными. Однако некоторые его идеи находили своих сторонников, особенно в среде левых эмигрантов. Одним из ближайших сотрудников Бакунина был Валериан Мрочковский. Поляки отвернулись от Бакунина, когда он приступил к жесточайшей критике государства как такого, когда оспаривал роль государства как необходимой формы политической организации общества; спорили с ним, когда писал, что “интенсивность естественного патриотизма является показателем не человечности, а звериного состояния”.

М. А. Арэфьев

(Доктор философских наук, профессор)

А. Г. Давыденкова

*(Доктор философских наук, профессор,
Санкт-Петербургский аграрный университет;
ant-daga@mail.ru)*

ПРИНЦИП ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКОГО АНАРХОКОЛЛЕКТИВИЗМА КАК БАЗИСНАЯ ЦЕННОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ

1. Кооперативное движение в условиях рыночной экономики является по своей сути структурным и структурообразующим элементом и выступает реальным фактором современного народного хозяйства страны.

2. Согласно Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации» 1995 г. определяются следующие основные принципы ее создания: добровольность членства; взаимопомощь и обеспечение экономической выгоды для членов кооператива; распределение прибыли и убытков кооператива между членами с учетом их личного трудового участия или участия в хозяйственной деятельности и др.

3. Эти принципы выработаны мировой практикой развития кооперации. Исторические особенности русской кооперации должны в полной мере учитываться при формировании современных правовых, социальных и культурных норм кооперации.

4. Почвой для развития кооперации в пореформенной России явилась возросшая дороговизна жизни и развитие личного посредничества (ростовщичество).

5. Солидарность и взаимная поддержка способствовали сохранению в русском народе общинных начал, содействовали продолжению традиций

самоуправления и самоорганизации, и поддерживались и регулировались нормами обычного права.

6. История кооперативного движения в пореформенной России распадается на начальный период (1865–1870-е гг.), период упадка или ликвидационный период (1870–1880-е гг.), период постепенного укрепления и роста (1881–1891). С 90-х годов начинается новый период, когда она превращается во всенародное движение.

7. Русское кооперативное движение представлено и научными работами. В первую очередь это такие выдающиеся деятели мировой и отечественной культуры XX века как А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев.

8. Основа земельных порядков общества, идущего на смену капитализму, по Кондратьеву, лежит в органическом сочетании трех форм землевладения: государственной; кооперативной; индивидуально-крестьянской.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферов А.* Очерки по кооперации: Сборник лекций и статей. — М., 1912.
2. *Исаев.* Артели в России. — СПб., 1881.
3. *Кропоткин П.* Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. — Пг. — М., 1922.
4. *Меркулов А. В.* Исторический очерк потребительской кооперации в России. — М., 1917.

П. И. Талеров
(Кандидат исторических наук, доцент,
директор Учебного центра
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
web8@pochta.ru)

КЛАССИКИ РУССКОГО АНАРХИЗМА ЗА И ПРОТИВ НАСИЛИЯ

Вопрос насилия/ненасилия стал ключевым для классиков русского анархизма. Есть существенные различия в подходах как в теории, так и в практике революционного движения.

М. А. Бакунин — активный участник европейского революционного движения конца 1840-х и 1860-х гг. — известен своими радикальными высказываниями в отношении революционного насилия. Освобождение народа он связывал с необходимостью «беспощадного разрушения всего государственного строя, коренного уничтожения всех порядков общественных, сил, средств, вещей и людей, на которых зиждется крепость империи». Беспощадный бунт, жестокий и беспощадный разбой, провозглашённый Бакуниным «одной из почётнейших форм русской народной жизни», — должен стать естественной реакцией на злодеяния правительства.

Взгляды П. А. Кропоткина заметно эволюционировали от радикальных форм борьбы к более продуманным способам и методам воздействия, диктовавшимся реальным историческим опытом начала XX в. со всеми проявившимися его кровавыми жестокостями. Подходить к откровенному насилию нужно вдумчиво и взвешенно, имея определённые и понятные мотивы: теракт должен быть «понятен всякому без длинных объяснений и сложной мотивировки» и, кроме того, есть «дело решимости отдельной личности или кружка помогающей ей товарищей». А в грядущем социуме Кропоткин предлагал искать ненасильственные формы самоуправления.

Совершенно иное отношение к проблеме насилия у христианских анархистов толстовского толка. Непротивление, любовь, неделание — принципы, на которых строится этическое учение Л. Н. Толстого. Чтобы избежать угнетения народа и ненужных войн и чтобы «никто не возмущался на тех, кто кажется виновниками их, и не убивал их, надо <...>, чтобы люди понимали вещи, как они есть, и называли их настоящими именами», а также пробуждались от того гипноза, в котором их старательно держат правительства.

В. Д. Ермаков
(Доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт культуры;
ermak1913@mail.ru)

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ М. А. БАКУНИНА И П. А. КРОПОТКИНА НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 гг.)

Состояние анархистского движения кануна Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. Первые попытки консолидации анархистского движения в стране. Возвращение в Россию из эмиграции П. А. Кропоткина, его взгляды на развитие революционных событий в стране и оценка сложившегося политического положения. Участие российских анархистов в революционных событиях 1917 г. (апрельский, июньский и июльский кризисы Временного правительства). Роль отдельных анархистов и ряда их сторонников в захвате власти в стране большевистской партией во главе с В. И. Лениным. Анархистские боевые дружины и их участие в различных вооруженных конфликтах и первых сражениях начавшейся в стране Гражданской войны. Ряд военных конфликтов анархистских вооруженных отрядов с Советской властью, разоружение сторонников анархистских взглядов в Москве и ряде других городов страны. Действия российских анархистов на Черноморском и Балтийском фронтах, а также участие матросских отрядов, находившихся под влиянием анархистов в целом ряде сражений на сухопутном фронте во многих регионах страны. Анархисты и их сторонники в рядах Красной армии: сотрудничество, противоречия и конфронтация. Партизанско-повстанческое движение в 1918–1922 гг. и участие в нем анархистов. Н. И. Махно и махновщина как наиболее яркое проявление анархистской вольницы в период Гражданской войны в России. Образы отдельных лидеров анархистского движения страны в искусстве и в действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аришинов П. [А.] История махновского движения (1918–1921 гг.)*.— Берлин, 1923.
2. *Махно Н. И.* Воспоминания.— М., 1991.
3. *Ермаков В.Д.* Анархистское движение в России в XX веке. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук.— СПб., 1997 г.
4. *Ермаков В.Д., Талеров П. И.* Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник.— СПб., 2007.— 724 с.

А. А. Ильин
(Аспирант,
Национальный исследовательский университет,
«Высшая школа экономики»;
andrew.a.ilyin@gmail.com)

ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» У М. БАКУНИНА: АМБИВАЛЕНТНОСТЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Понятие «революция» является одним из центральных для объяснения и понимания биографии и мысли М. А. Бакунин.

В докладе будет продемонстрирована возможность выделения двух подходов к революции у Бакунина: революция как возвращение и восстановление справедливости и революция как создание чего-то ранее небывалого, как шаг на пути к прогрессу. Первому подходу соответствует его теория общины и тезис о частичном возвращении догосударственного порядка, примеры которого можно найти в прошлом: «Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующие из одного княжества в другое, пользовались только ограниченной властью <...> земля в действительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всем — народу. Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племен империи — идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо, в народном сознании — идеи, носящей в себе все социальные революции, прошедшие и будущие...».

При втором подходе революция понимается как прогрессивный шаг, не отсылает к историческим прецедентам и не оправдывается неизменно существующим правом: «...революция не успокоится, пока не разрушит окончательно старого одряхлевшего мира, и не создаст из него нового прекрасного мира». На основании представленного анализа амбивалентности данного понятия могут быть выводы о влиянии Бакунина на последующую политическую мысль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин М. А. Воззвание к славянам // Собрание сочинений и писем. 1828–1876: В 4 т.— М., 1935.— Т. 3.
2. Бакунин М. А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1868 г. // Избранные сочинения: В 5 т.— СПб; М., 1920.— Т. 3.
3. Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т.— М., 2014.— Т. 1.

В. А. Должиков

*(Доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный университет;
dolshikov@yandex.ru)*

**М. А. БАКУНИН
О СИСТЕМНОЙ КОРРУПЦИИ
В АЛТАЙСКОМ «КАБИНЕТСКОМ» ИМЕНИИ**

В докладе освещается малоизученный сегмент политико-социологического наследства М. А. Бакунина, связанный с формированием его воззрений на феномен традиционной институциональной коррупции.

Во время двухлетнего пребывания в Томске (1857–1859 гг.) мыслитель целенаправленно изучал реалии Алтайского округа, где впервые обратил внимание на беспрецедентную коррумпированность чиновников, управлявших имением правящего в России монарха. При посредничестве издателей «Колокола», он попытался вызвать интерес у русской общественности к данной проблеме. Позже Бакунин сформулировал определение коррупции как феномена мировой истории, до сих пор являющееся актуальным.

Автором выделен целый ряд факторов, обусловивших генезис его воззрений на коррупцию в России, в том числе, акцентируется «опричная» специфика института императорской абсолютистской власти-собственности. Как пример эффективного противодействия системной коррупции, представлен опыт успешной модернизации кадрового корпуса чиновников, осуществлявшейся на региональном уровне в Восточной Сибири по инициативе генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского в 1850-х гг. и при непосредственном участии М. А. Бакунина, других ссыльных оппозиционных политиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Должиков В. А. М. А. Бакунин о коррупции в Алтайском горном округе (50–60-е гг. XIX в.)* // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. — Барнаул: Си-пресс, 2013.
2. *Должиков В. А. М. А. Бакунин о коррупции (к 200-летию со дня рождения мыслителя)* // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. — № 4/1(84).
3. *Бакунин М. А. Письмо А. И. Герцену и Н. П. Огареву от 7 ноября — 8 декабря 1860 г. из Иркутска — Красноярска* // Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. — М., 1935. Т. IV.

Б. Чендов

*(Доктор философии, член Союза учёных Болгарии,
Российского философского общества,
Международной Ассамблеи по истории науки)*

Т. Михайлова

*(Доктор психологии, Болгария;
borischendov@yahoo.com)*

МИХАИЛ БАКУНИН — АПОСТОЛ СВОБОДЫ, ФИЛОСОФ И РЕВОЛЮЦИОНЕР

Михаил Бакунин является богатой и сложной личностью, имеющей множество проекций в человеческой истории: он первый познакомил русскую интеллигенцию с диалектикой Гегеля, развивал позитивизм Огюста Конта и материализм Фейербаха; является автором значительных философских и социально-политических концепций; теоретик народнического движения и один из основателей и первый русский теоретик учения анархизма, деятель I-го Интернационала, в котором вошел в противоречие с К. Марксом, а также сыгравший важную роль в политических событиях XIX-го века. Почти два века тому назад Бакунин высказал важные идеи о научном познании, а конкретнее — о свободе личности, которые и сегодня имеют важное значение. Легендарный революционер, которому были вынесены смертные приговоры от трех империй, до конца своей жизни оставался бунтарём. Его идеи для “великой гармонии на Земле без страха, без насилия и без рабства, <...> свобода для каждого, свобода для всех” — остались мечтами, которые и сегодня возвышают человеческий дух. Образ Бакунина как прототип нашёл отражение в художественной литературе, опере, кино и поэзии, заняв значительное место в мировой культуре. Любвиобильное сердце Бакунина превратилось в пульс истории. Его дух со своими сказочными мечтами о будущем человечества не даёт покоя и сегодня!

Эти позиции авторы будут защищать в трех направлениях: Бакунин как философ, идеи Бакунина о свободе и его практическая революционная деятельность как опыт по их реализации,— подводя эту защиту под знаменатель сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пирумова Н. М.* Бакунин / серия “Жизнь замечательных людей”.— М., 1970.
2. *Бакунин М. А.* Избранные философские сочинения и письма.— М., 1987.
3. *Бакунин М. А.* Собрание сочинений и писем, 1828–1876 / под ред. Ю. М. Стеклова.— Т. 3.— М., 1935.

А. Ю. Фёдоров

(Специалист-археолог, ООО «Столичное археологическое бюро»;
fedorovan36@gmail.com)

БАКУНИН ПРОТИВ МАРКСА: КТО БЫЛ ПРАВ В ПЕРВОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

С момента учреждения Первого Интернационала в 1864 г. прошло уже более ста пятидесяти лет, так что теперь мы имеем возможность анализировать и изучать, насколько жизнеспособны и перспективны были те или иные идеи двух его наиболее известных руководителей. В первую очередь это касается взглядов К. Маркса и М. А. Бакунина на то, как именно осуществить переход от капиталистического к социалистическому обществу.

Ортодоксальная марксистская школа утверждает, что, безусловно, прав был Маркс, а бакунизм, и, вслед за ним и анархизм в целом, потерпели полное историческое фиаско. В свою очередь сторонники анархистских идей традиционно утверждают обратное, хотя и с некоторыми оговорками, причиной чему является противоречивость ряда бакунинских идей.

Как представляется, при жизни Бакунина и Маркса история лишь обозначила спор двух выдающихся социалистических мыслителей: истории Парижской Коммуны во Франции и Кантональной революции в Испании стали не более чем первыми пробными шагами в деле практической реализации социалистических идей. В любом случае, как писал Маркс, «В практике должен доказать человек истинность (...) своего мышления».

В результате именно двадцатый век дает исследователям возможность ответить на вопрос о том, так кто же все-таки был прав в рамках Первого Интернационала: Маркс или Бакунин. И, как нам представляется, опыт Великой Российской революции 1917–21 гг., и, в особенности последовавшего за ним периода сталинской диктатуры, наглядно продемонстрировали человечеству правоту Бакунина, когда тот предупреждал о том, что приход к власти марксистов с их идеей пролетарской диктатуры закончится полным крахом, и лишь усилит государство, заблокировав путь к социализму. Подтвердил это и опыт Испанской революции 1936–39 гг.

А. В. Шубин

*(Доктор исторических наук,
руководитель Центра истории
России, Украины и Белоруссии
Института всеобщей истории РАН;
shubinav@mtu-net.ru)*

ЧЕЛОВЕК РОМАНТИЧЕСКОГО ВЕКА

Фигура Михаила Александровича Бакунина не уместается в том столетии, в котором ему довелось жить. Да он и в двух столетиях не помещается. Бакунин — человек сразу трех столетий. Во-первых, он плоть от плоти своего XIX века — столетия философствования, баррикад, романтических восстаний. В царской России Бакунин — типичный «лишний человек», зато в общественной жизни Запада — как рыба в воде. Неутомимый полемист и заговорщик в то время, когда заговорщиками были даже либералы и консерваторы. Но в том, XIX веке Бакунин с потрясающим провидческим даром рассуждал о проблемах века XX. Он рисовал картины русской революции, многие из которых стали реальностью в 1905 и 1917 гг. Бакунин предупреждал о последствиях внедрения государственного социализма с такой точностью, будто побывал в сталинском СССР, по дороге еще и проехав через нацистскую Германию. Но и XX век — не конечная точка его интеллектуальных путешествий. Он рисовал картины нового общества, в котором не будет ни капиталистического, ни государственного угнетения, где будут преобладать товарищеские связи и самоуправление работников. XXI век ставит вопросы о новом обществе, и футурологи вынуждены переоткрывать то, о чем писали Прудон и Бакунин. Жизнь Михаила Александровича Бакунина напоминает приключенческий роман. Драматизм этой жизни сыграл с Бакуниным злую шутку. Нет недостатка в его жизнеописаниях, малейшие подробности этой жизни обсуждаются во множестве книг и статей. Да вот только идеи этого человека оказываются в тени его яркой личности. А ведь Бакунин жил ради этих идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корнилов А. А.* Молодые годы Михаила Бакунина.— М., 1915.
2. *Корнилов А. А.* Годы странствий Михаила Бакунина.— М.– Л., 1925.
3. *Неттлау М.* Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.— Пг.– М., 1920.
4. *Пирумова Н. М.* Бакунин.— М., 1970.

Л. Ю. Гусман

*(Доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения;
blummer@mail.ru)*

РУССКАЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РАННИЙ АНАРХИЗМ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Середина XIX в. для России — период кристаллизации и развития самых разнообразных идейных течений. Время общественного пробуждения и надежд, связанных с ожидавшимися реформами, первоначально характеризовалось относительным единством стремлений и целей. Однако, уже с конца 1850-х гг., начался раскол внутри «прогрессистского» общества, связанный с различными взглядами на будущее России, и цивилизации в целом, на смысл и темпы происходивших преобразований.

В докладе рассматривается проблема взаимоотношений российской либерально-конституционалистской эмиграции конца 1850-х — середины 1860-х гг. с формирующимся анархизмом, в частности с бакунизмом.

Бакунистская идеология безгосударственности и бунтарства приобрела свою окончательную форму после разрыва своего основателя с К. Марксом, но и ранее она решительно противостояла любой разновидности как правового, так и экономического либерализма и не могла не вступить с ним в острую идейную конфронтацию, нашедшую свое продолжение в полемике П. А. Кропоткина с современными ему либералами.

В целом история взаимоотношений деятелей анархистского и конституционалистского течений общественной мысли 1850–1860-х гг. свидетельствует о полной идейной несовместимости этих взглядов. Между их представителями могли существовать лишь недолгие тактические альянсы, обреченные на скорый провал, поскольку основной спор между сторонни-

ками подобных мнений касался путей развития России: должна ли страна идти к общинному социализму, или к буржуазно-демократическому строю по западному образцу. Компромисс между такими убеждениями найти было трудно, если не невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. <Долгоруков П. В.> Библиографические заметки // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. — 1863. № 5. — С. 39.
2. <Блюммер Л. П.> Примечание редакции // Свободное слово. — 1863. — № 1. — С. 30.
3. Долгоруков П. В. Письмо президенту так называемого «Конгресса мира» // Ермолаев И. Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова. — Псков, 2001.

А. Н. Гарявин

*(Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
аграрный университет;
aleksei_garyavin@mail.ru)*

АГРАРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ М. А. БАКУНИНА И П. А. КРОПОТКИНА: ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА

Теоретики российского классического анархизма — М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин — посвятили фрагменты своих произведений и даже целые труды судьбам русского крестьянства и устройству русской деревни. Общинность, как полагал Бакунин, — это черта, изначально присущая русскому крестьянину. Поэтому сначала необходимо провести социальную революцию, в которой немаловажная роль отводилась крестьянству. П. А. Кропоткин пошел дальше М. А. Бакунина и предложил свой вариант устройства постреволюционной деревни.

М. А. Бакунин подчеркивал, что «всё будущее русского народа лежит в крестьянстве». Он рассматривал аграрно-крестьянский вопрос в следующих аспектах:

— привлечение крестьянства на сторону революционно настроенных масс, пропагандистская деятельность в деревнях, а также некоторые мнения по поводу будущей «крестьянской революции»;

— устройство русской деревенской жизни в виде совокупности самоуправляющихся крестьянских общин, связанных между собой посредством вольного (свободного) договора или соглашения;

— менталитет русского крестьянства, в том числе и его религиозность;

— анализ правительственной и государственной политики российско-го самодержавия и монархических режимов западноевропейских стран по аграрно-крестьянскому вопросу.

«Речи бунтовщика» П. А. Кропоткина содержат раздел, посвященный разработке аграрного вопроса. В книгах «Хлеб и Воля» и «Поля, фабрики и мастерские» классик анархизма рассматривал перспективы развития аграрного сектора в новом обществе после совершения социальной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земельный кодекс Российской Федерации — Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ.
2. *Гарявин А. Н.* М. А. Бакунин о менталитете русского крестьянства // Менталитет россиянина: история проблемы. Материалы 17-й Всеросс. заочной науч. конф. — СПб., 2000.
3. *Бакунин М. А.* История моей жизни. Ч. 1: 1815–1840 гг. // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876. — Т. 1. — М., 1934.

Я. В. Леонтьев

*(Доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова; leoyar@mail.ru)*

КУЛЬТУРНЫЕ КУЛЬБИТЫ АНАРХИСТОВ

Карикатурный образ анархистов, привитый нескольким поколениям наших соотечественников советским агитпропом, остался давно в прошлом. К последователям идей Бакунина и Кропоткина или к числу их единомышленникам в СССР принадлежали столь разносторонние и не похожие на «братишек»-матросов из советского кинематографа люди, как крупный философ, профессор МГУ А. А. Боровой, председатель Русского технического общества, выдающийся инженер П. А. Пальчинский, известный авиатор, первый главком военно-воздушными силами Советской Республики К. В. Акашев и ряд других неординарных фигур. Не смотря на то, что изучение истории анархистского движения находится на подъеме, из историографии выпало несколько не менее ярких и глубоко творческих людей, проявивших себя в свое время в качестве практиков анархизма. К таковым относятся известный писатель, лауреат Сталинской премии первой степени (1952), автор романов «Салават Юлаев» (1929), «Остров Буян» (1948), «Степан Разин» (1951), «Пропавшие без вести» (1962) С. П. Злобин, видный писатель, сценарист и драматург, лауреат Сталинской премии и двух Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда (1979) Е. И. Габрилович, актер, снявшийся в ряде культовых фильмов («Жди меня» (1943), «Донецкие шахтеры» (1950), «Летят журавли» (1957)), Л. А. Алексеев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиволов Леонид [Габрилович Е. И.]. Проблема личности в анархизме // Жизнь и Творчество Русской Молодежи. — 1919. — № 20.

2. Беседа с П. А. Кропоткиным // Там же. — 1919. — № 32–33.
3. Домбровский Ю. Степан Павлович // Статьи, очерки, воспоминания / Собр. соч. в 6-ти т. — Т. 6. — М., 1992.
4. Злобин С. П. Остров Буян / Послел. М. Кораллова. — М., 1994.
5. Суворов В. П. Анархизм в Тверской губернии: вторая половина XIX в. — 1918 г.: Дисс. ... канд. ист. наук. — Тверь, 2004.

И. В. Аладышкин
(Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет;
i-bez@yandex.ru)

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА: М. ШТИРНЕР И М. БАКУНИН В СВЕТЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ АНАРХИЗМА

В связи с Максом Штирнером и Михаилом Бакуниным, учитывая разнообразие тем к которым способно подтолкнуть их сравнение, сказать можно многое. Однако о связи этих двух мыслителей тому историку, что по-прежнему самозабвенно преследует прошлое по пути соответствия и аутентичности, сообщить нечто определённое довольно трудно. Не случайно расхожее мнение о влиянии автора «Единственного и его собственности» на разработку Бакуниным целого ряда идей так и не получило развёрнутого анализа. Впрочем, связь двух мыслителей в том и не нуждается. Несмотря на все доказательства и сомнения в связующих моментах между отдельными представителями теории анархизма, одна связь останется нетронутой, та связь, что определяется проблемным полем исследования и механизмами сопоставления. И дело не в исследовательском волюнтаризме. Нет. Сознательная манипуляция фактами и доводами не в счёт, проблема в той исходной позиции, с которой исследователь обращается к сопоставлению двух мыслителей прошлого, проблема в самом сопоставлении.

Последнее уже содержит оценочное сравнение, включающее исходные мотивации, приоритеты и неизбежные пристрастия, которые в каждом из своих индивидуально-конкретных воплощений и есть та цель, для достижения которой все средства хороши. Причём мотивация признания/непризнания «Единственного...» в ряду идейных источников

анархистских воззрений Бакунина многогранна, начиная со стремлений реконструкции единого древа теории анархизма[1] и заканчивая желанием «избавить» певца «свободы и справедливости» от тени привычно осуждаемого проповедника эгоизма[2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Nettlau M.* Michael Bakunin. Eine Biographie. London, 1894–1900. V. 1.
2. *Kašik V.M.* A. Bakunin.— Praha: Nakladatelství svoboda, 1969.
3. *Пирумова Н. М.* Социальная доктрина М. А. Бакунина.— М.: Наука, 1990.

П. В. Рябов

*(Кандидат философских наук, доцент,
Московский педагогический
государственный университет)*

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО: ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. А. БОРОВОГО В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ АНАРХИСТОВ РОССИИ И СНГ

В докладе пойдёт речь о том, какое место личность и наследие Алексея Алексеевича Борового (1875–1935) занимает в современном анархическом движении и анархической мысли России и стран СНГ. Рассмотрение этой проблемы несколько осложняется двумя обстоятельствами: а) тем, что многие периодические анархические издания в различных частях СССР-СНГ и их возможное обращение к фигуре А. А. Борового может быть неведомо исследователям; б) тем, что многие современные анархисты из стран СНГ одновременно являются исследователями (историками, философами) анархизма, и не всегда возможно (да и нужно) разделять эти две их ипостаси: анархических мыслителей, публицистов и активистов и учёных.

В 1987–88 гг. начинается возрождение анархизма в СССР, уничтоженного большевистским террором полвека назад. Естественно (учитывая, что первые анархисты зачастую были историками) их обращение к своим предшественникам, переоткрытию и реабилитации их наследия. В современную мысль возвращаются и актуализируются Михаил Бакунин, Пётр Кропоткин, Лев Толстой (в качестве мыслителя-анархиста), Нестор Махно... Разумеется, не могли современные анархисты пройти и мимо такой яркой, замечательной и значимой фигуры, как Алексей Боровой. Этому способствовало и рассекречивание его огромного и бесценного фонда в РГАЛИ в конце 1980-х гг.

Таким образом, личность и идейное наследие А. А. Борового не забыты современными анархистами: многое из его творчества по-прежнему актуально и востребовано, особенно бескомпромиссная защита свободы, анализ власти, критика большевизма и марксизма и попытки обновления анархизма как адогматичного и развивающегося философского учения, основанного на самоосвобождении личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Община.— М., 1991.— № 47.
2. Родина.— М., 1992.— № 3.
3. *Боровой А. А.* Бакунин.— [М.], 1994.
4. *Боровой А. А.* Власть.— М., 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

<i>А. Р. Фокин</i>	
Зрительный акт как аналогия происхождения ума от единого у Плотина и Сына и Святого Духа от Отца у Мариа Викторина и Аврелия Августина	6
<i>А. М. Тагинский</i>	
Предпосылки развития учения о трансценденталиях в античности: доаристотелевский период	7
<i>К. В. Карпов</i>	
“Нераздельность” трансценденталий: от Филиппа Канцлера к Бонавентуре . . .	9
<i>Р. В. Савинов</i>	
Феномен аверроизма: философский смысл и социальное содержание	11
<i>А. Е. Беляев</i>	
Л. А. Тихомиров и И. Л. Солоневич о народном представительстве в самодержавном государстве	13
<i>Я. В. Дербенева</i>	
Религия как свобода духа (на материале работы И. А. Ильина «Аксиомы религиозного опыта»)	15
<i>А. И. Прохоров</i>	
Топология сознания как метод герменевтики феноменологического текста	17

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

<i>Е. Линь</i>	
К вопросу о бунинской философии «Чаши жизни».	20
<i>И. П. Литвина</i>	
Писсарро — график и педагог	21
<i>А. И. Булахова</i>	
Медиагерой	22

<i>П. А. Шуплов</i>	
Проблема исключительности и общих правил	24
<i>О. В. Сахарова</i>	
Стихотворение М. Ю. Лермонтова	
«Мой демон» (1830–31): опыт религиозного комментария	25

БОККАЧЧО В МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

<i>Л. Н. Полубояринова</i>	
«Где “сокол” зарыт»:	
дискуссия о малых повествовательных жанрах	
в немецкоязычной литературе XIX века	28
<i>И. И. Бурова</i>	
«Тритамерон» Р. Грина: английский потомок «Декамерона» Дж. Боккаччо	30
<i>Ф. В. Фуртай</i>	
Кинематограф Джованни Боккаччо	32
<i>А. Ю. Миролюбова</i>	
«О Теодоро!», или один случай ренессансного интертекста	33
<i>С. М. Капилуни</i>	
Боккаччо в творчестве Макиавелли	
и проблема комического в итальянской культуре	34
<i>А. А. Салтыков</i>	
Два воплощения одного сюжета:	
пятая новелла четвертого дня «Декамерона» Дж. Боккаччо	
и сказка «Эльф розового куста» Х. К. Андерсена	36
<i>О. А. Светлакова</i>	
Петраркистский сонет и новелла Боккаччо	
в ренессансном жанровом поиске: сервантесовские решения	37
<i>К. С. Ланда</i>	
Боккаччо и Данте: тема поэта и поэзии в творчестве Боккаччо	38
<i>И. В. Соболева</i>	
Произведения Дж. Боккаччо	
в русских пересказах и переводах XVIII–XX вв.	39
<i>К. И. Смирнова</i>	
Вкус Средневековья и Раннего Возрождения в «Декамероне» Боккаччо	40
<i>М. С. Петрова</i>	
К. Н. Батюшков как переводчик Боккаччо: «Новелла о Гризельде»	41
<i>В. В. Андерсен</i>	
Французские отзвуки «Декамерона»	42

**СЕКТА:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ**

<i>В. А. Егоров</i>	
Религиозная этика в НРД	44
<i>В. А. Курилов</i>	
Советское государство и баптизм во второй половине XX века	45
<i>М. В. Колмакова</i>	
Термин «секта» на страницах журналов	
«Вопросы философии» и «Наука и религия» в 60-е гг. XX в.	47
<i>А. В. Катаева</i>	
«Секта» как объект исторического и теоретического исследования.	49

**ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

<i>Э. В. Онищенко</i>	
Профессиональная культура современного педагога:	
проблемы и перспективы формирования	52
<i>Н. В. Белкина</i>	
Междисциплинарный проект как средство внедрения инноваций	
в деятельность государственного бюджетного образовательного учреждения ...	53
<i>Т. Н. Рейзвих</i>	
Принципы признания неформального образования в Европе	
и российская действительность	55
<i>А. Е. Рябчук</i>	
Развитие информационно-коммуникативной культуры педагога	
в процессе интерактивного взаимодействия	57
<i>Л. А. Храмцова</i>	
Организция процедуры самооценки младших школьников	
как средство повышения качества образовательного процесса	59

Е. И. ЗАМЯТИН: PRO ET CONTRA

<i>М. Ю. Любимова</i>	
Е. И. Замятин: Pro et contra.	
Итоги и перспективы научно-издательского проекта	62
<i>Л. В. Полякова</i>	
Интегральная поэтика рассказа Е. Замятина «Пещера»	63
<i>Т. Т. Давыдова</i>	
О концепции замятинской энциклопедии	65

<i>М. А. Хатямова</i>	
Творчество Е. И. Замятина: проблемы литературности и саморефлексии прозы	67
<i>Н. Н. Комлик</i>	
Народно-православное мирозерцание в художественном преломлении рассказа Е. Замятина «О том, как исцелен был инок Еразм»	69
<i>Л. И. Шишкина</i>	
Традиции народной смеховой культуры в политической сатире Е. Замятина . . .	71

РОЛЬ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

<i>Л. Е. Артамошкина</i>	
Проблема культурной памяти на рубеже веков	74
<i>М. Н. Цветаева</i>	
«Русские вопросы» в искусстве 19 — нач. 20 века: актуальность вечного	76
<i>Д. Н. Козырев</i>	
Технократизм и православная антропология (О. Клеман о будущем цивилизации)	78
<i>Л. П. Морина</i>	
Символ: конфликт интерпретаций в современной культуре.	80
<i>С. В. Московская</i>	
Школа Сидлина и школа «Храмовая стена»: традиции и художественно-эстетические основания	82
<i>О. И. Котина</i>	
Концепция виртуального музея Н. С. Гумилёва	83
<i>Н. М. Любомудрова</i>	
Архетип дороги в русской культуре.	85
<i>О. Б. Сокурова</i>	
Базисные слова-универсалии русской духовности и культуры	87
<i>Н. В. Крыжановская</i>	
Кинематограф оттепели в истории страны	89

СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БИОЭТИКИ

<i>В. А. Егоров</i>	
К предметному полю биоэтики	92
<i>Протоиерей Игорь Аксёнов</i>	
Трансгуманизм и вспомогательные репродуктивные технологии.	93
<i>С. Б. Веселова</i>	
Звериный стиль эпохи Модерн	95

<i>А. И. Булахова</i>	
Трансгендерность и границы человечности	97
<i>Я. Г. Гаврилова</i>	
Этика бессмертия	98
<i>О. О. Ареньева</i>	
Войны в социальных сетях. Испытание троллем	99
<i>С. О. Никулин</i>	
Утопические проекты научной рациональности: трансгуманизм	101
<i>Н. Б. Аразян</i>	
Гиппиус. Проект нового человека в контексте русской мысли рубежа веков . . .	103

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>А. А. Ермичев</i>	
Параллелизм в русской философии XIX века: становление основной идеи . . .	106
<i>И. И. Евлампиев</i>	
Русская философия как европейская философия.	108
<i>П. А. Сапронов</i>	
Русская философия как религиозно-философская мысль вне религии	109
<i>Т. В. Артемьева</i>	
Философия за пределами академического профессионализма в эпоху Просвещения	110
<i>А. К. Судаков</i>	
«Может быть, Византия могла бы сделаться христианской...»: И. В. Киреевский о муках и соблазнах византийской культуры	111
<i>С. А. Воробьева</i>	
Формирование компаративистского подхода в русской философии истории первой половины XIX века.	113
<i>В. А. Щученко</i>	
Проблема культурного анализа и культурного синтеза в русской религиозно-философской мысли первой половины 20 столетия: теоретические параметры и современные процессы.	115

ПРОРОЧЕСТВА, ПРОЕКТЫ, УТОПИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (К 130-летию выхода книги К. Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство»)

<i>О. Л. Фетисенко</i>	
130 лет «Учебнику смелости»	118
<i>Д. С. Кунильская</i>	
Греческий мир в романе К. Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес»: история и пророчества	119

<i>Б. В. Межуев</i>	
«Смысл войны» Владимира Соловьева: опыт двойной эсхатологии	120
<i>Б. Ф. Егоров</i>	
Начальный этап советских утопий	121
<i>А. П. Дмитриев</i>	
Спор И. Ф. Романова-Рцы и С. Ф. Шарапова	
о возможности «эгалитарного вседовольства»	
(по поводу романа-утопии Э. Беллами «Через сто лет»)	123
<i>А. Э. Котов</i>	
П. П. Цитович и русская либеральная утопия	124
<i>А. И. Резниченко</i>	
История несбывшихся событий.	
«Сборник памяти В. Эрна» / «Эрну — друзья». Проект 1917 года	125

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СЮЖЕТЫ

<i>М. Р. Арпентьева, С. В. Брайцева</i>	
Пастырское служение в структуре социального служения	128
<i>К. А. Кузоро</i>	
Возникновение и эволюция церковной исторической науки	
в российских духовных академиях (XIX — первая четверть XX вв.)	130
<i>А. М. Молоток</i>	
Когда руки «поют»: современная практика	
церковной работы с глухими людьми; востребованность и дефицит кадров	132
<i>Диакон Антоний Данилов</i>	
Историческая причина появления традиции миссионерского богослужения	
в Русской православной церкви	133

ФЕНОМЕН ПОДВИЖНИЧЕСТВА В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>О. А. Туминская</i>	
Образы юродивых в предстоянии образу Троицы: иконографический ряд	136
<i>Е. Л. Ильина</i>	
Блаженная Любушка Сусанинская:	
жизненный путь и народное почитание	138
<i>В. И. Снесарь</i>	
Динамика феномена юродства в русской культуре	139
<i>Н. Н. Жервэ</i>	
Феномен новгородского юродства и прп. Михаил Клопский	141

<i>К. С. Емельянов</i>	
Почитание пострадавших за веру в XX веке в Советском Союзе в контексте холодной войны	143
<i>Н. З. Гаевская</i>	
Темпорология памяти смертной в подвиге юродства	145
<i>Иерей Богдан Полевой</i>	
Юродивая Матрона Мыльникова (Матрона Босоножка). Путь в XXI век	147
<i>М. К. Карпов</i>	
Преподобномученица Мария Гатчинская и ее почитание в Санкт-Петербурге и Гатчине	148
<i>Л. А. Ткачук</i>	
Лиминальные состояния в феномене юродства	150
<i>А. Н. Лепёхина</i>	
Архим. Таврион (Батозский). Подвижничество как опыт борьбы за человека и церковь	151
<i>О. В. Иванова</i>	
Литургическое творчество времен Большого террора по материалам судебно-следственных дел из архивов Урала	153
<i>А. Л. Мамонтов</i>	
Молодёжь и мученичество в раннем христианстве II–III веков	155

**«НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ»...: СТРАНЫ И ЛИДЕРЫ
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ**

<i>Е. С. Протанская</i>	
В Великой Отечественной войне победили образованные патриоты.	158
<i>С. М. Капилуни, Д. Ланца</i>	
Память и идентичность в генезисе итальянской послевоенной политической системы: дебаты про 1943–48 годы и их наследие.	160
<i>А. Н. Муравёв</i>	
К философски-правовому понятию священной войны	162
<i>В. В. Макаров</i>	
Зерна традиции и символика Великой Победы.	164
<i>Р. Н. Дёмин</i>	
Русская философия на страницах отечественных журналов в годы Великой Отечественной войны	166
<i>А. А. Ермичев</i>	
О патриотизме русского зарубежья в 1941–1945 годах	168

<i>О. В. Самылов</i>	
К анализу методологических оснований фальсификаций истории.	170
<i>А. П. Козлов</i>	
Проблема неудач Красной Армии в начальный период	
Великой Отечественной войны в современной историографии	171
<i>П. Н. Базанов</i>	
Партия Младороссов в движении Сопротивления во Франции	173
<i>Д. Ланца</i>	
Вторая мировая война, русский фронт: 24 августа 1942 года.	
Последняя атака итальянской кавалерии	175

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ПЕДАГОГИКА

<i>Ф. Н. Козырев</i>	
Измерение «нравственного возраста» в педагогической практике:	
возможности и перспективы	178
<i>С. А. Черняева</i>	
Религиозность как фактор психологического риска	
и как фактор преодоления кризиса	179
<i>Е. Г. Андреева</i>	
Духовно-нравственная одаренность	
и формирование ценностей у современных молодых людей	181
<i>В. В. Маслов</i>	
Философия образования:	
воспитательный компонент в системе общего образования.	183
<i>Д. В. Петров</i>	
Педагогический эмоционализм в трудах В. В. Зеньковского	185

БОГОСЛОВИЕ. ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ. ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>П. Б. Михайлов</i>	
Философский и исторический подходы в теологии:	
возможности взаимодействия	188
<i>Л. Ю. Костогрызова</i>	
К вопросу о соотношении понятий	
«церковное право» и «каноническое право»	190
<i>О. В. Терлецкий, Г. И. Григорьев</i>	
Об истинной болезни царя Авгаря,	
побудившей, Господа Иисуса Христа	
Сына Божьего, Сотворить «Святой Мандилион»	192

<i>А. С. Волков</i>	
Археологические раскопки в Эфесе и их значение для изучения апостольских миссий в Малой Азии	194
<i>А. В. Якименко</i>	
Использование элементов античной философии при построении категориального аппарата христианского богословия, как акт по де-эллинизации христианства	196
<i>А. А. Андреев</i>	
Английская редакция Типикона и рекомендации Поместного собора 1917–18 гг.	197
<i>И. В. Головина</i>	
Свобода личности и проблема творчества в трудах архим. Киприана (Керна)	198
<i>Р. В. Тулакин</i>	
Обзор литургической проблематики Лаодикийского собора (кон. IV в.)	200
<i>К. В. Кузнецова</i>	
Значение исследования дневников святого праведного Иоанна Кронштадтского для русского богословия	202
<i>Л. П. Павлова</i>	
Образ божий в человеке. Истоки антропологии личности в трудах Оливье Клемана	204
<i>С. В. Соловьев</i>	
«Моисеево седалище» (Мф. 23): можно ли понять буквально?	205
<i>Е. А. Мельников</i>	
Объяснение того, что атеизм по своей структуре является верой. Комментарии к «Чайнику Рассела»	207
<i>Д. О. Рожин</i>	
Основные методологические проблемы идентификации студийской литургической традиции (студийского устава)	209
<i>И. С. Феденко</i>	
«Нетрадиционное» наследие архиепископа Михаила (Мудьюгина)	211

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Д. К. Богатырёв</i>	
Постсекулярная гипотеза и особенности российской постсекулярности	214
<i>Н. А. Белякова</i>	
Человек уверовавший в условиях Холодной войны: о судьбе и творчестве Зои Крахмальниковой	216

<i>Н. С. Смирнова</i>	
Христианская проповедь в донорманнской Англии: аббат Эльфрик	217
<i>Д. Ю. Чернышенко</i>	
Возвращение к проблеме чешских глосс в «Mater verborum»	219
<i>М. М. Смирнов</i>	
Проблема интеграции духовной практики	
Харизматического движения «Крещение Духом Святым»	
в традицию Римской церкви	220
<i>А. А. Мухаметова</i>	
Катон Младший в раннехристианской литературе	222
<i>М. А. Малафеева</i>	
В дополнение о бинарных оппозициях в контексте старообрядческого	
эсхатологического дискурса	224
<i>К. Б. Ерофеев</i>	
Вероисповедная политика Временного правительства (1917 г.).	
Историко-правовой анализ	226
<i>А. Г. Гонтарчук</i>	
Экономико хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря	
и ее значение в период становления обители XV–XVII в.	227
<i>Д. В. Лузьянов</i>	
Взгляд на взаимоотношения государства и Церкви	
со стороны российских протестантов	229
ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ: ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	
<i>С. М. Капилуни</i>	
О безграничном желании бесконечного: Джакомо Леопарди	232
<i>К. Н. Фомина</i>	
Роль заимствования терминов и научной терминологии	
из итальянского языка в процессе формирования русского языка	233
<i>А. С. Коскова</i>	
Интерпретация символического значения образа Беатриче как Софии	
в свете синтеза «земного» и «небесного»	234
<i>З. Пшенинкова</i>	
Влияние политического текста на формирование	
идеи группизма в среде национальных меньшинств	235
<i>А. В. Денисенко</i>	
Применение дискурсивного анализа текста	
к публичным выступлениям поздравительного характера	
на примере напутственного обращения выпускникам С. Джобса	237

ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МИР В СВЕТЕ ТРИАДОЛОГИИ

<i>П. А. Сапронов</i>	
Человеческая реальность в соотнесенности с Богочеловеческой реальностью	240
<i>О. Е. Иванов</i>	
Бог и человек. Троическое и совместное бытие.	241
<i>Е. А. Евдокимова</i>	
Семья: от человеческого только человеческого к малой церкви	242
<i>К. А. Махлак</i>	
Триадология Августина в перспективе осмысления человеческой личности.	244
<i>Т. С. Сунайт</i>	
Коммунистическая идея как катастрофическая aberrация перспектив христианской антропологии	245

ЯПОНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

<i>В. Ю. Климов</i>	
Место синтоистских божеств и будд в учении школы «Истинной Веры Чистой Земли» (по проповедям иерарха Рэннэ, 1415–1499)	248
<i>М. С. Болошина</i>	
Японские параллели к памятникам древнерусской литературы: Ё. Накамура о семантике цвета в «Слове о полку Игореве» и «Хэйкэ-моногатари» («Повести о доме Тайра»)	250
<i>А. В. Климов</i>	
Решения Особого комитета по острову Сахалин от 23 декабря 1861 г.	251
<i>А. Ю. Гайлис</i>	
Привидения в мифологии и литературе Японии	253

ФЕНОМЕН АНАРХИЗМА. ВЗГЛЯД ИЗ ХХІ ВЕКА

<i>В. М. Артемов</i>	
Философия свободы М. А. Бакунина в контексте современных вызовов	256
<i>В. В. Дамье</i>	
Михаил Бакунин: критика системы представительной демократии.	258
<i>И. Л. Кислицына</i>	
Главная идея мировоззрения М. А. Бакунина	260
<i>Д. И. Рублев</i>	
Идеи М. А. Бакунина в анархистской мысли России и Русского Зарубежья 1900–1930-х гг.	262

<i>А. Камински</i>	
Мысль Михаила Бакунина в Польше.	264
<i>М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова</i>	
Принцип взаимопомощи русского анархоколлективизма как базисная ценность отечественного кооперативного движения	266
<i>П. И. Талеров</i>	
Классики русского анархизма за и против насилия.	268
<i>В. Д. Ермаков</i>	
Последователи М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина на фронтах Гражданской войны (1918–1920 гг.)	270
<i>А. А. Ильин</i>	
Понятие «революция» у М. Бакунина: амбивалентность и преемственность	272
<i>В. А. Должиков</i>	
М. А. Бакунин о системной коррупции в алтайском «кабинетском» имении.	274
<i>Б. Чендов, Т. Михайлова</i>	
Михаил Бакунин — апостол свободы, философ и революционер.	276
<i>А. Ю. Фёдоров</i>	
Бакунин против Маркса: кто был прав в Первом Интернационале	278
<i>А. В. Шубин</i>	
Человек романтического века	279
<i>Л. Ю. Гусман</i>	
Русская конституционалистская эмиграция и ранний анархизм в пореформенный период	281
<i>А. Н. Гарявин</i>	
Аграрные воззрения М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина: взгляд из XXI века.	283
<i>Я. В. Леонтьев</i>	
Культурные кульбиты анархистов	285
<i>И. В. Аладышкин</i>	
Цель оправдывает средства: М. Штирнер и М. Бакунин в свете преемственности классической теории анархизма	287
<i>П. В. Рябов</i>	
Возвращение Алексея Борового: личность и творческое наследие А. А. Борового в восприятии современных анархистов России и СНГ	289

Научное издание

**Сборник материалов XV Свято-Троицких
ежегодных Международных академических
чтений в Санкт-Петербурге
27–30 мая 2015 г.**

Верстка Т. О. Прокофьевой

*Материалы аннотаций публикуются
без издательского редактирования*

Подписано в печать с готового оригинал-макета 26.05.2015.

Формат 60 × 90 1/16. Бум. офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,00.

Тираж 200 экз. Заказ № 437*

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15,
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.

Тел.: (812) 310-97-91; факс: (812) 571-30-75;

e-mail: rhgapublisher@gmail.com

URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Контраст»

192029 Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38